

Ирина ХМЕЛЕВСКАЯ

...Мне хотелось,
Если бы я утратила только
высокий каблук и
откуда-нибудь мою
левую руку,
и потеряла бы гордость
благородия,
В комнате парил
унылый безвремен,
мебель стояла на стеллах,
средняя комната
оставалась пустой,
и в углу, у книжной полки,
на полу лежала палка -
один чертенок...

Проклятое наследство

Annotation

Невероятная способность вечно впутываться в самые немыслимые ситуации характерна для героини Хмелевской в романе «Проклятое наследство». На сей раз она оказывается втянутой в непонятное, загадочное преступление — «долларовую афёру», которое тщетно пытаются распутать компетентные органы. И, как всегда, наша героиня не теряет самообладания, а главное, чувства юмора, щедро делясь им с читателями.

- [Иоанна Хмелевская](#)

- [* * *](#)

Иоанна Хмелевская
Проклятое наследство
(Пани Иоанна — 7)

* * *

Телефон зазвонил поздно вечером. Наверняка я бы просто-напросто не подняла трубку, как поступала уже много месяцев, но именно в тот день в моих жизненных планах произошёл решительный поворот — я прекратила борьбу за спокойную жизнь.

Спокойная жизнь мне нужна была, чтобы написать наконец научно-фантастическую повесть, из-за которой я уже довела до белого каления добрую половину ядерных физиков Варшавы. Работаю я добросовестно, поэтому совершенно чуждые моей душе технические реалии считаю своим долгом согласовывать со специалистами. И не понимаю, почему они этого не любят.

Всем им я задавала один и тот же вопрос:

— Мне нужна такая штука, которая может улавливать космические лучи. Да нет, я знаю, что лучи состоят из частиц, ну, значит, она должна ловить эти частицы. Скажите, что это за штука?

Простой, бесхитростный вопрос вызывал почему-то смещение, хотя отвечали мне по большей части вежливо и всегда одно и то же:

— Да ведь эти частицы все пронизывают. Они, знаете ли, сквозь все проходят.

Я резонно возражала учёным:

— Вот именно, и дело как раз в том, чтобы эта штука имела дно.

Как только упоминалось дно, отловленный физик начинал нервничать и старался сплавить меня коллеге. Хоть бы один проявил оригинальность — нет, реакция у всех одна и та же! Не иначе как злополучное дно представляло собой военную тайну, которую они не имели права открыть постороннему.

Неудивительно, что в таких условиях повесть продвигалась вперёд с большим трудом.

Но я не сдавалась и ни на йоту не отступала от творческих планов, с головой погружившись в своё занятие и не обращая внимания на странные, удивительные события, с некоторых пор преследовавшие меня. События, однако, множились, упорно отвлекали меня от вдохновенного литературного труда, и наконец пришёл день, когда отвлекли окончательно. Вот в тот день я и прекратила борьбу за спокойную жизнь, сложила, так сказать, оружие в неравной борьбе.

И странное дело: последний гвоздь моей спокойной жизни забила

сущая безделица, так называемая вонючка. Незнакомые люди пришли с жалобой и привели моего младшего сына. В их дворе он запустил упомянутую вонючку, доказательством чего служила дыра, прожжённая на штанах виновника. Дело происходило в добром старом дворе, этаким шестиэтажном колодце, так что вонючка полностью оправдала надежды её создателя. Люди, доставившие сына, имели все основания быть недовольными, и мне стоило немалых усилий хотя бы отчасти смягчить их негодование.

И вот тогда я как-то вдруг поняла: борьба за спокойную жизнь мне явно не по силам. И решила её прекратить. Таким вот образом и космические лучи спасовали перед вонючкой.

Ну и вечером того же дня зазвонил телефон.

Время для меня было совсем не позднее, всего одиннадцать часов. Точнее, двадцать три часа восемь минут. Время я так точно заметила потому, что у меня под носом тикал будильник и показывал двадцать три двадцать три, а поскольку он убегает вперёд на пятнадцать минут, сосчитать совсем просто. Задышающийся голос в телефонной трубке прошептал:

— Спасите, они убьют меня! Умоляю, милицию, скорей, улица Пясечинская, восемнадцать, квартира двадцать один, опять эти двое...

Голос прервался, в трубке послышались какие-то зловещие звуки — хрипение, стон, какой-то удар, после чего наступила тишина. Я замерла, не выпуская трубку. Опять звук удара, стук, потом вроде разговор двух мужчин, ни слова не разобрать. Потом голоса отдалились, слышны были лишь лёгкие постукивания.

Я положила трубку даже не очень удивлённая, так как за последнее время уже привыкла к необычным событиям вокруг меня. И подумала: как хорошо, что я уже распрощалась с мечтой о спокойной жизни, ведь не отреагировать на такой телефонный звонок с моим характером просто невозможно.

Может, это дурацкий розыгрыш? Человек, который звонил, так и не положил трубку.

Проверим. Я подняла телефонную трубку и убедилась: телефон заблокирован. Даже если и розыгрыш, надо как-то разъединиться с его автором, не то шутка может затянуться. Шутник оставит трубку рядом с телефоном, утром уйдёт на работу, и я, как минимум, до вечера останусь без связи. А у меня на следующий день запланированы очень важные разговоры, в том числе и с одним физиком-ядерщиком.

Телефон заблокирован, и помочь может лишь бюро ремонта телефонов,

но туда надо дозвониться, для чего опять-таки нужен телефон. Замкнутый круг.

А если это не розыгрыш? Нет, надо поскорей сообщить в милицию. Пусть она ломает голову.

Милиция... В последнее время мои контакты с ней вдруг излишне оживились — все из-за необыкновенных событий, закрутившихся вокруг меня. А тут снова я, да ещё с таким сообщением! Но другого выхода нет, придётся идти к соседям, чтобы от них позвонить. Спустившись этажом ниже, я взглянула на часы и все-таки нажала кнопку звонка. Потом ещё и ещё, и только тогда вспомнила: два дня назад соседи спускались по лестнице с чемоданами. Глухая тишина за дверью подтвердила предположение — они действительно уехали в отпуск.

Вернувшись к себе и убедившись, что телефон по-прежнему заблокирован, я взяла сумку и побежала звонить по телефону-автомату у нашего дома. Телефон-автомат, конечно же, был испорчен. Где ближайший исправный автомат, я не знала, у кого ещё из соседей есть телефон — я не знала, а звонить подряд во все двери не отважилась. Вернувшись к дому, я решила взглянуть на свою машину — сейчас скажу почему.

Думать лучше сидя, и я села в машину. Выбор у меня был богатый: поискать исправный телефон-автомат, поехать на главпочтамт и позвонить оттуда, остановить первую же патрульную машину, доехать до своего районного отделения милиции. И тут мне стукнуло в голову — ведь Пясечинская улица всего в ста метрах отсюда.

Я сидела за рулём, ключ торчал в зажигании, и рука сама собой повернула его. А раз повернула, то машина двинулась. А раз двинулась — в сторону Пясечинской...

* * *

Мне пришлось притормозить, потому что с Пясечинской как раз выезжали на старой «варшаве». И больше ни одной живой души вокруг.

Я подъехала к дому номер восемнадцать и вышла из машины. Дверь в подъезд была открыта. Лифт не работал. Я поднялась на пятый этаж и остановилась перед квартирой номер двадцать один.

Может, шутник целился не в меня, а в жильцов этой квартиры, вызывая на их голову среди ночи милицию? А мне звонил совсем из другого места, оттуда и заблокировал телефон? Вот сейчас перебуду незнакомых людей. Надо было просто из любого ночного ресторана

позвонить в бюро ремонта. Это же представить невозможно, что я сейчас услышу от разбуженных в полночь людей! А шутник тем временем положит трубку на место, и я даже не узнаю, кто же нас разыграл. Почему я то и дело влипаю в дурацкие истории и с возрастом ни капельки не поумнела?

Естественно, я тут же нажала на кнопку звонка, приготовившись к самому худшему. Тишина. Сделав приятное выражение лица, я нажала ещё раз. По-прежнему тихо. Нажимая в третий раз, я подумала, что ещё возможен и третий вариант: шутник хотел разыграть не меня, не жильцов этой квартиры, а милицию, которую почему-то не любит и решил поиздеваться над нею. После чего я осторожно взялась за дверную ручку.

Дверь оказалась незапертой и легко поддавалась, за ней — темнота.

Я в нерешительности стояла на пороге. Может, все они тут спокойно спят, дверь забыли запереть на ночь, и очень интересно, как мне объясниться в милиции, когда меня будут допрашивать в качестве взломщика-домушника.

Пошарив по стене у дверного косяка, я зажгла свет и слегка приободрилась. По-прежнему царил тишина. Передо мной была маленькая прихожая с кухонной нишей и приоткрытой дверью в комнату. Решившись, я на цыпочках прошла через прихожую, включила свет в комнате. И застыла на пороге.

Труп предстал моему взору сразу и целиком. Мне повезло. Если бы я узрела только высывающуюся откуда-нибудь ногу или руку, я пережила бы гораздо больший шок. В комнате царил умеренный беспорядок, мебель стояла по стенам, середина комнаты оставалась пустой, а в углу, у книжных полок, на полу лежал человек — явно мёртвый. У меня ком подкатил к горлу, перехватило дыхание, и я прямо-таки явственно почувствовала, как притаившийся в квартире убийца наносит мне удар в спину, чтобы избавиться от непрошеного свидетеля. Ноги подо мной подкосились. Замерев на пороге, я всеми силами старалась и не могла заставить себя отвести глаза от мертвеца.

Прошла целая вечность, пока ко мне не вернулась способность соображать. Первой мыслью был инстинктивный порыв бежать отсюда без оглядки. Да, конечно, бежать! Но сначала надо проверить проклятый телефон.

Аппарат стоял на книжной полке, над головой убитого. Значит, надо туда подойти. Очень хотелось закрыть глаза, но тогда я обязательно споткнусь о какой-нибудь из разбросанных по комнате предметов. Собравшись с духом, я отвалилась от дверного косяка и приблизилась к...

ну, к книжной полке. И сразу поняла, что это был тот самый телефон, по которому мне звонили. Трубка не лежала на рычаге, а повисла над ним, зацепившись одним концом за угол полки. Осторожно ухватив двумя пальцами, я положила её на рычаг, а потом опять приподняла. Послышался нормальный гудок.

И я сделала очередную глупость — отказалась от благоразумного решения бежать и набрала номер милиции. И тем самым окончательно погрязла в афёре, из-за которой, ничего об этом не зная, давно уже была на подозрении милиции, мало того — играла роль главной подозреваемой.

* * *

Майор Фертнер, худощавый, невысокий, с живым умным взглядом и оттопыренными ушами, глядя на меня неприязненно и с подозрением, велел перечислить все, к чему я прикасалась в квартире. В тоне, каким это было сказано, сквозила твёрдая убеждённость, что я все равно не скажу правды.

— Ручка входной двери, — ответила я, подумав. — Выключатель в прихожей. Называть только то, к чему я прикасалась рукой, или вообще? На косяк я навалилась, кажется, спиной.

— Рукой, рукой.

— Выключатель в комнате. Телефонная трубка. Больше ничего. Я все понимаю и специально старалась ни к чему не прикасаться, а потом ожидала вас на лестнице.

— А ручка второй двери?

— Вторую не трогала. Вторая дверь была приоткрыта.

— И вы утверждаете, что не знаете убитого? Вы уверены в этом?

Разговаривали мы, сидя на краю ванны, поскольку в комнате работала так называемая следственная бригада. Ванную комнату, по неизвестным мне причинам, осмотрели в первую очередь и теперь предоставили в наше с майором распоряжение.

— Откровенно говоря, нет, — виновато призналась я. — То есть я хочу сказать, что не уверена. Фамилия ничего мне не говорит, а что касается лица покойного, то те его фрагменты, которые я видела, мне решительно неизвестны. Но могу и ошибаться.

— Гм. Незнакомы, а он тем не менее вам звонил, ведь так? Значит, знал номер вашего телефона?

В самом деле, наверное, знал. Интересно, откуда? Да, идиотское

создалось положение, дальше некуда. Незнакомый человек последним усилием звонит мне и тут же выпускает дух. Глупее не придумаешь. И как бы я ни доказывала, никто мне не поверит, что мы незнакомы. Я сама бы не поверила.

— Интересно все же, почему он позвонил вам, а не, скажем, прямо в милицию? Вам самой это не кажется странным?

— Не кажется. Такое уж моё счастье, — мрачно ответила я. — Мечтала о спокойной жизни — значит, катаклизмы неизбежны. А вас я очень прошу на всякий случай проверить людей, чьи номера телефонов отличаются от моего одной цифрой. Ведь таких немного, всего двенадцать.

— А сюда вы приехали только потому, что он позвонил, да?

— Конечно, только потому. А вы бы на моем месте не поехали?

— На вашем месте, разумеется, не поехал бы. И не трогал бы телефонную трубку, а оставил лежать, как была. Откровенно говоря, ничто не доказывает, что он вам звонил. Нет ни одного доказательства.

— Не трогала трубку... А с милицией я бы связывалась мысленно? Или телепатически?

— Нет, просто позвонили бы по другому телефону.

— Но ведь в том-то и беда — не было у меня под рукой другого телефона!

— Все равно трубку нельзя трогать.

Я разозлилась.

— А почему, позвольте вас спросить? Неужели потому только, что кому-то может прийти в голову, будто я все это выдумала? И приехала сюда так просто, без всякой причины? Или что это я его убила? Делать мне нечего, как только разъезжать по ночам и убивать незнакомых людей! Вот и шлёпнула этого, как его...

— Вольдемара Дуткевича.

Моему возмущению не было предела.

— Мания у меня такая! Хобби...

— Я о вас уже слышал, — невежливо прервал меня майор. — И много.

Я остановилась на всем скаку. Майор действительно должен много обо мне слышать, учитывая последние события. Более того, имел полное право относиться ко мне с подозрением. Сразу присмирев, я робко поинтересовалась:

— Наверное, от капитана Ружевица, да?

Проигнорировав мой вопрос, майор продолжал:

— Странное дело, вы все время нарушаете. Все время какие-то подозрительные обстоятельства. Ну а теперь и вовсе... Я лично верю, что

он вам действительно звонил. Не кажется ли вам, что вас намеренно во что-то впутывают?

Это была свежая мысль. До сих пор она не приходила мне в голову. Застигнутая врасплох, я отреагировала самым что ни на есть естественным образом:

— Нет, это невозможно! То есть я как-то об этом не думала... Кто знает, может, вы и правы...

Майор поспешил меня остановить:

— Да я вовсе этого не утверждаю. Меня интересует лишь ваше мнение.

— Я пока не уверена, есть ли у меня мнение.

Тут в ванную заглянул молодой человек и молча подал майору небольшой блокнот. Майор занялся им, а я, ошеломлённая предположением майора, закурила, чтобы собраться с мыслями. Мысли почему-то не собирались. Думаю, им мешала одна главная, вытеснившая все остальные: как склонить следственную бригаду приготовить для всех нас чай. Наверняка у покойного... как его, да, Дуткевича. в кухне есть все необходимое. Нечаянно я заглянула майору через плечо, и мысль о чае тут же вылетела из головы. Среди записанных в блокноте номеров телефонов был один, при виде которого у меня что-то ёкнуло внутри.

Майор поднял голову и с живым интересом взглянул на меня.

— Ну? — сказал он поощрительно, передавая мне блокнот. — Кого вы здесь знаете? Знаком ли вам какой-нибудь телефон?

— Пан майор, — вкрадчиво начала я, — как вы считаете — мне лучше сразу говорить всю правду или пока можно не всю? А то потом... За дачу ложных показаний...

— И вот так всегда. Каждый финтит, — философски заметил майор в пространство. А обращаясь ко мне, посоветовал:

— Лучше сразу говорите всю правду. Мне кажется, так и для вас самой будет лучше. А на той стадии расследования, в которой мы находимся, если вы кого и назовёте, может, тем самым окажете и ему услугу, а не только следствию. Так что советую подумать.

Я подумала, что этот майор вроде соображает и вообще-то прав. А ведёт себя странно — подсовывает мне под нос записную книжку убитого. Обычно следственные органы не разванивают столь легкомысленно о вещдоках с места преступления. Значит, у него какие-то свои соображения. Кто-то намеренно впутывает меня... Незнакомый покойник мне звонил... Да, определённо что-то вокруг меня происходит.

Записная книжка была без алфавита, записи в ней производились

подряд.

— Баська! — решила я. — Вот номер её телефона, сразу бросился мне в глаза. То есть Барбара Маковецкая, проживает на улице Польной. А остальных не знаю. Хотя подождите... Вот этот Р...

Я заглянула в свой собственной блокнот.

— Ракевич! Правильно мне показалось. Кто? Да один такой, знаете... На Западе его бы назвали бизнесменом. Живёт в Варшаве, Верхний Мокотов, адреса не знаю, но могу показать дом. Его вы сразу можете вычеркнуть из списка подозреваемых. Слишком много у него денег, чтобы заниматься глупостями. А больше никаких знакомых здесь нет.

Я просмотрела до конца записную книжку и на последней страничке нашла себя. Пани Иоанна: 41-26-33. Очень симпатично записано, вполне уважительно.

— Ну так, в конце концов, знаете вы его или нет? И знал ли он вас?

— Ума не приложу! Может, читал мои книги и втайне меня обожал? Хотите верьте, хотите нет, но есть такие.

Из вежливости майор попытался изобразить протест, но у него не очень получилось.

— Что вы, что вы! Я верю. Чертовски неудобная эта ванна. А названная вами пани Маковецкая, это кто?

— Моя подруга.

— Ваша подруга, понятно. А ещё какая-нибудь специальность у неё есть?

— Есть, она шофёр-профессионал, у неё права категории «Д». Может и автобус водить.

— А где она работает?

— Сейчас нигде. Работала, но перестала. Ей разонравилась работа после того, как пришлось менять на своём грузовике третье колесо подряд. Ночью, под дождём, и вокруг никого, кто бы помог.

— А на что она теперь живёт?

— На то, что выигрывает на бегах. И на то, что зарабатывает её муж.

— А... — нерешительно начал майор, но собрался с духом и закончил:

— А чем занимается её муж?

Мне очень хотелось ответить, что Павел тоже играет на бегах, но я сжалась над милицией.

— Он переводит с немецкого и неплохо зарабатывает.

— Вы не знаете, что её связывало с Дуткевичем?

— С каким Дут... А, с этим! Не имею ни малейшего понятия. И

вообще, чтобы избежать в дальнейшем недоразумений, советую вам, пан майор, примириться с фактом, что этого Дуткевича я действительно не знаю и ничего не могу о нем сказать. И прошу вас, не задавайте мне в десятый раз вопроса, почему он мне звонил, я и в самом деле не в курсе. Мне самой интересно, и уж я постараюсь это выяснить.

— Очень хорошо, выясняйте! — согласился майор, к моему величайшему изумлению. — А если что-нибудь выяснится, сообщите мне. Вы сможете завтра дать официальные показания?

— Вы имеете в виду завтра или сегодня? Ведь уже четверть четвёртого.

— А, значит, сегодня.

— Если после двенадцати — пожалуйста. А раньше мне бы не хотелось.

— Хорошо, я позвоню вам. А сейчас подпишите протокол и можете идти домой.

Оказалось, что я ещё выступаю и как понятая при обыске квартиры убитого.

Протокол я подписала с чистой совестью, будучи уверена, что в квартиру ничего не подбросили и ничего не скрыли. Заинтересовала меня информация о том, что записную книжку убитый сжимал в левой руке, а открыта она была на странице с моим телефоном.

Меня это встревожило не на шутку. Если бы все ограничилось телефонным звонком от покойника, это ещё полбеды. Дурацкое стечение обстоятельств, с каждым может случиться. Беда в том, что со мной за последнее время случилось слишком многое. И поведение майора тоже заставляло задуматься: он сам сунул мне в руки записную книжку, сам велел просмотреть её, одобрил моё дурацкое решение попытаться самой распутать дело. Такие решения обычно вызывают категорический протест со стороны милиции и преследуются законом, а тут вдруг... Опять же, майор выдвинул странную версию: будто меня во что-то намеренно впутывают. Видимо, и впрямь вокруг моей особы происходит нечто подозрительное, чего я, всецело поглощённая преследованием польских ядерщиков, не замечала. Нечто серьёзное, коль скоро дело дошло до убийства. И мне, как видно, действительно пора заняться этим.

* * *

Было полчетвёртого утра, когда я позвонила Баське, безжалостно

вырывая её из объятий Морфея.

— Выпей воды. — С такого совета начала я разговор. — Знаешь, я втянула тебя в убийство.

— Наконец что-то веселенькое! — обрадовалась Баська заспанным голосом. — И кого же я убила, можно узнать?

— Это некий Вальдемар Дуткевич. Кто он?

— Не знаю. То есть что я говорю! Конечно, знаю! А почему я убила Вальдемара?

— Убила его не ты, а неизвестные преступники. Так кто же он?

— Кто? Вальдемар?

— Вальдемар, Вальдемар! Кто он такой, черт побери?!

— Как тебе объяснить? Ну, в общем, один человек.

— Спасибо, вот теперь все ясно. Ну да ладно. Скажи, он меня знает?

— Понятия не имею. А ты его знаешь?

— В какой-то степени теперь знаю. Знакомство неординарное, хотя и несколько одностороннее. А каким он был при жизни — не знаю. Баська, проснись! Я говорю не о своей новой книге, а о только что случившемся.

Баська немного помолчала, а потом я услышала её запинаящийся голос:

— Подожди, я, пожалуй, и вправду выпью воды.

Пока она пила, я закурила сигарету и принесла пепельницу. Похоже, сейчас кое-что узнаю.

— Расскажи мне все ещё раз с самого начала, — потребовала Баська. — По правде говоря, я ничего не поняла.

Я рассказала ей обо всем по порядку, не вдаваясь в подробности и пока без комментариев.

— И это правда? — допытывалась потрясённая Баська. — Ты уверена, что он убит насмерть?

— Насмерть. На его месте даже носорог был бы убит насмерть. Да скажи же наконец, кто он такой и почему звонил мне?

— Ну как тебе сказать? Обыкновенный человек. Работал в садово-огородном кооперативе, разводил шампиньоны. Знаю я его давно, лет двадцать пять. Звёзд с неба не хватает, но человек порядочный, очень добрый и покладистый, если тебе требуется кем помыкать, то Дуткевич как раз подходит.

— Подходил, — поправила я. — Теперь он уже ни для чего не подходит. А откуда у него мой телефон?

Подумав, Баська сказала:

— Возможно, от меня. Целый месяц он мне проходу не давал, просил

твой телефон, мол, обожает тебя и жаждет того... заверить в этом самом... ну, в совершенном уважении. Наверное, я в конце концов и дала твой телефон.

— Он и заверил. Прямо скажем, оригинально. Ты считаешь, что в предсмертную минуту он пожелал поговорить именно со мной?

— Очень может быть. Уже известно, кто его убил?

— Пока ничего не известно. Баська, для меня главное — узнать, почему он позвонил мне. Об этом меня спрашивает милиция, и я должна им что-то ответить. Послушай, а не могло получиться так — он хотел позвонить тебе и просто ошибся? Ведь бывает, в панике набрал не тот телефон, мы с тобой подруги, вот и перепутал со страху.

— Ты права. А могло быть и так, что он даже звонил мне, но меня весь день не было дома, мы с Павлом вернулись уже за полночь. И тогда он позвонил тебе.

— А он знал, что вы бываете у меня?

— Он знал, что мы можем быть или в кино, или на бегах, или в Виланове, или у тебя, или ещё где-нибудь, но из всех этих мест только у тебя есть телефон. Представляю, как ты обрадовалась!

— Безумно! Но я уже немного привыкла к необыкновенным событиям. А ты не представляешь, почему он мог бы звонить тебе?

— Так уже двадцать пять лет, что бы у него ни случилось, он всегда звонит мне. Я уже привыкла. А ты только меня осчастливила или ещё кого-нибудь?

— Ещё Гавела. Так что ты в хорошей компании.

— Очень приятно. А кто этот Гавел?

— Наш отечественный бизнесмен высшего класса. Я тебе рассказывала о нем. Да ты его знаешь, я как-то вас на улице познакомила, помнишь, огромная лысина и морда весёлого хулигана?

— А, вспомнила. Он-то тут при чем?

— Понятия не имею. У покойника был записан номер его телефона.

Баська издала звук, как будто захлебнулась водой, которую я ей посоветовала выпить. Я удивилась и забеспокоилась.

— Не пей, когда говоришь. И не переживай так. В конце концов, не каждый день убивают наших знакомых...

— Подожди! — прервала меня Баська. — Ты говоришь, у Вальдемара был записан номер его телефона? Где записан?

— В записной книжке, недалеко от твоего. Кажется, на следующей странице. Они что, знакомы?

Судя по звукам, Баська жадно пила воду. Наконец она отозвалась:

— Не знаю. До сих пор я думала, что нет. То есть я хотела сказать, ничего об этом не знаю. То есть откуда мне знать, кого мог знать Вальдемар? И вообще, что за идиотизм — звонить тебе!

Я с ней охотно согласилась и, желая выяснить все до конца, спросила:

— Значит, и о тех двоих ты тоже ничего не знаешь?

— О каких двоих?

— Он ведь прошептал мне в трубку: «Опять эти двое». Из чего я поняла, что его прикончили знакомые. Ты их знаешь?

— Не знаю, знаю ли. Никто из моих знакомых не предупредил меня, что собирается пришить Вальдемара. Может, покойный вращался в неподходящем обществе, откуда мне знать? Я вращаюсь в подходящем.

— Ты давно его видела?

— Совсем недавно, несколько дней назад.

— И как он выглядел?

— Обыкновенно, совсем не напоминал жертву преступления. Послушай, у меня замёрзли ноги. И пожалуй, я не очень люблю отвечать на вопросы в такую пору.

Я утешила её, сказав, что милиция начнёт их задавать не раньше семи утра. Баська чертыхнулась, и я решила оставить её в покое и отключилась. Не потому, что пожалела или вспомнила наконец о своём хорошем воспитании, а просто надо было подумать.

Разговаривала Баська со мной как-то странно, не так, как всегда. Понятно, это отчасти объяснялось и тем, что я разбудила её среди ночи, и тем, что вряд ли кому приятно узнавать о трагической гибели своих знакомых даже в более подходящее время. Но нет, тут что-то другое. Она говорила со мной как-то... неискренне. Вот именно — неискренне. Фальшивая нота прозвучала где-то в середине нашего разговора и удержалась до конца. Она хотела что-то скрыть от меня, но что? Расспрашивала очень мало, не заинтересовалась ни подробностями преступления, ни самим погибшим. Лишь одно обстоятельство явно задело её за живое — телефон Гавела. Почему?

Я чуть было не позвонила Гавелу, чтобы спросить, не знает ли он Дуткевича, да вовремя опомнилась. Гавел — последняя из странностей. А вокруг меня уже столько этих странностей накопилось, что давно пора разобраться с ними. Просто сесть и хорошенько подумать. Такой способ понять непонятное наверняка лучше, чем разговоры с людьми, — во-первых, потому что люди не всегда скажут правду, во-вторых, такие разговоры вряд ли будут одобрены майором. Итак, попробую по порядку.

Как я ни старалась, разложить все по полочкам мне не удалось. Память

упорно подсовывала все события без разбору, независимо от того, имеют ли они хоть отдалённую связь с покойным Дуткевичем, Баськой и Гавелом. Единственное, что мне удалось выявить, так это хронологию событий. Увы, только хронологию...

* * *

Первым в цепи странных явлений было знамя.

Мои канадские родственники ни с того ни с сего обратились вдруг ко мне с настоятельной просьбой нарисовать для них знамя. Подробные инструкции относительно того, как должно выглядеть это знамя, они изложили в пространным письме. В нем же прислали и некоторые эмблемы, остальное надлежало раздобыть на месте. По окончании работ шедевр следовало отправить в Канаду, где его собирались вышить шёлком.

Переполох, вызванный этим заказом, трудно описать. Я носилась по городу в поисках необходимых для работы материалов и орудий труда: бристоля, кисточек и красок, в том числе серебряной и золотой, — ничего нужного не нашла, зато в процессе поисков наткнулась на туалетную бумагу необыкновенной красоты и, естественно, закупила в большом количестве, вызвав тем самым жуткую зависть родных и знакомых. Толпы запыхавшихся людей во всех магазинах города стали домогаться сверхъестественного дефицита от ничего не понимающих продавцов. Затем мне удалось полностью дезорганизовать работу нескольких знакомых учреждений и нарушить покой многих знакомых семей, требуя раздобыть для меня изображение святого Георгия, убивающего дракона, ибо его изображение должно фигурировать на знамени. Отзывчивые люди копались в архивах, перетряхивали книги в домашних библиотеках, а одни знакомые так разошлись, что потом, наводя порядок, произвели заодно уж и ремонт квартиры. Были подняты на ноги все родные, знакомые и знакомые знакомых.

Когда же один из них с триумфом принёс изображение святого Георгия на белом коне, раздобытое с большим трудом у деревенского свояка, оказалось, что я ошиблась и перепутала святых — на знамени должен быть изображён не святой Георгий, а святой Михаил Архангел в битве с драконом.

Достать святого Михаила оказалось намного легче, я просто обратилась в костёл святого Михаила, благо он рядом с домом. Затем прорвалась в музей Войска Польского — в понедельник, когда музей для

посетителей закрыт, — и вытребовала образцы необходимых милитарий. Плакатные краски, кисти и довоенную монету в десять золотых мне одолжили друзья. Через несколько недель суматохи и напряжённой работы знамя было готово.

В числе людей, втянутых в работу над знаменем, оказался и Гавел. Я упорно стояла на том, что у его брата Ежи, то бишь Георгия, должно быть изображение патрона. В результате на какое-то время Гавел перестал со мной разговаривать. Баська тоже была втянута, именно у неё я одолжила те самые десять золотых. В моем распоряжении оказалось несколько экземпляров довоенных монет, появилась возможность выбора, и я выбрала Баськину монету, потому что на ней лучше всех сохранился заказанный Канадой орёл. Но Баська со мной разговаривать не перестала.

Все мои знакомые, потерявшие покой сначала из-за святого Георгия, потом святого Михаила, потом из-за золотой краски, туалетной бумаги и довоенной разменной монеты, очень живо интересовались моими успехами в деле создания шедевра и непременно желали его увидеть. Я же демонстрировала его неохотно, ибо густая краска каждый раз сильно размазывалась, поэтому решила устроить коллективный просмотр, пригласив к себе гостей — впервые за долгое время.

Разложив на тахте два больших листа бристоля, густо покрытых разноцветными красками, я позволила собравшимся вволю насладиться плодом рук моих.

Из уважения к моему тяжкому труду они воздержались от критики. Павел же просто не мог оторвать глаз от моего творения и повторял в полном восторге: «Вот это флаг! Ну прямо как живой!» Кое-кто из гостей вскоре ушёл, а кое-кто остался. Точнее, остались четверо: Баська, Павел, Янка и Мартин. Разговор, естественно, вертелся вокруг знамени.

— Интересно, как ты его собираешься отсылать? Краска и в самом деле размазывается, — говорила Баська. — Просто не представляю себе, что можно придумать.

— Вот именно! — подхватила Янка. — Я тоже не представляю. Закажешь такие громадные коробки?

— Сложишь вчетверо?

— Что ты! Какое вчетверо? Складывать, так уж в шестнадцать раз, вчетверо никуда не влезет.

Я вмешалась в дискуссию:

— Послушайте, ведь канадские заказчики именно это мне и советовали: сложить вчетверо и отослать им в письме.

— Ну так сложи.

— А ты себе представляешь, чем это кончится? Даже если я и достану такой огромный конверт, до Канады доберётся лишь мятая макулатура. Нет, я отправлю бандеролью.

— Думаешь, в бандероли не помнётся?

Павел, искренне озабоченный сохранностью шедевра, выдвинул другое предложение.

— Лучше отправить в железном ящике, — веско заявил он, — или в крепком чемодане.

— Никаких ящиков, никаких чемоданов, — возразила я. — Сверну в рулон и вложу в картонную трубку, тубус называется. Вот и вся проблема.

— Прекрасная мысль! — саркастически заметил молчавший до сих пор Мартин. — Тогда только и начнутся проблемы.

— Что ты хочешь сказать?

— Да ничего особенного. Будешь отправлять рулон, на международном почтамте развернут, посмотрят — ага, предмет искусства! И потребуют разрешения, заверенного Комиссией по охране памятников искусства или Комитетом народных промыслов.

Мрачное предсказание пало на нас как гром с ясного неба. Переварив услышанное, я возмутилась:

— Ты что, спятил? Неужели ты думаешь, что я со своей мазнёй отважусь обратиться в комиссию или комитет?

— А без их оценки и печати не примут на почте.

— Он прав, — угрюмо подтвердила Баська. — Если будет свёрнуто в рулон, скажут, картина. А картин без их печатей не принимают. Так что уж лучше сложи.

— В одну шестнадцатую!

Тут уж я не выдержала:

— Хватит болтать! Перегибать и складывать не буду! Ни один кретин не примет это за произведение искусства.

— Кретин как раз и примет, — ехидно заметил Мартин.

— Довольно! Я решила: сверну прямо на почте после того, как они посмотрят, чтобы лишний раз не мять, вложу в тубус, они запакуют, и отправится моя посылка в Канаду. И нечего тут каркать!

— Это как же? — удивилась Янка. — Ты считаешь, так оно и полетит прямиком в Канаду? И по дороге никто не будет вытаскивать и просматривать?

— А на кой черт просматривать?

— Ну как же... Ведь таможенники должны посмотреть, что там пересылается?

— Таможенный досмотр будет произведён при отправлении.

— А потом уже не будет? Я думала, что где-то по дороге посылки обязательно открывают и просматривают.

— Кто, по-твоему, этим занимается? Кондуктор в поезде? Пилот в самолёте?

— А ты откуда знаешь?

— Специально занималась изучением вопроса, когда писала о контрабанде наркотиков, так что знаю все досконально. При отправлении на международном почтамте посылки просматривают работники таможенной службы, потом посылки облагаются пошлиной, потом запаковываются и отправляются. А если есть информация о нелегальных вложениях, тогда производится более тщательный таможенный досмотр. Сомневаюсь, что милиция заподозрит меня в контрабанде.

Убрав с тахты знамя, я достала карты для бриджа, справедливо полагая, что после тяжких трудов заслужила право на невинное развлечение. Павел пододвинул кресло, Баська закурила и принесла себе отдельную пепельницу.

— Ты уверена? — спросила она.

— В чем? Что милиция не заподозрит меня в контрабанде?

— Нет, в том, что по дороге больше посылки нигде не проверяют.

— Крепко же сидят в тебе представления периода ошибок и искажений. Говорю тебе, просматривают только на почтамте и больше нигде.

Янка уронила под стол карты, и они с Павлом принялись их собирать, ползая на четвереньках. А Баська упрямо развивала тему:

— В таком случае я могу отправить знакомым за границу, скажем, вышитую крестиком подушечку-думку, набив её бриллиантами? И она преспокойно дойдёт?

— Тебя засекут при отправке, слишком тяжёлой окажется твоя подушечка. А вот если ты её набьёшь бумажными долларами, тогда могут и не засечь.

— А у тебя есть бумажные доллары? — поинтересовался Павел из-под стола, но не успела я ответить, как меня перебил Мартин:

— С бумажными долларами её тоже засекут, они шуршать будут.

Я пошла на уступки:

— Ну тогда можешь выслать какие-нибудь шпионские материалы — микрофильмы или что другое. Маленькое, лёгкое и не шуршит.

— Нет у меня шпионских материалов, — огорчилась Баська. — Впрочем, долларов и бриллиантов тоже нету. Может, у вас есть?

— Есть. Разумеется! Целые кучи. Я специально нарисовала знамя, чтобы их переправить.

Вместо того чтобы играть в бридж, вся компания вдруг с оживлением принялась обсуждать проблему контрабанды в целом и возможности переправки контрабандных товаров в моем тубусе в частности, совершенно игнорируя при этом тот факт, что у меня не было ни контрабандных товаров, ни, следовательно, желания их переправлять. Да и у них не было ничего подобного, так что их повышенный интерес к контрабанде был совершенно непонятен.

— Нет, бриллианты отпадают, — решительно заявил Павел. — Они будут грохотать в этом, как его... ну, в трубке. А золото слишком тяжёлое.

— Нелегально пересылать лучше всего «Гвиану», — предложил Мартин, — или «Маврикия». Можно приклеить скотчем внутри тубуса. Так что если у тебя найдётся «Гвиана» — вот удобный случай избавиться от неё.

— Что за «Гвиана»? — спросила Янка, и я с готовностью удовлетворила её любопытство:

— Самая редкая в мире марка. Её единственный экземпляр принадлежит филателисту-миллионеру, который пожелал остаться неизвестным. Теперь выясняется, что этот неизвестный миллионер — я, только до сих пор я сама об этом не знала.

— Вот и хорошо, отправь её подальше. Прекрасная мысль — прилепить внутри к трубке.

Наконец они уgomонились, и мы занялись бриджем, только Баське, первой выходящей, делать было нечего, и она продолжала морочить мне голову:

— Послушай, раз уж ты все знаешь, расскажи, что потом делается с посылками? И что бывает, когда обнаруживается контрабанда?

— Все принятые на главпочтамте посылки сваливают в кучу в отдельной комнате, там их сортируют. Подозрительные просматривают в другом помещении. Без причины потрошить не будут, сама подумай, распорют твою подушку, полетят пух и перья по всей конторе, ничего неположенного у тебя не обнаружат, как тогда? Придётся выплачивать тебе возмещение убытков. Кому это надо?

— Я думаю, ты права, — заявил в пространство Мартин.

— Кто прав? Я или Баська?

— Ты. Честный человек может смело идти на преступление. Ирония судьбы, вот как это называется. Может, но не идёт.

— Зря пропадает, — вздохнула Янка.

— Так, может, выкинем что-нибудь этакое, чтобы не пропадать зря? — предложила Баська. — А что делают с такими посылками за границей?

— Это смотря где, — пробурчал Мартин.

— Три без козыря, — решительно объявил Павел.

— На Западе, где же. Что делают? — настаивала Баська.

— Пас, — ответил Мартин. — Как правило, доставляют адресатам.

— И никто их не проверяет?

Все спасовали, свои карты я выложила на стол. Павел начал разыгрывать свои три без козыря.

— А на кой черт проверять? — удивилась я. — Кому какое дело, что ты отправляешь?

Мартин меня поправил:

— Разве что подумают — спиртное. Тогда вскроют и наложат пошлину.

Но тут я его поправила:

— И то не всегда. Они верят тому, что написано. Написано, что пол-литра, они берут пошлину за пол-литра. А если в сопроводительной квитанции ты напишешь, что отправляешь «бобровку» вместо «зубровки», так и вовсе не будут открывать, потому как не поймут, и дойдёт без пошлины.

— А если все-таки догадаются, что бриллианты?

— Ну, это зависит от страны. В Скандинавии, например, даже если и обнаружат бриллианты, все равно доставят их тебе в целости и вручат с почтением, ни одного не украдут, там это не принято. А вот в слаборазвитых странах непременно свистнут — и поминай как звали.

— Берём пять, — сказал Павел. — На два больше.

— В таком случае переправлять контрабанду я буду только в Скандинавию, — решила Баська. — Вот интересно, как пройдёт у тебя пересылка знамени, скажи, ладно?

Игра в бридж закончилась для меня небольшим проигрышем. Зная я свернула, засунула в тубус и отправила в Канаду, записав в таможенной декларации, что отправляю эскиз вышивки, благодаря чему удалось избежать визита в комитет и комиссию. Через три недели мне из Канады сообщили, что мой шедевр получен и в дороге не пострадал, о чем я с удовлетворением информировала Баську, которая наконец-то оставила в покое идею насчёт контрабанды бриллиантов и перестала переживать, что их честность пропадает зря.

Через несколько дней после отправки знамени мне неожиданно нанёс вечерний визит Мартин и уже с порога заявил, что пришёл по делу. Разговор он начал с вопроса:

— У тебя есть какой-нибудь иностранный каталог марок? Хороший каталог.

— Есть. Каталог Гиббонса. Большой, в нем марки всего мира.

— А ты дашь его посмотреть?

— Дам, но ненадолго. И не уверена, что ты в нем разберёшься, там не везде есть репродукции, а в основном только описания.

— На каком?

— На английском.

— Тогда разберусь. А цены есть?

— Есть, и даже самые актуальные.

— В какой валюте?

— В новых пенсах и фунтах. Устраивает тебя?

— Вполне.

— Послушай, у меня есть ещё и польский ценник иностранных марок, — добавила я, озадаченная его внезапным интересом к филателии. — Тоже актуальный. В нем марки европейских стран. Цены в польских злотых. Желает?

— Если ты не против...

Я была не против. Как уже говорилось, тогда я по уши погрузилась в свою научно-фантастическую повесть, преследования ядерщиков отнимали у меня все силы, и заниматься марками не было времени. Согнувшись под тяжестью Гиббонса и польского ценника, Мартин отбыл восвояси. Был он в тот вечер какой-то странный, но я тогда не придавала этому значения.

Через неделю он опять пришёл, приволок оба справочника, спросил, не найдётся ли у меня для него свободной минутки, узнал, что найдётся, закурил сигарету и молча уставился в окно. Я тоже молчала за компанию, ожидая, когда сам созреет.

— Как ты считаешь, есть в них хоть доля правды? — наконец произнёс он, с отвращением тыча пальцем в справочники. Меня несказанно удивила такая живая ненависть к невинным книгам.

— Есть. Больше того, в них правдиво все.

— И отсюда следует, что идиотская «Гвиана» действительно стоит сто двадцать тысяч фунтов?

— Теоретически. А практически она стоит столько, сколько за неё заплатят. В каталоге, по всей вероятности, проставлена сумма, полученная за марку на последнем аукционе. На следующем она будет больше. А ты что, собираешься её купить?

Мартин опять засмотрелся в окно. Прошло сто лет, прежде чем он ответил:

— Неплохое помещение капитала. Я бы и купил, да мне немного не хватает, всего лишь ста девятнадцати тысяч девятисот девяноста девяти фунтов и девяноста пенсов. Десять пенсов у меня есть.

В его голосе прозвучало столько горечи, что мне стало не по себе. В чем дело? Зная по опыту, что на прямой вопрос ответа от него не дождёшься, расскажет, когда сочтёт нужным сам, я не стала допытываться, а применила хитрую тактику и великодушно предложила одолжить ему ещё десять пенсов, чтобы меньше не хватало.

Мартин вздохнул, погасил сигарету и закурил следующую.

— У меня такие неприятности, что никакой жизни нет, — с усилием произнёс он. — Буду признателен, если ты меня выслушаешь. Ты разбираешься в марках, может, что и посоветуешь.

Не настолько уж хорошо я разбиралась в марках, чтобы давать стоящие советы, но своих сомнений не высказала, боясь сбить его с мысли, и лишь молча кивнула.

— Так вот, — начал Мартин. — Есть один человек...

И замолчал. Я терпеливо ждала. Мартин думал. Долго думал, а потом скорректировал предыдущее высказывание:

— Точнее будет сказать — был. Его уже нет.

— Умер? — вежливо поинтересовалась я.

— Вроде того.

И опять замолчал, задумчиво созерцая пейзаж за окном. Придерживаться тактики пассивного выжидания у меня не хватило больше терпения, и я рискнула его подтолкнуть:

— Ну? И что теперь? Ты должен его хоронить?

Мартин испустил тяжкий вздох и мрачно изрёк:

— Я с ним тесно связан.

— В каком смысле? Ты тоже должен умереть?

— Не обязательно. Хотя и так чуть жив, и, возможно, смерть — лучший выход для меня. А если ты будешь прерывать на каждом слове, я никогда не кончу. У этого человека были предки.

Я долго крепилась, но не выдержала:

— Дело житейское. С каждым может случиться.

— Да нет, у него особые предки. Я им плохого не желаю, но чтоб их разразило на месте, этих предков!

— А что, — удивилась я, — разве они ещё живы?

Мартин глянул на меня с сожалением и насмешливо пояснил:

— Этот человек родился в 1895 году. А его предки, сама понимаешь, родились ещё раньше.

— Да в чем дело-то? Ведь это его предки, не твои, что ты так переживаешь?

— Они мою жизнь сгубили. Можешь ты, в конце концов, выслушать меня и не перебивать? Все время меня сбиваешь.

— Могу. Я и слушаю, только ты после каждого слова делаешь такую паузу, что я думаю — уже конец, больше ничего не скажет. Говори непрерывно, ладно?

— Хорошо, попробую непрерывно. У этого человека был папа, родившийся на тридцать лет раньше, то есть в тысяча восемьсот шестьдесят пятом году. У папы тоже был папа, который родился за тридцать лет до своего сына, то есть в тысяча восемьсот тридцать пятом году. Ну и последний папа, значит, дедушка этого человека, и заварил кашу. А именно: сопляк начал собирать марки.

Я быстренько подсчитала, что в момент выпуска первой почтовой марки дедушке таинственной личности было пять лет. Вряд ли в столь нежном возрасте сопляк вёл оживлённую корреспонденцию, да ещё на иностранных языках. Интересно, что же он собирал и как? Да и вообще филателистическая горячка началась несколько позже...

— У него был дядя, — продолжал Мартин и этим заявлением снял все вопросы. — Дядя, ясное дело, был постарше племянника и занимался тем, что путешествовал, гореть ему в аду вечно. Не знаю, что ему втемяшилось в башку, но только из каждого путешествия он привозил этому щенку марки — свеженькие, прямо с почты, да вдобавок отдавал ему все письма. И этот поденок все сохранил!

— Не вижу в том ничего плохого, — вступилась я за дедушку. — Наоборот, очень благородное занятие.

— Ты меня не зли! — фыркнул Мартин. — Сначала послушай, чем все обернулось для меня. Ублюдок так увлёкся этим благородным занятием, что не бросил его и когда вырос. Более того, этого мерзавца тоже потянуло путешествовать, ездил по своим торговым делам и отовсюду привозил марки. Жил он до тысяча девятьсот первого года, а потом отдал богу душу.

— И перестал привозить, так что можешь успокоиться, — заметила я примирительно, ибо Мартин свирепел все больше.

— А вот и нет. Уходя в мир иной, он подложил мне свинью. Всю свою коллекцию завещал сыну, то есть папе этого человека. Папаша был тот ещё жмот. Он сразу же сообразил, что коллекция стоит больших денег и стоимость с годами будет расти, поэтому упрятал её в несгораемый сейф и принялся энергично пополнять, скупая все, что попадётся под руку, на почте, в комиссионках, на аукционах и распродажах. И все тут же прятал в свой сейф, так что ни одна живая душа его марок не видела. Меж тем прошумело несколько войн, происходили и другие исторические события, но коллекция от них не пострадала, хоть и находилась на территории нашей многострадальной страны, раздираемой историей. Представляешь, столько всего вокруг происходило, рушились дома и города, гибли люди, а проклятой коллекции ни черта не делалось! Наконец и папаша преставился, в очень почтённом возрасте, в тысяча девятьсот тридцать седьмом году. В завещании он наказал сыну, вот этому самому человеку, на все плевать и беречь только марки. А ведь он был очень богат, но вот видишь, пренебрёг всем имуществом из-за марок, хотя и сам точно не знал, что они собой представляют. Сын, то есть этот человек, в марках тоже не разбирался, разложил коллекцию, осмотрел её и опять запаковал, не имея понятия, что с ней делать. Но раз отец велел — он её берег. Когда началась последняя война, он вложил своё сокровище в чемодан, тщательно обернул чемодан брезентом и закопал в погребе у знакомых в деревне, а после войны достал его в целости и сохранности. В войну он потерял жену и детей, все родные погибли, а проклятые марки остались целы.

Потрясённая, слушала я эту невероятную историю, боясь перевести дыхание. Но тут Мартин опять сделал паузу и долго молчал. Так бы его и придушила!

— Ну? — спросила я, не выдержав. — Что же было в коллекции?

— «Колумбы», — ответил Мартин с непонятным мне отвращением. — Три негашёные серии, комплектные. Два негашёных «Маврикия». «Меркурии» в количестве шести штук, тоже негашёные. Все немецкие княжества, свеженькие, прямо из-под пресса. Канада, Англия, Соединённые Штаты — прелестные подборки, начиная с тысяча девятисотого года. Вся первая Польша, чистая и гашёная, все надпечатки на австрийских, за исключением десятикronовых, американский самолёт вверх брюхом, две штуки. Полный Гондурас и авиапочта, первые марки Молдавии, Испании, Португалии, Сардинии, Пармы, туда её в душу, Родезия, Наталь, Уганда — все до тысяча девятисотого года. А в девятьсот первом, повторяю, проклятый дедушка дал дуба. Так что, к счастью, «Гвианы» не было, зато есть все швейцарские кантоны.

— Пресвятая Богородица! — только и могла пролепетать я.

Мартин же мстительно закончил:

— А из послевоенных — люблинские выпуски и три боксёра вверх ногами. Ну как, довольно с тебя?

Ошеломлённая открывшимся перед моим мысленным взором богатством, я не в состоянии была сразу ответить, а потом отозвалась дрожащим голосом:

— Довольно. Хватило бы и половины. И что стало со всем этим? Где оно сейчас?

Мартина опять блокировало. Он долго выбирал сигарету, закурил и опять уставился в окно. Затем в подробностях изучил потолок моей комнаты, потом перенёс своё внимание на собственные ботинки, после чего по новой принялся изучать пейзаж за окном. И вдруг заявил:

— У этого человека были комплексы.

Я опять подумала, что уж теперь-то обязательно его придушу, и честно предупредила:

— Мартин, у меня нервы.

— У меня тоже. И слушай, что я говорю, это важно. У него были комплексы. Фрустрация, понятно? С детства вынашивал честолюбивые планы, мечтал свершить великие дела, но у него как-то ничего не получалось. В семье не воспринимали его всерьёз, там царил культ отца, карьеры он не сделал, война разрушила его жизненные планы, к новому строю он отнёсся без восторга, общество его не оценило. Отсюда фрустрация и комплексы. Впрочем, может, все было не совсем так, я не психиатр. Короче говоря, ему во что бы то ни стало нужно было самоутвердиться, прославиться, прогреметь, пусть только один раз, на всю страну и, желательно, войти в историю.

— Если ты сейчас скажешь, что он публично сжёг марки...

— Нет, заделаться Геростратом он не собирался, наоборот. Марки он решил передать государству, родине то есть. Но перед этим пожелал узнать, что же собирается пожертвовать родине. Раздобыл каталоги, извлёк и разложил товар, немного разобрался, что к чему, и офонарел. До такой степени, что принялся пополнять свою коллекцию, отсюда в ней и послевоенные марки. О его тайне не знала ни одна живая душа, своё сокровище он скрывал от всех — фамильная черта, узнаешь? А мечтал он о том, чтобы у нас в стране создать филателистический музей, в котором его коллекция будет занимать почётное место, под стеклом, как положено, и большими красивыми буквами — фамилия благородного дарителя. Почтовый музей во Вроцлаве его почему-то не устраивал, он зациклился на

филателистическом музее в Варшаве, стал энергично хлопотать и даже выразил готовность вложить собственные средства в создание такого музея. Заявил: все отдам, что имею. А у него оставалось ещё немало. На пенсию, заявил, буду жить. Ну и влип, дурак!

Идиотская все-таки манера замолкать в самый неподходящий момент! Нет, я за себя не ручаюсь!

— Что значит влип? Во что влип? Посадили его, что ли, за музейную идею?

— Не совсем. Просто кое-кто начал интересоваться, чего это он так печётся о музее. Ну и узнали, что есть у него марки, каких свет не видел, похлеще, чем у королевы английской. Наверное, он сам их кое-кому показал, я так думаю — специально, чтобы дело с музеем протолкнуть, а кое-кто не выдержал и проболтался, так что слушок пополз. Подпольным миллионером сразу заинтересовались так называемые элементы. Когда они вломились к нему в квартиру в третий раз, он заволновался: ведь случайно могли и найти марки. Вот он и придумал дьявольски хитрую штуку — отдать коллекцию на хранение постороннему лицу, на которого никто не подумает. А чтобы окончательно запутать дело, официально передать своему нотариусу пакет неизвестно с чем. Люди рано или поздно узнают, что у нотариуса хранится сокровище. Ну, ты понимаешь, что я хочу сказать: если солидному нотариусу что-то передаётся на сохранение, всем ясно, что это сокровище, ценности, в данном случае — бесценная коллекция марок. Никому не придёт в голову, что бесценное сокровище обретается бог знает где, так что в крайнем случае элементы организуют кражу со взломом у нотариуса. Ясно я излагаю?

Излагал он предельно ясно, и я всецело одобрила хитрую комбинацию, с нетерпением ожидая продолжения рассказа. Странно, все так хорошо складывалось, а настроение Мартина портилось прямо на глазах и становилось уж совсем паскудным, но я надеялась, что он сам объяснит причину.

— И представь себе, дело с музеем таки сдвинулось с мёртвой точки, — продолжал Мартин загробным голосом. — А именно: почта согласилась подумать. Уже велись разговоры о том, чтобы для музея выделить кусочек чего-нибудь подходящего, ну, например, часть восстановленного Королевского замка, в конце концов, расходы небольшие, были бы четыре стены и достаточно, а если коллекция такая замечательная, как о ней говорят, то имеет смысл. В своём завещании, передавая коллекцию государству, он вставил специальную оговорку, что, если музея не будет, фиг он подарит коллекцию государству, отдаст кому попало, и

дело с концом. Нет, прошу тебя, не задавай глупых вопросов, я все равно не знаю, как все оно было юридически оформлено. Знаю только, что, если бы произвели экспертизу и оценили коллекцию, музей бы тут же нашёлся.

— Ну так в чем же дело? Почему не провести экспертизу марок?

Мартин помолчал и коротко ответил:

— Потому что их нет.

— Как?..

— А вот так. Пропали.

Теперь уже я лишилась дара речи.

— Их нет, — повторил Мартин в угрюмом ожесточении. — Этот человек сделал так, как задумал, нотариусу передал на хранение барахло, коллекцию оставил постороннему лицу, с удовлетворением воспринял следующие две кражи со взломом в своей квартире, а после у него стало плохо со здоровьем. В настоящее время он в больнице, доживает последние дни.

— Но ты же сказал, что он умер.

— Я сказал — вроде того. Не забывай, что ему далеко за восемьдесят и что он пережил две войны. Так что вряд ли выкарабкается. Но дело не в этом, а в марках, которые он отдал на сохранение постороннему лицу. Обращаю твоё внимание на тот факт, что постороннее лицо не знало, что именно ему передали. Попросили, чтобы у него лежало, ну оно, это лицо, и приняло. Свёрток небольшой, места много не занимает, пусть лежит. К постороннему лицу в дом приходили разные люди, бывали гости, и, видимо, среди них оказались особы морально неустойчивые, вот и стянули свёрток. Может, для того, чтобы его стянуть, они и стали бывать у постороннего лица.

Вот теперь я начала не только понимать чувства, обуревавшие Мартина, но и разделять их.

— О боже праведный, неужели ты считаешь, что теперь марки уже не найти?!

— Именно. Вряд ли вор сдаст коллекцию в комиссионку, в филателистический отдел.

— Ясно, что не сдаст. Вывезет за границу, и конец! Мартин, ради бога, сделай же что-нибудь!

— Если бы я знал, что делать! Может, он уже вывез.

Я молчала, потрясённая, расстроенная, жутко злая на неизвестного кретина, который не сумел уберечь такое сокровище. Вот и опять наше национальное достояние уплыло за границу! В который уже раз растаскивается по кусочкам и в который раз меня охватывает бессильная

ярость, когда об этом узнаю. Но ещё хуже будет, если окажется, что марки украл тёмный домушник, не имеющий никакого понятия о филателии. Настроившись на золото и обнаружив в украденном пакете ненужные бумажки, он в приступе разочарования просто уничтожит их. При одной мысли об этом плохо делается...

— Я не сказал тебе ещё об одной вещи, — продолжал Мартин. — Постороннее лицо оказалось совершенно в идиотском положении. В завещании было оговорено, что, если музея не будет, коллекция достанется обыкновенному гражданину, и этим гражданином как раз и было постороннее лицо, у которого свистнули марки. Выходит, когда после смерти завещателя будет обнаружена пропажа марок, подозрения в первую очередь падут на законного наследника. Вот, дескать, поторопился, решил не ждать, пока выяснится дело с музеем, пока умрёт владелец, поспешил прикарманить сокровище. Нет, не украл, избави бог, просто был уверен, что марки принадлежат ему по закону. Во всяком случае, любой может считать, что он так считает, и именно так будет оправдываться. Музей, дескать, дохлое дело, все равно коллекция достанется ему, ну и несколько опередил события. До тебя доходит?

Изложено немного сумбурно, но доходило. Невзирая на сумбурность, рассуждения Мартина были логичны. Сумбур усугубляли и мои рассуждения о моральном облике наследника: если он не вор, а честный человек, то присвоил, потому что не верил в создание музея. Какой же тогда честный? А если украл, то, значит, вор, который верил в создание музея. Какой же тогда вор? Но так или иначе, а подозрение, конечно, в первую очередь падало на наследника, у которого хранились марки.

С трудом собирая воедино расползающиеся мысли, я попыталась выудить конкретные данные:

— Минутку, скажи, есть ли какие-то догадки насчёт личности подонка, стащившего марки? И при чем здесь ты? Когда все это происходило и почему именно тебе теперь нет никакой жизни?

Мартин ответил, как-то странно усмехаясь:

— Событие произошло недели три назад, а что касается моей особы — догадайся сама.

— Да о чем догадываться, черт тебя дери! Отвечай прямо!

— Ну прямо, так прямо. Видишь ли, так уж получилось, что постороннее лицо, наследник, короче говоря, жертва филателии — это я! И посоветуй, что мне теперь делать.

Меня охватил ужас. Не в силах поверить услышанному, глядела я на Мартина. Возмущение выплеснулось в крике.

— Как ты мог?! Допустил, чтобы украли такие марки! Да знаешь ли ты, кто ты такой после этого?

— Успокойся, я и так сам не свой. И пойми, ведь я понятия не имел, что в этом свёртке. Мне дали, я взял, положил на книжную полку и забыл про него. Несколько раз ко мне на бридж приходили гости, не запирались же мне от всех? Люди всегда ходили ко мне, и никогда ничего не пропадало. Это первый раз.

Немного придя в себя, я потребовала дать отчёт во всех подробностях. Из подробностей следовало, что главной виновницей случившегося являюсь я сама вместе со своим канадским знаменем. И прав был Мартин, когда с горечью вопрошал:

— Ты отстранилась от светской жизни, но где-то ведь надо было собираться, чтобы поиграть в бридж? Так что же мне оставалось делать?

Естественно, услышав такое, я расстроилась ещё больше. Из дальнейшего выяснилось, что в последнее время у него бывали и незнакомые, приглашённые знакомыми, так как не хватало игроков. И не раз заходил разговор о таинственном свёртке. Спрашивали, что это такое лежит у него на книгах, а Мартин рассеянно отвечал, что отдано ему это на сохранение и он сам не знает, что там такое. А если кто-нибудь из гостей был связан с филателией, то мог догадаться о содержимом свёртка, потому что всем было известно о знакомстве Мартина с владельцем коллекции. Мартин знал его давно, бывал у него дома, тот даже оставил ему ключи от квартиры, когда его взяли в больницу. Мартин же часто навещал своего знакомого в больнице, приносил передачи, и однажды во время одного из визитов тот передал Мартину спецификацию марок. Был это перечень всех имеющихся у него марок с подробным описанием номинала, цвета, характера изображения, номера в каталоге, зубцовки и некоторых других свойств. Не была указана лишь их актуальная стоимость. Сначала больной держал этот список у себя в больнице, а потом почему-то счёл нужным вручить его Мартину. Тот довольно долго таскал список в кармане пиджака, потом сунул в ящик стола и забыл про него. Вспомнил лишь после того, как обнаружил пропажу свёртка, извлёк из ящика, сравнил с каталогом и пришёл в ужас.

— Что тебе теперь делать, не знаю. И ты совершенно не предполагаешь, кто мог слямзить марки?

— Предполагаю. Жулик. Один из трех жуликов, которые удостоили меня своим посещением. Но вот который из трех — не знаю.

— Зачем же ты приглашал к себе домой жуликов? И где ты их разыскал?

— Их привели знакомые. А разыскали через своих знакомых. Сама ведь знаешь, бывает так, что для бриджа не хватает четвёртого. А наберётся две компании — так и двух четвёртых. Ну да черт с ними. Лучше скажи, что этот вор будет делать дальше с марками? Не на барахолку же пойдёт торговать?

— На барахолку не пойдёт. А вот что будет делать, зависит от того, понимает ли он, какое сокровище оказалось в его руках.

— Предположим, понимает.

— Тогда будет стараться выручить за них как можно больше. Думаю, сначала произведёт экспертизу, так как без неё не продать марок знатокам, а потом попытается их сбыть. Или на аукционе, или прямо коллекционерам. Коллекционер может купить и втайне, хотя и догадается, что дело нечисто, но уж так устроен человек, что каждая мания делает его морально неустойчивым. Но, честно говоря, я сомневаюсь, что в Польше найдётся филателист, у которого хватит капиталов приобрести всю коллекцию целиком. Ведь это же какие миллионы! Вот если по частям... На аукционе можно получить намного больше, на Западе продают в основном с аукционов, но тогда огласки не избежать...

— Знаешь, я на всякий случай уже стал почитывать их прессу, мне тоже пришли в голову аукционы. Ведь там он может действовать и анонимно. И если бы мне попало сообщение о том, что идёт с молотка анонимная коллекция...

Мне пришла в голову гениальная мысль.

— Послушай, ты говорил о том, что в коллекции были два «Маврикия»? Ведь «Маврикии» все наперечёт, и давно известно, кто их счастливый обладатель. Известно также, что из берлинского музея пропали две штуки, но наверняка эти твои два «Маврикия» совсем другие, ещё неизвестные филателистам, так что, если они объявятся, будет сенсация! Они не могут остаться незамеченными, и, если в прессе появится упоминание о том, что где-то будут продаваться «Маврикии», можешь быть уверен, что они из твоей коллекции. Или если продаётся коллекция с двумя «Маврикиями», то это как раз твоя.

— Ну хорошо, я узнаю, что будет продаваться моя коллекция, попадётся мне упоминание о «Маврикиях», и я догадаюсь. Не в этом же дело!

— А в чем?

— Допустим, я узнаю о продаже моих марок, допустим, мне даже удастся поехать туда и я попаду на аукцион. А что дальше? Ну, цопробую доказать, что марки украдены у меня, покажу список, подниму шум на всю

Европу, и что это даст? Я же ничего не смогу доказать, ведь коллекции-то никто в глаза не видел. И я никому не сообщил о её пропаже...

— Вот именно! — с раздражением прервала я. — Почему ты сразу не сообщил кому надо о её пропаже?

— Потому что растерялся. Сперва подумал: поищу сам, а не найдётся, черт с ней, верну хозяину её стоимость, пусть даже несколько тысяч...

— Спятил! «Маврикии» за несколько тысячч?!

— А откуда я мог знать, что там были эти чёртовы «Маврикии»? Думал, какие-то пустяки. А ещё раньше думал, что свёрток просто куда-то завалился, а потом стал думать, что кто-то надо мной подшутил. Я даже попросил своих знакомых, знаешь, вежливо так попросил, не валять дурака и вернуть свёрток. И к тому же...

Он замолчал, сомневаясь, стоит ли мне говорить, долго думал и все-таки сказал:

— И к тому же, по правде говоря, не имею ни малейшего желания объявлять о том, кто ко мне приходит. Особенно это касается одной особы. Ни за что! Милиция сразу же начнёт всех допрашивать, копаться... Не сообщил ещё и потому, что не хочется выглядеть кретином. Сама подумай, мне отдана на хранение ценная вещь, а как я сохраняю? К тому же оказывается, что эту ценную вещь я же наследую: ясно, имитировал кражу, наверняка со своим сообщником. Нет, мне ни в жизнь не оправдаться. До всего этого я додумался ещё до того, как узнал об истинной ценности проклятой коллекции, когда пришёл к выводу, что лучше отдать владельцу деньги, чем впутывать милицию. Но вот посмотрел список — и как гром среди ясного неба! Что делать — не знаю. В милицию ни за что не пойду, все равно это ничего не даст.

— Почему же не даст? Они начнут искать...

— И найдут вора. Меня. И больше искать не будут. Это же ясно!

— Ну что ты говоришь! Не будут искать несколько десятков государственных миллионов?

— Они ещё не государственные. Пока они частные. Владелец ещё жив. А меня посадят...

И тут я взорвалась. Меня всегда возмущали подобные обывательские рассуждения — у милиции только и дел, что сажать всех подряд! Вот и сейчас я обрушилась на Мартина:

— Глупости говоришь! Они так сразу не сажают. Сначала какое-то время покрутятся вокруг тебя...

— ...и это будут счастливейшие минуты в моей жизни, — насмешливо закончил Мартин. — Сама ты говоришь глупости! Какие могут быть

сомнения, конечно, меня посадят! Загребут как миленького. Ну, пораскинь мозгами! Все против меня, они просто обязаны заинтересоваться моей особой! А мне, как никогда, именно сейчас нужна свобода.

— Зачем?

— Ну как ты не понимаешь? Ведь только на свободе у меня есть какие-то шансы что-то сделать. Правда, шансов этих у меня не больше, чем грации в носороге, но другого ничего не остаётся. Я хочу попытаться прижать моих жуликов, выяснить, кто же из них спёр марки. Если они не уплыли ещё за границу — а надежда есть, ведь на экспертизу требуется время, — попробую их у него выдрать. Шантажом, хитростью, угрозами — как получится. И сама понимаешь, милиция мне тут нужна как телеге пятое колесо, особенно если придётся ехать за границу.

Нельзя было не согласиться с ним. Ясно: если начнётся следствие, ему не дадут разрешения на выезд за границу. Конечно, у милиции больше возможностей в розыске похищенного, чем у Мартина, и, будь мы твёрдо уверены, что сокровище не покинуло пределов Польши, я, как гранитная скала, стояла бы на своём: немедленно сообщить о случившемся милиции. Но если марки за границей, дело принимает совсем другой оборот.

— Давай смотреть правде в глаза, — угрюмо продолжал Мартин. — Хоть я и совсем не представляю себе, в чем заключается сотрудничество нашей милиции с Интерполом, но не сомневаюсь: они бы рьяно принялись за розыски нашего национального достояния стоимостью в несколько миллионов. Если, конечно, будут уверены, что оно действительно национальное, что оно действительно стоит несколько миллионов и что оно действительно похищено. А тут что? Никакой уверенности, одни туманные, сбивчивые пояснения какого-то подозрительного субъекта, ничем не подтверждённые, никаких доказательств. И ты думаешь, наши органы рискнут? Не побоятся в случае чего выглядеть дураками перед иностранными коллегами?

Я принуждена была согласиться — может, и побоятся. И только уточнила:

— Подозрительный субъект — это ты?

— К сожалению, я. Знаешь, будь я уверен, что эта скотина не вывезла ещё марки за границу, так уж и быть, плюнул бы на то, что покажусь кретином, явился бы в милицию, все рассказал бы и отсидел своё, лишь бы отыскались марки. Как ты думаешь, он успел вывезти?

Тут мы с Мартином стали прикидывать, как скотина могла уложиться во времени, и у нас получалось: вывезти марки можно было успеть, а продать — вряд ли, потому что для этого надо найти экспертов и провести

экспертизу. Да и уехать за границу скотина вряд ли успела, разве что крала уже с загранпаспортом в кармане. Я предложила Мартину написать в Отдел заграничных паспортов анонимку на всех трех жуликов, чтобы им не разрешили выезд, но Мартин в ответ на мою блестящую идею лишь постучал пальцем по лбу.

— Он мог предвидеть такую опасность и передать марки для вывоза кому угодно. Я бы, например, предвидел. И вообще, брось ты свой сомнительный оптимизм, видишь же, что дело серьёзное.

Мне очень хотелось знать, кто именно из наших общих знакомых привёл в дом к Мартину подозрительных жуликов и почему, но в ответ на мои расспросы он лишь как-то странно посмотрел на меня и не ответил. Затем заставил меня поклясться, что я никому ни слова не скажу о случившемся и даже с ним не буду заговаривать на эту тему, пока он сам не заговорит. Иначе он за себя не ручается.

Вся история с марками расстроила меня страшно, причём больше всего я расстроилась из-за собственного бессилия — ведь ничего не могу сделать, мне даже говорить об этом запретили! Несколько дней я жила ожиданием новых известий, их не было. Мартин молчал как рыба, бушевавшие во мне страсти искали выхода, и я с удвоенной энергией набросилась на ядерщиков. И с головой погрузилась в свою научно-фантастическую повесть, а страшная история с марками отодвинулась на десятый план.

Вскоре после этого меня очень удивила моя приятельница Янка. Я забежала к ней на работу по делу, а она задала мне дурацкий вопрос:

— Ага, послушай, чуть было не забыла, ты случайно не знаешь, у кого можно купить тысячу долларов?

— Думаю, у валютчиков, — ответила я ей, удивлённая не столько самим вопросом, сколько тем, что его задаёт Янка. Всю жизнь её знаю — никогда не проявляла ни малейшего интереса к подобным вещам. — Зачем тебе понадобилась тысяча долларов?

— Да ты что, это не мне! Одни мои знакомые ищут. Нет, у валютчиков они не хотят покупать.

Я пожала плечами. Что мне за дело до фанаберии каких-то её знакомых? Но Янка позвонила мне на следующий день и измученным голосом спросила:

— Слушай, не знаешь ли случайно кого-нибудь, кто бы продал тысячу долларов?

— Что с тобой? Ты ведь меня уже спрашивала, и я тебе ответила, что не знаю! — рассердилась я.

— А, правда, я совсем забыла. О господи, самой мне ничего не приходит в голову, а они пристали как банный лист — найди да найди. Обещают очень хорошо заплатить. Ты и в самом деле никого такого не знаешь?

— Если ты меня спросишь об этом в четвёртый раз — придушу и тебя, и твоих знакомых! И чего ты-то так переживаешь? Скажи им, что не знаешь, и дело с концом.

— Да разве от них так просто отделаешься? Насели на Доната, без конца морочат ему голову, а он мне. У меня уже сил нет.

— У меня тоже. Я сейчас очень занята. Мне надо найти одну такую маленькую штучку с дном.

— С каким дном?

— Непроницаемым для космических лучей. Чтобы оно отражало их.

— Спятила! — сказала шокированная Янка и повесила трубку.

И Янка, и её тысяча долларов тут же вылетели у меня из головы, я ни на секунду не задумалась о них. А кто знает, может, и стоило?

* * *

Об ограблении супругов Ленарчиков мне сообщил мой старший сын. С Ленарчиками я не была знакома, только слышала о них и запомнила потому, что они исповедовали очень уж нетипичное отношение к сохранению своего имущества, а именно: проявляли крайнюю антипатию ко всем без исключения запорам и замкам и поразительное легкомыслие к прочности дверей, за которыми находилось их имущество.

— Нет на свете таких замков, которых не сможет открыть хороший вор, и нет такого тайника, который он не сумеет найти, — так, по слухам, рассуждал Бартоломей Ленарчик. — А чем больше ставят запоров и чем хитрее замки, тем больше возникает подозрений, что за ними найдётся чем поживиться. А зачем же вызывать у людей подозрения?

За дверями супругов Ленарчиков очень даже было чем поживиться, хотя это добро и составляло лишь ничтожную долю состояния Ленарчиков, которое базировалось на двух столпах. Первый — разбросанные по всей стране многочисленные авторемонтные мастерские, оформленные на фамилии разных услужливых людей. Второй — приданое пани Ленарчиковой. До войны её папаша — пусть земля ему будет пухом — владел миллионным состоянием, вложенным в прибыльные земельные угодья, и вовремя успел наделить этими угодьями всю свою ближнюю и

дальнюю родню, друзей и хороших знакомых, благодаря чему фактически оставался владельцем угодий. Три его дочери получили в приданое многие квадратные километры садов, отданных в аренду и приносящих постоянный солидный доход.

Естественно, ни садов, ни ремонтных мастерских украсть было нельзя, чем, видимо, и объяснялась беззаботность их хозяина, пана Ленарчика. Она, эта беззаботность, передалась не только всем членам его семьи и домочадцам, но даже их собаке, которая не видела никакой разницы между знакомыми и незнакомыми, относясь ко всем одинаково дружелюбно.

Надо сказать, долгое время политика пана Ленарчика себя оправдывала. Непонятным образом зародилось и окрепло убеждение, что деньги Ленарчики держат в банке, драгоценности — в неизвестном и недоступном тайнике, а в доме никаких ценностей нет. Дом, в который любой мог свободно войти в любое время дня и ночи, не представлял никакого интереса, и преступный мир с удивительным единодушием обходил своим вниманием виллу на Саской Кэмпе.

В довершение всего шустрый отрок, сын супругов Ленарчиков, в распоряжении которого находился один из фамильных автомобилей, в третий раз потерял ключи от гаража, и, поскольку ему надоело возиться с ключами, он раз и навсегда решил проблему, вообще сняв с гаража замок. Теперь ворота гаража открывались путём просовывания руки в щель между створками ворот и поднятия железной щеколды. Из гаража был выход в жилую часть дома, причём этот выход не только не запирался, но и вообще не имел дверей — просто проем в стене. В общем, без преувеличения можно сказать, что супруги Ленарчики вели открытый образ жизни.

О подробностях образа их жизни я имела исчерпывающую информацию от сына, дружившего с сыном Ленарчиков. От него же я узнала и о событии, которое не отважилась бы назвать печальным.

Ворвавшись вечером домой, сын радостно объявил:

— Слушай, мать, Ленарчиков обокрали! Я знал, что так оно и будет!

— Неужели? — удивилась я, так как полностью разделяла взгляды пана Бартоломея. — Я была уверена, что с ними этого никогда не случится. Интересно, кто же их обокрал?

— Неизвестно. Все удивляются, и они удивляются тоже. Не понимают, почему их обокрали именно теперь. Вообще-то точно неизвестно, когда обокрали, но подмели все вчистую.

Меня заинтересовала эта необычная информация.

— Что значит неизвестно когда? Когда же произошла кража?

— Неизвестно.

— Не понимаю.

— А чего тут не понимать? Неизвестно когда, и все тут.

— А что украли?

— Тоже точно неизвестно.

Тут я подумала, уж не случилось ли чего с моим парнем.

— Сынок, или у тебя, или у Ленарчиков не все дома. Может, ты мне объяснишь попроще, что же все-таки произошло?

— Вообще-то не я один, все говорили, что так оно и будет. А Ленарчикам и вообще начхать на это дело, только вот сегодня они остались без гроша. Я одолжил Казику пятьдесят злотых.

— Интересно, откуда у тебя пятьдесят злотых? Послушай, расскажи все по порядку. Почему они не знают, что у них украли и когда, и откуда же тогда известно, что подмели все вчистую?

— Да просто у них ничего не осталось.

Мне надоели его загадки, и я решительно заявила:

— Если не расскажешь толком, то я не скажу тебе, где жареный цыплёнок на обед.

Сын сорвался с места, протопал в кухню и вскоре вернулся, страшно заинтригованный.

— Я посмотрел везде, искал и в духовке, и в холодильнике. Нигде нет. Где же цыплёнок?

Цыплёнок как миленький стоял посреди кухонного стола, правда, прикрытый фольгой, чтобы не высыхал. Я знала, что сыну в жизни его не найти. Заручившись моим обещанием открыть тайну цыплёнка, сын пояснил:

— Они никогда не знают, сколько в доме денег. Их всегда много, но сколько точно — не знают. И у каждого с собой ещё есть. А тут получилось, что старая Ленарчиха что-то купила и растратила все свои деньги. Казик потратил свои на новую обивку в машине, а старик Ленарчик выдал деньги дочке на Закопане. Пришли домой, шасть к запасам — а запасы-то тю-тю! Сначала старики Ленарчики полаялись друг с другом, потом оба дружно навалились на Казика, а потом старика как будто кто толкнул. Он держал дома пятнадцать тысяч долларов, одними сотнями, они поместились в коробке из-под ботинок. Коробка обычно стояла в шкафу. И злотые свистнули, и доллары. Да ещё неизвестно когда, потому что деньги Ленарчикам не были нужны, и они с неделю ими не интересовались. Вот и неизвестно, когда же их украли, ясно только, что на этой неделе.

— Ну, наверное, когда никого не было дома.

— А у них почти всегда никого нет дома. Больше всех в квартире

сидит домработница — когда не стоит в очередях. А собака всех любит. Так что с прошлой пятницы свободно можно было украсть.

— А драгоценности старой Ленарчихи тоже свистнули? — поинтересовалась я.

Если уж говорить правду, старая Ленарчиха была ненамного старше меня, а выглядела и вовсе как младшая сестра своей собственной дочери. Но раз уж мы говорим — молодой Ленарчик, молодая Ленарчикова, то должны быть и старый Ленарчик, и старая Ленарчиха.

Сын сказал:

— Нет, драгоценности не тронули. Очень умные воры, кроме денег, ничего не взяли, а деньги ведь все одинаковые. Сейчас старый Ленарчик локти кусает, что не сообразил пометить их.

— А он что, уже сообщил в милицию?

— Пока нет. Когда я уходил от них, они как раз решали вопрос, стоит ли из-за такой мелочи привлекать к себе внимание милиции. Мне кажется, они решат, что не стоит.

— Доллары украли сами по себе или вместе с коробкой из-под ботинок?

— Нет, коробка осталась.

— А на ней отпечатки пальцев... Хотя, если воры умные, как ты говоришь, они вряд ли сняли перчатки.

— Этой коробке старый Ленарчик особенно обрадовался. Хорошо, говорит, что осталась, будет на развод, не успеем оглянуться, говорит, как в ней заведутся новые. Ну так где же цыплёнок?

Через несколько дней сын сказал мне, что пан Бартоломей махнул рукой на убытки и не намерен сообщать в милицию о краже. Дело заглохло.

* * *

В Саксонском саду я оказалась случайно. Проезжая по Крулевской улице, вспомнила, что здесь работает один мой знакомый, у которого жена — химик, а я как раз решала проблему преобразования химических соединений путём изменения атомной структуры вещества с помощью космических лучей, воздействующих на маленькую штучку с дном. Зайдя на работу к знакомому, я узнала, что он только что вышел, чтобы встретиться с женой у фонтана в Саксонском саду. Я обрадовалась и помчалась в сад, надеясь застать там их обоих.

Ни знакомого, ни его жены я в саду не нашла, зато увидела там Доната

и Павла. Они шли по аллейке плечом к плечу, но друг с другом не разговаривали и вообще выглядели так, что во мне зародилась какая-то неясная мысль о поединке — вот в ожесточённом молчании они ищут подходящее безлюдное местечко, там отмерят десять шагов, и... раздадутся выстрелы. Эта тревожная мысль даже заставила меня остановиться и с беспокойством оглядеться по сторонам.

Саксонский сад был совершенно безлюден в эту пору, только на одной из скамеек сидели двое мужчин. Донат и Павел шли как раз в том направлении, причём оба несли под мышкой что-то такое, что мне и внушило мысль о поединке, очень уж оно походило на ящик с пистолетами, как я себе его представляю.

Приближаясь к скамейке, они ускорили шаг, причём сделали это удивительно согласованно, хотя по-прежнему не общались друг с другом. Поравнявшись со скамейкой, оба, как по команде, отвернули головы и, печатая шаг, промаршировали мимо, напряжённо вглядываясь в противоположную сторону. Заинтригованная, я посмотрела туда же, но ничего интересного не увидела — обыкновенные декоративные кусты, и все. Что же они там такое высматривали?

Пройдя несколько метров, Павел и Донат сбавили темп, нормальным шагом прошли до конца аллейки и исчезли за её поворотом. Я немного постояла, а потом, не торопясь, двинулась по саду, высматривая своего знакомого с женой. И вдруг опять показались Павел и Донат. Они шли обратно, опять глядя в пространство перед собой, с каменными лицами, не говоря ни слова друг другу. Я приостановилась. По мере приближения к скамейке они опять стали развивать скорость, а перед скамейкой вновь прошли маршевым шагом, отвернув головы на девяносто градусов и напряжённо глядя на вышеупомянутые кусты. А потом опять сбавили скорость и, уже нормальным шагом дойдя до поворота аллейки, исчезли.

Я прошла в том же направлении и увидела за кустами Баську, возле которой остановились Павел и Донат. Вела себя Баська странно. Топая ногами, она жестом архангела с огненным мечом явно гнала их обратно к несчастной скамейке. Черт знает что такое!

Не успела я переварить увиденное, как представление повторилось в той же последовательности. Не иначе как в декоративных кустах что-то было... Вот в четвёртый раз Павел с Донатом появились на аллейке — нормальный шаг, ускорение, маршевый шаг с энергичным поворотом головы, снижение скорости, исчезновение.

После того как они в четвёртый раз продефилировали таким образом перед скамейкой, сидящие на ней мужчины сорвались с места и панической

рысью кинулись к выходу из сада. Ничего удивительного, я бы тоже не выдержала, если бы подобное происходило перед моим носом. Пробегая мимо, они бросили на меня внимательный и вроде недружелюбный взгляд, я обернулась, глядя им вслед, они почему-то тоже обернулись. Один из них был лысый и длинноносый, второй — маленький и толстый, с торчащими как у ежа рыжими волосиками и красным злым лицом. От него у меня зарябило в глазах, может, ещё и потому, что из-под пиджака у него алел ядовитым цветом ослепительной яркости свитер.

Донат, Павел и Баська бесследно исчезли. Я все-таки не выдержала, пробралась к декоративным кустам, внимательно их обследовала и ничего необычного в них не нашла. Ни цветка, ни птички, ни гнёздышка, ну ровным счётом ничего! Даже мусора особого не было. И чем такие кусты могли привлечь внимание — непонятно. Надо будет обязательно спросить. Но тут я вспомнила о знакомом с женой, кинулась их искать, а когда на следующий день позвонила Баське, чтобы выяснить загадку, не застала никого дома. Позвонила через день — то же самое. В последующие дни я вспоминала, что надо бы позвонить Баське с Павлом, но вспоминала в основном около двух часов ночи — не очень подходящее время для расспросов, а потом загадка вылетела из головы под напором других событий. Очередной физик-ядерщик оказался ангельски терпеливым. Жил он, правда, в Залесье, но, раз уж судьба послала мне ангела, я, невзирая на трудности пути, ездила туда, как на службу. Рывтины и ухабы, грязь и распутица — все мне было нипочём. Я даже подумала, что стоит, пожалуй, в знак благодарности хоть немного привести в порядок дорогу к его дому, найти для этого свободное время, но отказалась и от этой мысли, и вообще от поездок в Залесье, так как к моей машине стал проявлять излишний интерес некий индивид с внешностью хулигана. Не исключено, что его нанял сам физик.

* * *

Следующее звено в цепи странных явлений предстало в особе Лёлика. Лёлик — один из тех несуразных вечных недорослей, которые так никогда и не становятся взрослыми. Основным жизненным предназначением этого недотёпы с невинными голубыми глазками сиротки Марыси было портить жизнь своим близким. Опорой же в земной юдоли он неизвестно почему избрал меня.

Сто раз проклинала я себя за то, что однажды, не иначе как в приступе

полного умственного затмения, свела его с одним знакомым, которому срочно требовалась некоторая сумма денег на короткий срок. Не отдавая себе отчёта в том, к каким последствиям это приведёт, я пригласила их обоих к себе познакомиться и совершить сделку, поскольку у Лёлика деньги были.

Пришли, познакомились, совершили. Речь шла о жалкой сумме в десять тысяч злотых. У Лёлика они действительно были, но, как оказалось, лежали на пятипроцентном вкладе в сберкассе; знакомый высчитал, сколько Лёлик потеряет за месяц, если снимет десять тысяч, получилось около пятидесяти злотых. Он обязался через месяц вернуть Лёлику десять тысяч и ещё пятьдесят злотых, и все было бы хорошо, но через пять дней Лёлик вдруг решил, что эти деньги ему срочно нужны — то ли заплатить за комнату, которую он может снять на длительный срок у выезжающих за границу, то ли за машину, я так и не поняла из его хаотичных стенаний, в общем, без десяти тысяч — ему просто зарез! Десяти тысяч у меня не было, я чувствовала себя виноватой и перед Лёликом, и перед знакомым, сколько нервов мне все это стоило — представить невозможно, а в результате оба имели ко мне претензии. Дело закончилось всеобщим недовольством, знакомый чуть не спятил, собирая по своим знакомым для Лёлика десять тысяч, а Лёлик ныл и канючил, что понёс колоссальные убытки, пятьдесят злотых были спорными, а ему пришлось срочно продать немного долларов (хотя уж тут мы со знакомым были ни при чем) по исключительно низкой цене, а если бы не спешил, то получил бы за них на двести пятьдесят злотых больше, а может, даже и триста злотых, другими словами, судьба нанесла ему чрезвычайно болезненный удар, и вот так всю жизнь.

После этого я поклялась больше никогда, ни за какие сокровища в мире не иметь с ним дела.

Вот почему, когда позвонил Лёлик и загробным голосом известил, что судьба нанесла ему очередной удар, моя реакция была весьма сдержанной.

— Нет, нет, я не могу по телефону, — конспиративным шёпотом надрывался несчастный. — Ведь речь идёт как раз о тех, ну помнишь, которые мне пришлось продавать по дешёвке.

Я поняла, что он говорит о своих долларах, и опрометчиво предложила прийти ко мне и рассказать толком, раз по телефону почему-то нельзя.

Лёлик заявился в тот же день, оторвав меня от каторжной работы в области атомной физики. Был он жутко взволнован, обрамляющая его лицо блонд-бородка предводителя викингов беспокойно металась во все стороны.

— Меня обокрали! — известил он. — Кража со взломом! То есть взлома не было, одна кража. Проникли в квартиру и украли. Наверное, воры, ты как думаешь?

— Нет, марсиане! Что украли-то?

— Все! А какие марсиане?

Вот и попробуй с ним разговаривать нормально!

— Все равно какие. Скажи толком, что у тебя украли? Неужели все? И осталось лишь то, что на тебе?

— На мне этого не было! То есть я не то хотел сказать, а то, что я не носил при себе, оно нормально лежало дома, откуда мне было знать, что они дверь взломают, хотя они и не взломали, а просто отперли, ключом наверное? То есть не ключом, я думаю — отмычкой, а ты что думаешь?

Что я думаю, я ему не сказала, все-таки как-никак я получила неплохое воспитание, и вместо этого вежливо переспросила:

— Что же такое у тебя украли? Что ты держал дома?

Во взгляде Лёлика выразилось безграничное страдание из-за моей непонятливости.

— Как что?! Всю мою валюту! Мою и моего коллеги, ну ты знаешь, он пересылал их жене, чтобы купила запчасти к машине, а я никак не мог ей отдать, ведь она ещё не вернулась из Советского Союза, то есть раз вернулась, но меня тогда не было, и она опять уехала. Она там в длительной служебной командировке, а он не велел тёще отдавать, только жене, вот я и ждал её. И держал их дома. Ну а теперь кража со взломом, то есть взлома не было, только кража, жена с тёщей на ножах, а они хотели машину починить и продать, может, стоит купить, ты как думаешь? Ведь эта машина...

— Стоп! — прервала я, потому что о коллеге, машине, жене и тёще на ножах слышала уже тысячу раз. — Если я тебя правильно поняла, у тебя украли всю твою валюту? Твою и чужую? Сколько всего?

— Я заработал две тысячи четыреста долларов, но перед возвращением из-за границы потратил триста, нет, погоди, двести пятьдесят, нет, все-таки триста, а потом ещё сто пятьдесят...

— Так сколько же ты привёз?

— Потом магнитофон купил, там дешевле, так что ещё сто восемьдесят, хотя были и более дешёвые...

— Ну хорошо, купил магнитофон, сколько у тебя осталось, я спрашиваю?

— Но ведь мне ещё пришлось вот теперь продать, я же тебе говорил, колоссальные убытки...

— Сколько осталось, я спрашиваю?! — заорала я диким голосом.

Лёлик вздрогнул от неожиданности:

— Ты что? Ах да. Тысяча девятьсот.

— А коллега тебе сколько дал? — быстро спросила я, лишая его возможности вновь приняться за свои бесконечные подсчёты и по новой объяснять, почему у него уже нет двух тысяч четырехсот долларов.

— Тысячу пятьсот.

— Значит, всего три тысячи четыреста. Неплохо. А что ещё украли?

— Больше ничего. Мамочка держала в шкафу две с половиной тысячи злотых, так их не тронули. Лежат.

— Ну и прекрасно! А когда это произошло?

— Вчера или позавчера, потому что в воскресенье ещё были, а сегодня уже нет.

— В милицию ты сообщил?

Лёлик перепугался так, что стал заикаться.

— В мили... в милицию? Да ты что? Ведь это же доллары!

Тут я уже перестала сдерживаться, позабыв о своём хорошем воспитании.

— Ну и что с того, что доллары, кретин ты этакий! Ведь они же у тебя законные!

Лёлик вытаращил голубые глазки и принялся молоть какую-то чушь. Миллион раз объясняла я этому недоделанному, что его доллары совершенно легальные, что он заработал их за границей честным трудом, что на родину привёз с соблюдением всех правил — вписал в таможенную декларацию, предъявил на границе, уплатил налог. Более легальных долларов вообще не может быть! И все мои объяснения пошли псу под хвост: до Лёлика ничегошеньки не доходило. Вот и сейчас он попеременно то заламывал руки, то драл бороду в приступе отчаяния.

Наконец он выговорил:

— Но ведь я... Но ведь я же работал в ФРГ!

— Шпионом?

— Да нет, ты что? Шпионом я не умею.

Что правда, то правда. Из него такой же шпион, как танцор из паралитика.

— Я не работал шпионом, ты же знаешь, я работал в учреждении.

— Знаю, в международном научно-исследовательском строительном институте. И не только я знаю, это и в твоём паспорте записано, и все, кому положено, знают.

— Так почему же шпионом? — спросил он с миной смертельно

озадаченного барана.

— Вот и подумай сам, — уклонилась я от ответа на поставленный бараном вопрос. — У тебя было легально нажитое имущество. Его похитили. Значит, надо немедленно сообщить в милицию!

— Ну да, а они станут спрашивать, откуда у меня доллары...

— ...а ты им скажешь! И даже докажешь на бумаге!

— Ну да, а у меня были ещё доллары коллеги... Прицепятся, что я их незаконно привёз.

— Нашими таможенными правилами не возбраняется привозить в страну валюту. Вывозить воспрещается, а не ввозить. Ты их в декларацию вписал, когда ввозил?

— Вписал. Но вписал все вместе, как свои...

— Попробовал бы вписать как чужие! То, что ввозишь, — твоё, и кому какое дело до этого? Каждому понятно, что нижнюю юбку ты везёшь не себе, а мамочке, но ты же не пишешь, что она чужая? Главное, доллары ты провёз легально и приобрёл их законно.

— А вот недавно я часть продал...

— А ты не говори об этом, просто потерял, и все тут. Тебе сразу поверят, не сомневайся! Перестань ломаться и звони в милицию!

— А что это даст?

— Не знаю, может, у них уже не первый случай кражи со взломом.

— Взлома не было, просто отперли дверь, наверное отмычкой... И вошли в квартиру.

— А хоть бы и на слоне въехали! Какое это имеет значение? Главное — милиция отыщет вора, а ты получишь своё добро.

Мы оба немного успокоились. Лёлик перестал рвать на себе волосы, а я заинтересовалась подробностями случившегося.

— Где ты их держал?

— В конверте, знаешь, есть такие небольшие конверты, то есть я держал их в двух конвертах, в одном были мои, а в другом — его...

— А конверты где лежали?

— Они не лежали, они стояли. На книжной полке, за книгами.

— У вас всегда кто-нибудь есть дома?

— Нет, мамочка работает и я тоже, вчера нас не было дома часа два, попеременно не было, то есть не так, попеременно мы были дома, а позавчера нас не было дольше. Я надеялся, ты что-нибудь придумаешь.

— Я и придумала — сообщи в милицию. Они знают, как искать, поговорят с людьми, может, кто и заметил что-нибудь. Жаль, тебя не убили, тогда бы они искали энергичнее, — добавила я безжалостно.

— Конечно, жаль, — грустно согласился Лёлик. — Но меня не было дома.

— Послушай, а как ты узнал, что конвертов уже нет? Тебя будто кто толкнул, верно?

— Никто меня не толкал. Я сам вынул толстый словарь, за которым они стояли, и посмотрел туда, а за ним ничего нет. Должно быть, а нет. Тогда я заглянул за другие книги, может, они там, но и там не было. Мы с мамочкой перерыли всю квартиру. Мамочка очень расстроилась. Послушай, а может, ты могла бы... Может, ты бы могла... Ты, может быть, могла бы...

Я бы, может, и могла, да вовремя вспомнила, что имею дело с Лёликом, и возможно, завтра же этот чёртов конверт обнаружится в совершенно неожиданном месте, а я буду выглядеть дура душой. Э нет, ничего я не могла бы!

— Лучше поезжай прямо сейчас в Главное управление милиции. Если окажется, что такими вещами занимаются районные отделения, тебя туда и направят, но не исключено, что три с половиной тысячи долларов покажутся им достаточно серьёзной суммой и они сами займутся твоим делом. Перестань канючить и немедленно отправляйся!

Не прошло и двух часов, как ценой сверхчеловеческих усилий мне удалось убедить Лёлика. Убедила я его в том, что он скрывает преступное деяние, а сокрытие преступного деяния является ещё большим преступлением. Никакие другие идиотские аргументы не приходили мне в голову, а давно было известно, что рациональные доводы на Лёлика не действуют. От моих доводов он одурел окончательно и подчинился.

Сразу же на следующий день мне позвонил некий капитан Ружевич из Главного управления милиции и попросил зайти к нему.

Этого следовало ожидать. Как только трепещущий Лёлик отправился заявлять кому следует, я поняла, что сделала очередную глупость из любви к ближнему. Теперь я обязательно окажусь у милиции под подозрением и мне не избежать с ней непосредственного контакта. Доллары мог украсть лишь тот, кто знал об их существовании, а я знала. Более того, их ещё не было, а я уже знала, что они будут! Может, в другое время визит в Главное управление милиции и доставил бы мне удовольствие, но сейчас я была очень занята своей повестью и мне было не до развлечений.

В управление Лёлик с присущим ему талантом попал в самое неподходящее время. Капитан Ружевич и его помощник поручик Петшак по уши закопались в на редкость гнусном деле — изматывающем все силы, безнадежно тянущемся как резина, с кошмарным количеством пьянчуг.

Прямо скажем, милиции не привыкать общаться со злоупотребляющими алкоголем преступниками, жертвами и свидетелями, но на сей раз это было нечто невообразимое. И правонарушители, и дающие свидетельские показания — все как один давали показания, будучи в стельку, вдребезги пьяными. По страницам дела волнами перекатывались целые океаны спиртных напитков, от которых капитана с поручиком уже давно мутило. Несколько недель они кропотливо продирались сквозь дремучие, зловонные заросли пьяных бредней, на каждом шагу встречая белых мышек, чёртиков, нетопырей и даже большую чёрную свинью, постоянно фигурирующую в показаниях главного свидетеля. Капитана эта свинья особенно угнетала.

И вот когда вконец замотанные капитан с поручиком в который уже раз констатировали, что их подопечные, протрезвев, несли ещё более дикий вздор, чем в пьяном виде, им позвонили из бюро пропусков.

— Гражданин Кароль Рокош явился с заявлением о краже со взломом. Настаивает, что в его деле компетентно лишь наше управление. Похоже, нервничает.

Капитан уже открыл было рот, чтобы направить гражданина Рокоша в отделение милиции по месту жительства, как в голове его мелькнула мысль — а вдруг этот Рокош нормальный, непьющий гражданин? Так хотелось хоть ненадолго вырваться из алкогольного омута, позабыть о чёрной свинье. Изменив первоначальное намерение, он бросил в трубку:

— Хорошо, пришлите. — И, собрав разбросанные по столу материалы пьяного дела, сказал поручику:

— Пока спрячь это. Сделаем перерыв. Свинопаса придётся допросить ещё раз. Мне надо передохнуть.

— А что случилось? — поинтересовался поручик, с энтузиазмом запихивая папки в шкаф.

— Понятия не имею, какая-то кража со взломом.

— И сразу к нам? Районные уже мух не ловят.

— Радоваться надо, что к нам. Это стадо алкашей у меня уже в печёнках сидит, мне даже начинает казаться, что и следователи были под мухой. Ну скажи, пожалуйста, зачем записывать такие вещи... Где оно? А, вот: «Свидетель не мог видеть квитанции, так как на ней сидела птичка с розовым оперением». Спятить можно!

— В той квартире была канарейка, — неосторожно заметил скрупулёзный поручик. Капитан в ответ лишь с подозрением взглянул на него и постучал пальцем по лбу.

— Где же этот обворованный гражданин?

Заблудившийся в коридорах управления и чуть живой от страха Лёлик нашёл наконец нужную комнату. Войдя в неё, он увидел сидящего за столом лысоватого мужчину с добродушным выражением лица. Мужчина внимательно смотрел на Лёлика, что, без всякого сомнения, сулило последнему нечто ужасное.

— Слушаю вас, — ободряюще сказал капитан, видя, что посетитель говорить не собирается, и очень удивился, услышав в ответ отчётливое громкое щёлканье зубами.

Лёлик переживал невообразимые муки, ибо природная робость из всех сил сопротивлялась желанию вернуть утраченную валюту. Сообщению о краже никак не удавалось протиснуться сквозь сжатое страхом горло. Пытаясь что-то сказать и одновременно в зародыше задушить крамольную информацию, он только стонал и щёлкал зубами, в панике прикидывая, не лучше ли бежать, пока не поздно. Нет, лучше не бежать, тогда уж точно посадят.

Прошло немало времени, прежде чем он, трясаясь и заикаясь, решился изложить, с чем пришёл. С трудом уловив суть заявления нервного посетителя и поняв, что речь идёт о хищении крупной суммы долларов, капитан счёл необходимым его запротоколировать. Вид официального бланка напугал Лёлика ещё больше, если это только возможно.

Ну и, ясное дело, первой особой, которая знала о существовании Леликовых долларов, оказалась я. Следующим был Мартин. На этом Лёлик застопорился. Как ни старался, больше он не мог вспомнить никого, кому было известно о его долларах, и вообще больше никого в жизни не встречал, только нас с Мартином.

Капитан не знал лично ни Мартина, ни меня, из хаотичных показаний Лёлика всплыл и в сознании капитана утвердился образ молодого хулигана, который беззастенчиво грабил своих ближних, а также аморальной коварной авантюристки неопределённого возраста, которая ловко пользуется наивностью и простодушием честных людей, проникая в их души и квартиры. С интересом выслушав сообщение Лёлика, капитан с поручиком пришли к выводу, что дело его простое и лёгкое, можно сказать, отдых, ниспосланный им небесами за адский труд в алкогольном сериале.

Когда Лёлик на полусогнутых покинул наконец грозное учреждение, капитан, радостно потирая руки, обратился к помощнику:

— Послушай, Михалек, ты возьмёшь на себя дом, помотришь для порядка, что и как, поговоришь с дворником, соседями, мамочкой. Так, на всякий случай. Я же займусь его «друзьями». Вызову их сюда. Думаю, дня через три мы с этим дельцем управимся. Сумма немаленькая, верно?

— А может, стоит сразу произвести у них обыск? А то спохватятся и перепрячут.

— Такие пройдохи уже наверняка спрятали. Да ты не сомневайся, найдём! Но сначала я с ними побеседую. Так что давай отправляйся прямо сейчас, а я позвоню им.

Вот так я оказалась в Главном управлении милиции. Капитан записал мои анкетные данные, впился в меня испытующим взглядом, вздохнул и задумался. Я терпеливо ожидала, не сомневаясь, что речь пойдёт о Леликовых долларах.

— Что вы делали девятнадцатого? — выстрелил капитан каверзным вопросом и худшего не мог придумать. Откуда, черт побери, мне знать, что я делала девятнадцатого? С укором взглянув на него, я извлекла из сумки свою записную книжку и, полистав её, информировала представителя власти:

— Девятнадцатого был вторник. Желаете подробно, с утра до вечера?

— Если для вас не составит труда, то также и с вечера до утра. Подробно.

Ах, желаете подробно? Ну что ж, извольте. И я осчастливила его подробнейшим репортажем, из которого он должен был понять, с каким на редкость работающим и трудолюбивым человеком имеет дело. Из чистого альтруизма я назвала ему также фамилии и телефоны свидетелей, которые могли видеть меня между двенадцатью и тремя в тот роковой вторник, ибо как раз в указанное время у Лёлика никого не было дома. Единственным пробелом в моем алиби был короткий визит в универмаг. Очень не хотелось обречь любимую милицию на ненужные хлопоты. Знать бы заранее, уж я бы выкинула в универмаге такое, что позволило бы его персоналу запомнить меня.

Капитан молча слушал, что-то изредка записывая. Велел перечислить приобретённые мной в универмаге товары. Я перечислила.

— Ну хорошо, — сказал он, подумав. — А что вы делали накануне, в понедельник?

С понедельником было хуже. В понедельник я устроила себе ответственную головомойку с кучей дополнительных процедур, из-за которых семь часов голова была замотана полотенцем. Ясное дело, в полотенце я старалась никому не показываться, и на улице меня никто не встретил. Однако несколько человек звонили домой, и, кроме того, ко мне забежал за солью рабочий класс. В квартире соседей происходил ремонт, и в обеденное время ко мне зашёл за солью один из специалистов, кажется, слесарь-водопроводчик. Он с любопытством разглядывал меня, ибо

голубой махровый халат и оранжевое полотенце создавали интересную цветовую гамму.

— Эти рабочие ещё там? — заинтересовался капитан.

— Не знаю. Наверное, кончили, сегодня я их не слышала.

Известие капитана огорчило, и он опять задумался, а подумав, со вздохом спросил:

— Знаете ли вы Кароля Рокоша?

Я обрадовалась, что мы наконец-то начинаем говорить о деле.

— Разумеется, знаю. Догадываюсь, что меня вызвали из-за него. Как только выпихнула его в милицию, сразу подумала, что подозрения...

— Ах, вы догадываетесь? А может, признаетесь, что знали о наличии у него долларов?

— Ещё бы не знать! Он только о них и говорил!

— Тогда вспомните, пожалуйста, кому о них говорили вы.

Разумеется, я и сама уже думала об этом. Ещё вчера, поняв, что из-за Лёлика влипла в долларовую афёру, постаралась припомнить все, так или иначе связанное с нею. И получилось, что о них я никому не говорила. Даже если и жаловалась своим знакомым в сердцах на беспросветную Леликову тупость, имени его никогда не называла. А уж о его долларах и вовсе не заикалась, ибо не они делали из Лёлика уника. Все это я изложила капитану и прибавила:

— Для меня не подлежит сомнению, что для собственного блага следовало бы дать объявление в газете о Леликовых долларах, делая его фамилию и адрес достоянием широкой общественности. Но я объявления не дала, и теперь ничем делу не поможешь.

— А у вас самой нет никаких соображений насчёт того, кто бы это мог сделать?

— Абсолютно никаких. Среди моих знакомых ни одной подходящей кандидатуры.

Капитан тяжело вздохнул и опять помолчал. Потом спросил:

— Но вы хоть уверены, что у него эти доллары были?

Видимо, Лёлик, как всегда, произвёл сильное впечатление! Я поспешила заверить капитана, что доллары у него действительно были.

Капитан ещё немного поманежил меня, расспрашивая о кое-каких подробностях. На вопросы я отвечала охотно и с искренним желанием помочь человеку, так как чувствовалось, что у него концы с концами не сходятся.

Мартина изловили по телефону вечером, визит в управление он нанёс на следующий день и в отличие от меня не только не проявил доброй воли,

но встретил в штыки все попытки милиции пролить свет на тёмное дело. Мартин категорически заявил: во всем, что касается Лёлика, у него, Мартина, нет и не может быть никакой уверенности. Да, он слышал, что у Лёлика есть доллары, слышал от Иоанны и от самого Лёлика, но собственными глазами долларов не видел. У него, Мартина, создалось впечатление, что об имеющейся валюте Лёлик трубил направо и налево, всем подряд, кому ни попадя, лишь бы находились желающие слушать. И ещё у него, Мартина, создалось впечатление, что никто этому не верил.

Непонятно почему, но после беседы с Мартином капитан перестал сомневаться в том, что доллары действительно были и что их действительно украли. Зато стал сомневаться, действительно ли это дело столь простое и лёгкое, каким представлялось ему вначале, а его подозрения в отношении меня и Мартина значительно ослабли.

Явился поручик с места боевых действий, сел на краешек стула, вытащил из кармана большой потрёпанный блокнот и стал докладывать:

— Похоже, что в указанные два дня были лишь две возможности совершить кражу из квартиры гражданина Рокоша. В понедельник между одиннадцатью пятнадцатую и двенадцатую тридцатую, а во вторник между одиннадцатую тридцатую и четырнадцатую пятьдесятую. А в остальное время в квартире были то гражданин Рокош, то его мать. На ночь дверь запирается на замки и цепочку, днём на два замка: один типа «Лучник», второй — старый, врезной, нетиповой. Следов взлома или действия отмычкой не обнаружил. Думаю, замки отпирали ключами.

Капитан слушал в угрюмом молчании. Дело расплзлось на глазах, я и Мартин не оправдали его надежд и к тому же имели алиби.

— Ключи, — проворчал он. — Откуда у них ключи?

— Холера их знает. Может, по следам сделали. Ради такой суммы стоило похлопотать.

— А что показал дворник?

— Дворник никого не видел. То есть, конечно, видел, но лишь жильцов. Чужих не видел ни в тот день, ни накануне. И вообще ничего подозрительного не заметил. Да и не сидит он там безвылазно, так как сам по специальности электрик, вот и ходит по вызовам, подрабатывает. Жена его работает уборщицей в каком-то учреждении. Думаю, посети дом экскурсия из провинции, они бы и её не заметили.

— Черт знает что! — пробормотал капитан и опять задумался. Поручик с безнадёжным видом листал блокнот.

— Представь, что ты вор! Войди, так сказать, в его образ! — неожиданно потребовал начальник. — Допустим, стало известно: у такого-

то лежат в хате зелёные, три с половиной косых. Ты решил их увести. С чего начнёшь?

Поручик не удивился. Он давно работал с капитаном и привык к его методу вести расследование. Метод капитана заключался в том, чтобы вжиться в образ очередного преступника, так сказать, проникнуть в его психику. Без проникновения в психику преступника капитан вообще не представлял себе работы и не верил в успех расследования. Вот почему таким трудным для него оказалось алкогольное дело. Не мог же он требовать от подчинённого, чтобы тот напивался изо дня в день, вживаясь в психику алкоголика!

Поручик послушно задумался.

— А я его знаю? — спросил он, поудобней усаживаясь на стуле и похлопывая себя по колену блокнотом.

— Предположим, знаешь. Может, не лично, через знакомых. Или тебе показали его на улице.

— И я решил увести... — задумчиво протянул поручик. — И я решил увести... Ключи! Ясное дело, ключи!

— Что ключи?

— Сначала уведу ключи и сделаю с них слепки. Потом по ним закажу ключи. Потом прослежу, чтобы в квартире никого не было. Два человека — плёвое дело. Открою дверь...

— Стоп! — прервал капитан. — Как уведёшь ключи?

— У сына проще, чем у мамочки. Мамочка дама серьёзная, а сынок... Где он носит ключи?

— В кармане куртки.

— В кармане куртки... Куртку иногда снимает... Работает... Работает ассистентом в Архитектурном институте. На работе он куртку снимает? Так? Иду в институт, изучаю обстановку... Так? Пользуюсь моментом, когда он снимает и оставляет куртку, так?

— А если не снимает?

— Уговорю снять.

— Выходит, ты его знаешь лично?

Поручик уставился в окно, сдвинул брови и перестал постукивать блокнотом по колену. Потом решительно заявил:

— Если он куртки не снимает — никуда не денешься, знаю его лично.

— Ну так отправляйся в институт и узнай, снимает ли он на работе куртку.

Через два дня капитан и поручик располагали достоверными данными о том, что Лёлик не только снимает куртку, но и бросает её где попало,

оставляет без всякого присмотра в помещениях, которые надолго покидает, вспоминает о ней, лишь уходя домой, да и то не всегда. Из куртки без особого труда можно было не только вытащить ключи, но даже снять подкладку.

— Я бы поступил по-другому, — сказал капитан, ознакомившись с достоверными данными. — Зачем делать слепки? Слесари не любят изготавливать ключи по следам, это труднее, да и вызывает подозрения. Я бы взял ключи и поехал с ними к слесарю, тот бы сделал по ним новые, а если занят, сам профессионально снял бы слепки, такое бывает, чтобы не торопясь работать. И нет вопросов — откуда ключи, чьи ключи. Мои — и дело с концом, хочу сделать запасные. А те отвёз бы и сунул на место, в карман куртки.

— Если я правильно понял, теперь мне надо обежать мастерские по изготовлению ключей в радиусе двух километров вокруг института? — обречённо поинтересовался поручик.

— Бери шире. По нашему городу ходят трамваи и автобусы.

На второй день поисков ключи опознал один из слесарей на Багне. Ему запомнился ключ от нетипового, еще довоенного врезного замка.

— Вроде бы я такой делал, — с сомнением говорил владелец мастерской, рассматривая редкий ключ. — Вроде бы делал. Но это было довольно давно, месяца два назад.

— А кто принёс этот ключ?

— Нешто я помню? Вот убейте меня на этом месте, не помню. Вроде бы мужчина. Но может статья, что и баба. Нет, вроде мужчина.

— А как он выглядел?

— Да откуда мне знать? Я не помню, был то мужик или баба, а вы спрашиваете, как он выглядел! Не знаю. Обыкновенно, поди, выглядел, не то бы я запомнил. Вот ключи запомнил, а его нет.

И это было все, чего удалось добиться капитану в своих расследованиях. В квартире Лёлика не оказалось никаких подходящих отпечатков пальцев, никаких других полезных следов. Подозрения пали было на Мартина, который тоже бывал в Архитектурном институте, но, во-первых, в указанные дни Мартин безвылазно сидел в чертёжной и его видели там тысячи свидетелей, в том числе и сам Лёлик, а во-вторых, те же тысячи свидетелей единодушно утверждали, что уже длительное время Мартин старательно избегал каких-либо контактов с Лёликом. Ну, допустим, ключи он мог украсть, но для проведения операции ему обязательно потребовался бы сообщник. На всякий случай Мартина привели к слесарю с Багны. Тот послушно и добросовестно осмотрел

Мартина и решительно заявил, что в жизни этого человека не видел.

Затем милиция тщательно проверила моё алиби. Оказалось, что в универмаге меня запомнила кассирша. Ей, видите ли, понравилось, как я была одета: яркой раскраски костюм в крупную клетку и чёрная шляпа с широкими полями. Очень хорошо меня запомнил также с трудом разысканный водопроводчик, который приходил ко мне за солью. Он ещё описал меня своим коллегам. А поскольку до сих пор и Мартин, и я вели безупречный образ жизни, не вступая в коллизии с законом, нас оставили в покое. Доллары Лёлика исчезли бесследно, нанеся амбициям капитана Ружевица глубокую, незаживающую рану.

* * *

История с Леликовыми долларами задела меня лишь краешком. Я свела к минимуму беседы с представителями властей, ибо по-прежнему была очень занята.

С очередным физиком-ядерщиком встреча была назначена у «Гранд-отеля». Отыскивая местечко на улице Хожа, я припарковалась рядом с вишнёвым «таунусом», в котором сидел водитель, и, ожидая физика, просидела в машине несколько минут, пока мне не пришло в голову проверить в записной книжке, не перепутала ли я время встречи. И хорошо, что проверила. Оказалось — действительно перепутала, до встречи оставалось ещё около часу. Разозлившись на себя, я стала думать, куда девать время, и решила съездить в книжный магазин на Мархлевского.

«Таунус» уже тронулся, я пропустила его и двинулась за ним. Рядом с шофёром в «таунусе» оказался пассажир, я и не заметила, когда он сел. Пассажир то и дело оглядывался назад, я тоже посмотрела в зеркало заднего вида — что это его интересует, не на меня же он смотрит? Ничего интересного за нами не было.

«Таунус» ехал в направлении Мархлевского, мне надо было туда же, я продолжала двигаться за ним и не могла обойти, так как ехал он очень быстро. «Таунус» свернул направо, мне тоже нужно было туда. Не люблю, когда вот так пугаются под ногами! Думала, на Крулевской я уж от него избавлюсь, свернув налево. И надо же! Он именно туда свернул! А потом направо, будто ехал к тому же книжному магазину. Мне ничего не оставалось, как держаться в хвосте. Прямо скажем — удовольствие среднее, тем более что пассажир продолжал нервно оглядываться на меня.

Подъезжая к книжному магазину, я сбросила скорость. «Таунус»

посигналил правой мигалкой, я тоже замигала, увидев, что у магазина негде встать. Надо было сразу ехать на стоянку за магазин. Прибавив скорость, чтобы свернуть за угол, объехать квартал и с Гжибовской выехать на стоянку, я увидела, что «таунус» тоже сворачивает за угол. А дурак пассажир не сводит с меня глаз. И как ещё шею не вывернул? «Таунус» держался неуверенно и мешал мне проехать, потом наконец решился и заехал в тупичок, по правой стороне. Отделавшись от него, я вздохнула свободно и поехала к книжному магазину.

И я бы наверняка напрочь забыла об этом «таунусе», если бы он вновь не попался мне дня через три. На сей раз я ехала по делу в «Польский фильм» и уже в третий раз объезжала кругом площадь Домбровского в поисках места для машины. Издалека увидев, что освобождаются сразу два, я поспешила туда и успела занять второе, а рядом на первое пристроился вишнёвый «таунус». Он уже выключил двигатель, когда я встала рядом. Мне надо было сменить перчатки, и я не сразу вышла из машины, «таунус» же повёл себя очень странно: взревев мотором, он задним ходом рванулся со стоянки, лишь чудом не угодив под автобус Польского телевидения. Вот кретин, зачем было втискиваться на это неудобное место, если не собирался там стоять? В «таунусе» сидели двое, пассажир — не знаю, тот самый или другой, — опять пялился на меня так, будто в жизни не видел ничего более интересного.

На следующей неделе этот «таунус» попадался мне буквально на каждом шагу, то внезапно появлялся там, где я уже стояла, то как раз уезжал оттуда, куда я прибывала. Я ломала голову, чего ради он ко мне прицепился. Потом, слава богу, отвязался. Правда, в течение нескольких дней я не выходила из дому. На водителя внимания не обратила, вроде брюнет.

А потом на меня свалилась новая неприятность. Выбравшись наконец из дому и сев в машину, я почувствовала, что она стоит как-то странно. Вышла, обошла её и увидела, что спустили оба левых баллона. Странно, почему сразу два? Один — ещё можно понять, но сразу оба? К счастью, мне удалось поймать такси и тронуть сердце водителя. Одно колесо он мне сразу сменил на запасное, под второе мы подложили кирпичи и оба колёса отвезли в мастерскую.

Там обнаружилось, что баллоны продырявлены. Вот тебе на! Владелец мастерской, помянув недобрым словом хулиганье и вандалов, обещал в тот же день все сделать. Отремонтированные колёса мне привёз из мастерской знакомый, а мы с сыном поставили их на место.

Все это происходило в среду. А в субботу вечером, придя домой, сын с

порога мрачно заявил:

— Ты это делаешь специально! Не понимаю только, зачем тебе надо, чтобы всю оставшуюся жизнь я ставил колёса?

Встревоженная, я бросилась во двор. Так и есть, опять два колёса, на сей раз правые, причём разрезы бросались в глаза. Ну что за мерзавец ко мне привязался?! Разъярённая, я помчалась звонить в милицию.

Мне очень помогла ссылка на близкое знакомство с капитаном Ружевицем. Дежурил в тот день поручик Петшак. Он лично приехал, чтобы осмотреть мои колёса.

— А может, это орудует пан Рокош, как вы думаете? — с надеждой в голосе спросил поручик. — Считает, что доллары свистнули вы, вот и мстит.

Его надежды я подавила в зародыше:

— Пана Рокоша можете сразу снять с повестки дня, он бы умер при одном виде режущего орудия. Скорей уж хмырь из «таунуса». С самого начала меня невзлюбил.

Естественно, поручик заинтересовался личностью хмыря. Вот тут я пожалела, что не рассмотрела его как следует. Описав поручику свои встречи с вишнёвым «таунусом» и сообщив его номер, — чисто механическая привычка запоминать номера машин — я, к сожалению, не могла объяснить причин неприязни хмыря ко мне, зато с пеной у рта требовала составления протокола тут же, немедленно! С трудом убедили меня подождать до понедельника.

В воскресенье утром я одолжила шестое колесо и назло преступным элементам поехала по делам. В последующие дни в надежде поймать негодяя на месте преступления я делала вылазки к машине в разное время дня и ночи, прихватывая с собой на всякий случай любимое оружие — колотушку для отбивания мяса.

Труды не пропали даром, моя бдительность явно действовала на нервы преступникам, так как они совершили ужасную ошибку — перепутали объекты вандализма. Выглянув из-за угла флигеля во время очередной вылазки, я увидела у машин незнакомого подростка. Он явно стоял на шухере, так как при виде меня отчаянно засвистел и бросился бежать. Услышав свист, из-за машин выскочил второй подросток, споткнулся о бровку тротуара, упал, вскочил и помчался за первым. Я тоже помчалась — к машине — и обнаружила ужасную вещь: воздух со свистом выходил из двух правых колёс, но не моего «фольксвагена», а стоящей рядом ни в чем не повинной «сиренки». Видимо, действуя в спешке и нервной обстановке, молодой преступник не проверил номер и проколол баллоны голубой

машины, стоящей в указанном ему месте. Подумав о хозяине «сиренки», я кинулась прочь от неё с той же скоростью, что и хулиганы.

Тем не менее я тут же позвонила в милицию. Мои колёса сидели у неё в печёнках, и, желая раз и навсегда покончить с ними, милиция организовала в округе энергичные поиски. Поиски увенчались сомнительным успехом, в чем я сама виновата, ибо выслала в погоню за подростками сына. Высокий парень, подозрительно заглядывающий во все дворы и подворотни, был задержан милицией в спускающихся на Мокотов сумерках, а когда недоразумение разъяснилось, искать преступников было уже поздно.

Через неделю мне прокололи сразу все четыре покрышки. Скандал, который я устроила в милиции с активной помощью владельца «сиренки», не поддаётся описанию. С этого дня патрульная милицейская машина стала регулярно проводить стоянку у нашего дома: днём в интервале тридцати минут, ночью — пятнадцати. Владельцы остальных машин были мне искренне признательны.

Милицейские рейды принесли плоды: были задержаны две подозрительные личности. Одной из них оказался страхагент, другой — сотрудник паспортного отдела. Страхагент, лично знавший меня и мою машину, выискивал её на стоянке, чтобы узнать, дома ли я, и не подниматься напрасно на четвёртый этаж. Проживающий неподалёку паспортист искал на стоянке потерянный накануне брелок от ключей.

Принимались и другие меры: проверялось алиби окрестных хулиганов, а мне, в порядке компенсации морального и материального ущерба, милиция устроила покупку в Лодзи четырех новых покрышек, которые я пока предусмотрительно приберегала. К делу подключили и дружинников.

Неизвестные преступники затаились. А может, просто выжидали, когда я пушу в ход новые колёса. Держите карман шире!

Через неделю я обнаружила, что за мной всюду ездил жёлтый «опель-комби».

Как-то днём, не найдя места у Политехнического института и обнаружив свободный кусок тротуара неподалёку, на аллее Независимости, я заняла его. «Опель» попытался втиснуться рядом, но у него ничего не получилось, только заблокировал по улице автомобильное движение. Возвратившись через час к машине, я увидела его приткнувшимся в запрещённом месте — у запертых железных ворот склада. И этот прицепился ко мне? На сей раз, наученная горьким опытом с «таунусом», сразу решила проверить. Объехала полгорода невероятно извилистым путём и убедилась: держится как приклеенный. Нервы мои были изрядно

потрёпаны неприятностями с покрывками, и я решила спросить прямо, в чем дело.

Ехала я по Вейской, к тому времени на улицах уже стало свободнее, и мне без труда удалось остановиться за киоском «Рух». «Опель» проехал вперёд и тоже остановился. Выйдя из машины, я решительно направилась к нему, чтобы потребовать у водителя объяснений.

Ничего не вышло: «опель» от меня попросту сбежал. Когда до него оставался какой-то метр, он взревел и умчался, свернув на улицу Конопницкой. Так просто от меня не уйдёшь! Поехав следом, я обнаружила его перед магазином «Польская мода», притормозила рядом, а он опять сбежал. Похоже, теперь я его преследую. Заметив, что он помчался обратно на Вейскую, я двинулась следом, высматривая жёлтую машину, но её нигде не было видно. Испугался. Теперь, надеюсь, отвяжется. Я повернула домой.

На Бельведерской он появился вновь и опять ехал за мной. Чтоб тебе!.. Я быстренько придумала, как его перехитрить. Свернула в Променад, доехала до конца и остановилась у киоска «Рух». Киоск не работал, на нем висела табличка: «Буду через полчаса». Выйдя из машины, я бегом кинулась к торговым павильонам и скрылась за магазином «Семена».

«Опель» притормозил рядом с моей машиной, водитель выскочил и побежал за мной. Я предстала перед ним внезапно, выйдя из-за магазина, и напугала его так, что он развернулся на месте и со всех ног бросился обратно к машине. Улепётывал, будто по пятам гнались бешеные волки. Допускаю, выражение лица у меня могло быть действительно не очень приветливым, но, в конце концов, я же не дракон огнедышащий! Удивлённая произведённым эффектом, я бросилась за ним, вспоминая, где могла видеть это злое красное лицо и рыжие волосики торчком...

Он уже был у своей машины, но сесть не успел. Ему помешали. Из-за киоска выскочил какой-то лысый мужчина, одетый прилично и даже элегантно, кинулся на моего преследователя, схватил его за горло и, яростно хрипя, принялся душить. Я окаменела на месте. Водитель «опеля» какое-то время покорно позволял себя душить, потом опомнился, схватил душителя за руки, вырвался и, размахнувшись, врезал ему по физиономии. Душитель отпрянул, угодив лысым черепом в боковое стекло киоска. Ухватившись за отвороты элегантного пиджака, водитель поволок его к машине, силой втолкнул внутрь, сел сам, и «опель» с диким рёвом умчался в сторону Бельведерской.

Длилось все это какие-то секунды. Ещё не совсем придя в себя, я дотацилась до киоска. Стекло, все в радиальных трещинах, еле держалось. Не успела я дотронуться до него, как оно вывалилось и со звоном

разбилось. В этот момент рядом притормозила патрульная милицейская машина.

— Пани разбила стекло, — вежливо, но решительно констатировал сержант милиции. — Разрешите ваши документы.

Все во мне возмутилось от такой несправедливости.

— Стекло разбила не я, а какие-то мужчины! Они здесь дрались, и один из них головой вышиб окно!

— Где же эти мужчины? Подъезжая, мы видели лишь вас. И как раз разбилось стекло. Больше у киоска никого не было.

— Они уехали на машине! Как вы могли подумать на меня, пан сержант?! Хулиганка я, что ли? Да и есть же на улице люди, поспрашивайте, они подтвердят.

И они подтвердили. От магазина «Семена» к нам спешил дробной рысцой немолодой уже человек, похожий на дворника.

— Эта пани здесь дралась! — уже издали кричал он. — Я сам видел!

Как меня ещё не хватил удар — не знаю. Сержант собственными глазами видел, как вылетело стекло и никого, кроме меня, поблизости не было. Дворник собственными глазами видел, как я участвовала в мордобое и вообще наверняка пьяна, так как гналась за каким-то мужчиной, а потом била его у киоска. Я пыталась объяснить, как было дело, и сама чувствовала, насколько все звучит неубедительно: какой-то «опель» неизвестно почему меня преследует, номера я не запомнила, потому что видела его лишь в перевёрнутом виде в зеркальце за собой. Сержант с каменным выражением лица списывал данные из моего паспорта и вежливо информировал:

— Этот район у нас на особом контроле, здесь хулиганят особенно часто. Ваше дело передаём на рассмотрение в административном порядке.

Спас меня участковый. Я упросила сержанта поехать вместе в моё отделение милиции. Участковый меня знал и поверил, что я стёкол не била и вообще не хулиганка. И даже из idiotских показаний свидетеля-дворника следовало, что у киоска я была не одна. Поэтому участковый согласился не передавать дело на рассмотрение административной коллегии, хотя протокол и составил. А я поклялась себе при первом же удобном случае записать номер проклятого «опеля».

Случай не подворачивался, «опель» как сквозь землю провалился. Зато недели через две меня посетил участковый. Поговорив на разные отвлечённые темы, порассуждав о целесообразности ставить новые баллоны, посмеявшись над инцидентом у киоска, он вдруг спросил:

— А тот Вишневский, что пребывал у вас, давно уехал?

Единственным Вишневым, который когда-либо «пребывал» у меня, был мой кузен, происходило это двенадцать лет назад, и заходил он часа на полтора. Вопрос был совершенно непонятен, и я попросила милицию пояснить, какой именно Вишневский её интересует.

— Станислав, — был ответ. — Тот, что здесь проживал.

Здесь никогда не проживал ни один Вишневский. Визит кузена проживанием никак не назовёшь. Станислав действительно проживал и даже был моим мужем, но он никогда не был Вишневым. Бред какой-то!

— Никакого Станислава Вишневого я вообще не знаю. Последние несколько лет здесь кроме меня проживают лишь мои сыновья. А кто он такой, Станислав Вишневский?

— Даже если он жил непрописанным — не страшно, — гнул своё участковый. — Мне бы только знать, когда уехал. Так вы уж скажите, ничего не будет.

Никак не пойму, о чем он говорит? Новая загадка? Одна за другой сыплются на меня непонятные вещи. И именно тогда, когда мне так нужна спокойная жизнь!

— Я все-таки не понимаю, о ком вы говорите. В своей жизни встречала я разных Вишневских, но среди них Станислава не было. И почему он должен был жить у меня?

— Не исключено, что с именем ошибка. Назовите ваших знакомых Вишневских.

Я послушно назвала ему всех известных мне Вишневских, потом достала записную книжку и продиктовала ему их адреса и номера телефонов. Участковый переписал их, не скрывая разочарования. И объяснил:

— Все дело в корреспонденции. Видите ли, Станислав Вишневский писал нам, а обратный адрес сообщил ваш. Я знаю, что тут вы живёте, но подумал, что вы что-нибудь о нем знаете. Может, он все-таки пребывал здесь пару недель назад?

Я ещё раз торжественно заверила его, что ни пару недель, ни пару месяцев, ни даже пару лет назад никакой Станислав Вишневский здесь не пребывал. Тем более не жил.

— Разве что, — предположила я, — так зовут парня, который снимает показания электросчётчика. Вот он действительно пребывает у меня регулярно раз в месяц уже много лет. Вы можете это легко проверить.

— Нет, счётчик тут ни при чем, — вздохнул участковый. — Жаль, а я так надеялся, что наконец можно будет ответить. Ну, раз нет...

Вишневого я тоже не брала в голову, занятая своими делами, и

вспомнила о нем лишь тогда, когда мне позвонила одна из моих приятельниц, секретарша в одном серьёзном учреждении. Захлёбываясь от волнения, она сообщила:

— Слушай, это как раз для тебя! Ты любишь такие вещи, а тут настоящая сенсация! Какой-то человек пересылает доллары на Польский национальный банк. В ценных письмах.

— Какой человек?

— Неизвестно! Его никто не знает. Какой-то Вишневский. Адрес отправителя пишет вымышленный.

— А как его зовут? — вскричала я. — Случайно не Станислав?

— Да, Станислав. Он уже прислал на банк около шестидесяти тысяч долларов. Небольшими порциями. Весь банк гудит. А ты уже слышала о нем?

— Пока не слышала, но очень хочу услышать. Еду к тебе!

Я тут же помчалась к ней и узнала все подробности. Дело было так.

Несколько месяцев назад секретарша председателя Польского национального банка расписалась в получении ценного письма и вошла в кабинет начальника с ворохом корреспонденции. Начальник был занят. И, не прерывая телефонного разговора, жестом велел ей самой заняться почтой. Секретарша вернулась к себе, просмотрела письма и зарегистрировала, а напоследок вскрыла большой, серый, аккуратно заклеенный конверт.

В конверте было две тысячи четыреста долларов в купюрах по десять и пятьдесят долларов и записка — три слова на полях клочка газеты: «В пользу государства». Написано шариковой ручкой, печатными буквами, явно с помощью линейки.

Секретарша перевернула конверт, чтобы взглянуть на адрес. Отправителем оказался Станислав Вишневский, проживающий в Варшаве по улице Олькусской, д. 86. Обычный адрес, но само послание, конечно, необычное: не каждый день граждане дарят государству такие подарки.

Полюбовавшись на доллары, секретарша опять вошла в кабинет к начальнику.

— Видимо, какой-то патриот, — отреагировал начальник. — Передайте с сопроводительной в валютный отдел.

Секретарша выполнила указание. В валютном отделе сумму заприходовали как дар гражданина Вишневского и передали в казну. Секретарша начальника валютного отдела как-то не проявила особого интереса к столь щедрому патриоту.

Второй раз серый конверт пришёл в банк через месяц. Он был больше

первого и битком набит долларами в банкнотах всех калибров, от одного до ста, на круглую сумму в шесть тысяч. Конверт вскрыл сам председатель банка, изумился и вызвал секретаршу.

— Кажется, что-то такое у нас уже было, — сказал он. — Вы не припомните?

— Был, точно такой же, — подтвердила секретарша, осмотрев конверт. — Отправитель Станислав Вишневский, проживающий по улице Олькусской. Кто такой этот Вишневский?

— Понятия не имею. Передайте опять в валютный отдел и попросите проверить, не фальшивые ли. Может, он их печатает?

Доллары оказались самые что ни на есть настоящие. Сумма не вызвала особого потрясения среди сотрудников банка, привыкших оперировать большими числами. Конверт выбросили, как и в прошлый раз.

Недели через две таинственный Вишневский прислал две тысячи, на сей раз мелкими купюрами. Надпись печатными буквами на полях клочка газеты информировала, что и эти деньги передаются в пользу государства. Когда затем одно за другим пришло несколько ценных писем, содержащих в сумме семь тысяч двести долларов, секретарша начальника валютного отдела наконец-то проявила интерес к таинственным посланиям и позвонила своей подруге, секретарше председателя:

— Кто такой этот Вишневский с долларами?

— Понятия не имею. Ненормальный, наверное.

— А что говорит председатель?

— Что патриот. А я считаю, что патриот обменял бы их по официальному курсу на польские злотые. Нет, просто богатый псих.

— Если бы он посылал хотя бы на восстановление Королевского замка, ещё можно понять. Но вот так, просто в пользу государства?

— Ах, милая, я и сама удивляюсь.

Несколько недель было тихо, а потом Вишневский словно с цепи сорвался. Чуть ли не каждый день в банк стали приходить толстые серые конверты, набитые иностранной валютой. Общая сумма перечисленных в государственную казну долларов уже превысила пятьдесят тысяч.

Дарственные в пользу государства не являются служебной тайной. Сотрудники Польского банка поделились со своими близкими интересными новостями. Потрясённые близкие, не привыкшие к крупным суммам долларов, раструбили по всему городу о благородном поступке Вишневского. Потрясённые в свою очередь многие тысячи варшавян ломали головы, что бы это значило.

Вишневский же после первых хаотичных посылок несколько

систематизировал свою деятельность и стал присылать деньги каждые две недели. Так продолжалось некоторое время, потом деньги перестали поступать, а потом сразу пришло пять тысяч самыми мелкими купюрами. На сей раз они были запакованы в коробку из-под шоколадных вафель производства Чешинской фабрики «Ольза».

А ведь мой кузен Вишневский проживал именно в Чешине...

Как раз в это время муж секретарши начальника валютного отдела отправлялся в трехнедельную служебную командировку в ГДР. Поскольку в их машине вышел из строя сигнал, он, укладывая чемодан, давал жене инструкции:

— На такой машине ездить нельзя, первый же гаишник тебя остановит. Я уже не успеваю, тебе придётся самой заняться машиной. Поезжай в мастерскую на Олькусскую, она работает до пяти, дашь в лапу электрику, он тут же сделает.

Жене совсем не улыбалось заниматься не своим делом, и она спросила недовольно:

— А где эта Олькусская?

— На Мокотове. Пулавскую знаешь? Она на неё выходит, между Дольной и автовокзалом. А если он скажет, что надо обязательно покупать новый...

— Постой, постой! — спохватилась жена. — На Олькусской?

— На Олькусской, а что?

— Так ведь на Олькусской живёт тот Вишневский, который прислал в банк почти семьдесят тысяч долларов. Да, я помню: Олькусская, восемьдесят шесть.

— Скажи пожалуйста, — рассеянно отозвался муж, запихивая в чемодан бритвенный прибор, и вдруг выпрямился:

— Как ты сказала? Восемьдесят шесть?

— Да, восемьдесят шесть.

— А ты не ошиблась? Восемьдесят шесть? Да там не может быть такого номера, вся улица — несколько домов, ну вот как от нас до этого фонаря. Наверняка ты что-то перепутала.

— Да нет, я прекрасно помню, у меня же хранятся его конверты. Может, просто там такая нумерация?

У мужа через два часа отправлялся самолёт в Берлин, и ему некогда было заниматься посторонними тайнами. Он вернулся к чемодану очень довольный: теперь жена уж непременно поедет на Олькусскую, хотя бы из любопытства.

— Только обязательно поезжай в рабочее время, — попросил он, —

тогда наверняка застанешь электрика.

Секретарша съездила на Олькусскую даже два раза, посетила электрика и твёрдо убедилась в том, что дом под номером восемьдесят шесть — чистая фикция. Взволнованная своим открытием, она позвонила подруге:

— Слушай, надо сказать председателю, что этот Вишневский вообще не существует. А если и существует, то не на Олькусской. Я проверила, там вообще нет такого дома.

Весть молниеносно разнеслась по банку и вызвала всеобщее волнение. Благотворитель, как видно, пожелал остаться неизвестным и сообщил ложный адрес. Кое у кого благородный Вишневский вызвал подозрения.

— Может, следует сообщить в милицию? — спросила секретарша начальника валютного отдела.

Начальник задумался.

— Зачем? Никакого преступления тут нет, каждый имеет право передавать в казну государства что пожелает. Может, он не хочет, чтобы знали родственники? Хотя, с другой стороны, вдруг эти деньги добыты нечестным путём? В любом случае действовать надо осторожно и тактично.

Осторожно и тактично сообщили в милицию о странных дарственных. Так, на всякий случай. Милиция, тоже на всякий случай, занялась ими. И обнаружила, что один раз, в самом начале своей благородной деятельности, Вишневский сообщил другой адрес. Мой...

Моя приятельница знала все подробности происходящего, потому что в свою очередь была приятельницей обеих секретарш. Узнав подробности, я решила, что мой адрес Вишневский сообщил по чистой случайности. Вот если бы только не сущий пустяк — коробка из-под вафель кондитерской фабрики «Ольза» и кузен в Чешине...

Подумав, я решила — милиции надо знать об этом. Не потому, что кузен мог оказаться валютным миллионером — смех! Но здесь, несомненно, была какая-то тайна, и её надо разгадать. А всем известно, для милиции каждый пустяк может оказаться важным, и не следует решать самому, какая информация ценная, а какая — пустяк. Что ж, пожалуй, скажу.

Участковый принял информацию с благодарностью, но без особой радости.

— Коробку из-под вафель найдёшь в любом магазине, — сказал он со вздохом. — И вообще во всем этом деле нет состава преступления. Глупое дело...

Я по-прежнему была очень занята, много работала и решила наконец отдохнуть — собрать друзей на бридж, Павел вывихнул ногу, хромотал, и я обещала после бриджа отвезти их с Баськой домой. Закончив игру за полночь, мы все вместе спустились к машине. На ветровом стекле за «дворником» была засунута какая-то бумажка. Я подумала — милицейская квитанция на штраф, и ещё удивилась — за что? Ведь машина стоит на специально для этого предназначенном месте. Развернув бумажку, я прочла: «Рябой ездит в Залесье». Накорябано кривыми каракулями, ни подписи, ни даты, лишь непонятная информация о неизвестном Рябом.

После неприятностей с баллонами такие мелочи уже не могли мне испортить настроения. Я лишь проверила, не испорчены ли стеклоочистители.

Всю дорогу мы ломали голову, что может означать записка, и пришли к выводу: просто ошибка. Нормальное дело, ошибки случаются на каждом шагу.

* * *

А потом позвонила Лялька. Нет, не так. Потом позвонил Гавел. Или Лялька? Ну вот, начинается путаница в хронологии. Конечно же, потом позвонил Гавел, а Лялька звонила намного раньше. Итак, по порядку. Шёл дождь со снегом, зима кончилась, я вообще не заметила, как она прошла, не до неё мне было, столько вокруг странных событий, с которыми у меня ничего общего. Ой, так ли уж ничего?

Моя подруга Лялька позвонила и попросила, чтобы я немедленно отвезла её в Мокотов.

— Моя машина в ремонте, а такси вызвать невозможно! Всех знакомых обзвонила — никого нет дома, и где они бегают в такую погоду? — тараторила она в страшном возбуждении. — Не могу же я его вынести на улицу в такую мразь!

— Кого ты не можешь вынести?

— Да Самсона же! Ради бога, приезжай, меня ждут!

Самсон — это её кот, сиамский, необыкновенной красоты. Но вот зачем тащить этого красавца на улицу в такую мерзкую погоду — никак не могла понять, хотя жутко взволнованная Лялька и пыталась мне что-то толковать о свадьбе.

— погоди, успокойся, я сейчас приеду, хотя ничего не поняла. Зачем тебе на свадьбе обязательно кот?

— Вот непонятливая! Так ведь это не моя свадьба, а его, Самсона! На сегодня я договорилась отвезти его к знакомой кошке, а проклятая машина сломалась, я потеряла бумажку с их адресом и телефоном, а ехать надо обязательно сегодня, о господи боже мой, нет времени на разговоры, умоляю тебя, приезжай немедленно!

Мне передалось волнение Ляльки, и, не требуя больше никаких объяснений, я бросила трубку и в спешке выскочила из дому. Ради кошек я и не на такое способна. Вот только как она найдёт кошкин дом, если потеряла бумажку с адресом?

Хоть адреса не было, но дорогу и дом Лялька помнила. Привыкший к машине Самсон не пожелал сидеть в корзине, вылез и развалился на заднем сиденье, недовольным мяуканьем реагируя на сильные толчки.

— Он не любит, когда резко тормозят, потому что съезжает с сиденья, — объяснила Лялька. — Помедленнее, пожалуйста, сейчас его нельзя нервировать, сама понимаешь.

Трудно было ехать ещё медленнее, я и так еле тащилась из-за погоды, претензии Самсона не имели оснований. Мы легко нашли резиденцию невесты — роскошную виллу на Гощинского.

— Мне ждать окончания свадебного обряда или как? — спросила я. — Ведь надо же отвезти вас обратно.

— Ты с ума сошла — ждать! Меня отвезут хозяева невесты. Она девица, неизвестно, как встретит жениха. Забыла её имя, кажется, Мальвина, а хозяйка — Кася. Или наоборот? Они бы сами приехали за мной, да я потеряла телефон. Ну, спасибо. Вечером позвоню.

Лялька позвонила около полуночи и дала подробный рапорт о Самсоновой свадьбе. Все прошло замечательно, Кася оказалась совершенно очаровательной кошечкой, даже чуть ли не красивее Самсона, они сразу понравились друг другу, а пани Мальвина очень похожа на свою любимицу, такой же дымчато-бежевой масти. Домой их отвёз пан Кароль на своей машине, Самсон хорошо перенёс путешествие и не реагировал, когда машина тормозила. Ему было где развалиться, так как ехали они в «опеле-комби».

«Опель-комби»!

* * *

Часы показывали шесть тридцать. На работу Ляльке было к восьми, так что все равно пора вставать.

— Послушай, какого цвета был «опель-комби», которым пан Кароль отвозил тебя с Самсоном домой? — спросила я без предисловий. — Ну помнишь, тогда, зимой, после женитьбы на Касе?

— Спятила ты, что ли? — хриплым со сна голосом спросила перепуганная Лялька. — Какого это пана Кароля я женила на Касе?

— На Касе ты женила Самсона. Ну, тогда, на Гощинского, вспомни? Домой вас доставили на «опеле-комби». Какого он был цвета?

Лялька постепенно просыпалась.

— Господи боже мой, ты что, никогда не спишь? Откуда мне знать, какого он цвета, если уже стемнело и шёл дождь со снегом? Машина вся была грязью заляпана. На кой черт тебе её цвет? Ненормальная!

— Вспомни, прошу тебя! Может, хоть что-нибудь запомнила? Не злись, тебе все равно на работу.

— На работу, но я могла ещё до семи спать. Погоди, мне вроде что-то вспоминается. Когда он выехал из гаража, остановился под фонарём. Светлый. Что-то яркое. Вроде жёлтый. Да, кажется, жёлтый. А что?

— Ничего. Так просто интересуюсь.

— Ты что? — заорала разъярённая Лялька. — Будишь меня чуть свет, чтобы просто поинтересоваться?!

— Да нет... Ладно, так уж и быть, скажу. Тут, рядом в доме, совершенно преступление, в нем замешан «опель-комби». Так что, сама понимаешь...

Преступление Ляльку вполне удовлетворило, она перестала меня ругать и потребовала подробности. Я выдала ей наскоро придуманные подробности, она с интересом выслушала, а потом вдруг вспомнила:

— Да, знаешь, он, наверное, свой «опель» давно продал.

— Почему ты так думаешь?

— По дороге он сказал, что собирается продать и купить другую машину. Жене цвет не нравится. Или продам, сказал, или перекрашу.

— Так сразу и продаст! Мало ли что жене не нравится!

— Продаст! Насколько я успела заметить, на жене он форменным образом помешан, все для неё сделает. Я у них была ещё раз, когда у Касюни котятки появились. Четырех принесла. Чудо! Их сразу разобрали...

* * *

А теперь все хорошенько обдумать и разложить по полочкам, Лялька малость запутала хронологию непонятных событий. Итак: Лялька с Самсоном, информация о Рябом, Гавел...

Гавел позвонил неожиданно, спросил, покончила ли я со святым Георгием, и заявил, что у него ко мне дело. Через пятнадцать минут он был уже у меня с громадной банкой кофе, так как чай не выносил и на всякий случай подстраховался.

Я заварила кофе, мы сели за стол, и он вдруг начал настраивать меня против Баськи:

— Заводишь какие-то подозрительные знакомства... Послушай меня, будь осторожнее с этой Маковецкой.

Естественно, я потребовала объяснений. Ничего не объясняя толком, он лишь повторял как попугай, чтобы я была с ней осторожней, что это плохое знакомство, что она умная, а я глупая и что это добром не кончится. Все попытки узнать, в чем именно мне следует проявлять осторожность, ни к чему не привели. На вопрос, знаком ли он с Баськой, ответил, что не знаком, однако это отнюдь не уменьшает его глубокой убеждённости, что из-за Баськи мне грозят неприятности. Уходя, повторил ещё раз, что Баська — неподходящее для меня знакомство, следует держаться от неё подальше и быть осторожной.

Пожалуй, я догадывалась о причине такого отношения к моей подруге. Время от времени, когда мы Баське надоедали, она собирала своих прежних дружков, шофёров и механиков, и устраивала с ними вечер встречи в одной из самых подозрительных забегаловок. Причём именно в забегаловке, решительно не желая встречаться в порядочном ресторане — не та атмосфера; по её словам, в ней просыпался некий зов предков и, если не дать ему выхода, жизнь вконец осточертеет. Обычно вечер встречи приносит полное удовлетворение его участникам, а я не вмешивалась в профилактическую Баськину деятельность, считая это личным делом Баськи и её предков. Павел тоже. Увидев, что протесты ни к чему не приводят, он стал рассматривать такие встречи как удобный случай хорошенько выспаться.

Непонятно только, при чем здесь Гавел? И почему мне надо быть осторожной? Естественно, сразу после его ухода я позвонила Баське и потребовала объяснений. Баська сказала, что никакого Гавела не знает, в чем дело — не понимает, а что до забегаловки, то она уже давно там не была и спасибо, что напомнила. То-то Павел будет мне благодарен...

Я чертыхнулась, пожелала Гавелу лопнуть и повесила трубку.

А затем ко мне пришла расстроенная Янка и пожаловалась на Доната. Он стал какой-то странный, вечерами уходит из дому, возвращается совершенно трезвый, ничего не говорит, и больше она этого не вынесет.

— В том, что он ничего не говорит, странностей не вижу, — заметила я. — Было бы странно, если бы он вдруг стал разговорчивым.

— Да он не только сам ничего не говорит, но и не выносит, когда с ним говорят!

Я хотела было сказать, что те же самые симптомы наблюдались у моего мужа перед разводом, но вовремя прикусила язык. Может, у Доната появилась другая женщина? Но об этом я тоже Янке не сказала, она же продолжала анализировать душевное состояние мужа:

— Он как будто все время чем-то расстроен. Или из-за чего-то нервничает. Или чем-то недоволен. Или ещё что-то в этом роде. Нет, я больше не выдержу, он меня в гроб вгонит.

Я предположила, что Донат запутался в какой-нибудь афере.

— Но тогда должна же быть от неё хоть какая польза! Я ещё не слышала, чтобы у аферистов с начала до конца были только неприятности. Да и какую аферу он может проворачивать в своём НИИ пространственного планирования? Пространство крадут, что ли?

Такое предположение мне показалось сомнительным, а поведение Доната обеспокоило. Будь у меня побольше времени, я предложила бы Янке вдвоём организовать за ним слежку, чтобы выяснить, какие у него неприятности. Но времени не было, а мои попытки успокоить Янку ни к чему не привели.

А потом опять появился Гавел. Я поехала в филателистический магазин и хотела оставить машину на стоянке на улице Хожа. Тут я увидела, как с неё выруливает Гавел. При виде меня он затормозил, выскочил из машины и бегом кинулся ко мне.

— Что ты тут делаешь? — с возмущением крикнул он. — Там твой дом горит, а ты себе разъезжаешь по городу?!

На минуту окаменев, я тут же рванула с места и со скоростью пожарной машины помчалась к дому. Гавел не из тех, кто способен на глупые розыгрыши, а в доме у меня все-таки были дорогие моему сердцу вещи. Прodelав путь за рекордное время, я убедилась, что дом стоит себе спокойно и вообще ничего поблизости не горит. В ответ на высказанные по телефону претензии Гавел холодно заявил, что ему так показалось и я ещё должна быть благодарна за заботу. А я вдруг уверилась: врёт, видимо, ему нужно было, чтобы я уехала, вот только зачем — неизвестно.

Просто удивительно, но всем этим странным событиям я не уделила

должного внимания, отметая их в сторону, чтобы не мешали моей главной задаче — космическим лучам. Подсознательно, однако, уже чувствовала, что вот-вот не выдержу. А тут ещё позвонила Баська и слёзно просила разыскать для неё гуцульский узор вышивки со старой подушки моей бабушки, который я когда-то срисовала на миллиметровку. Не подействовали никакие отговорки, и мне пришлось перевернуть вверх дном всю квартиру, чтобы разыскать этот узор. Уже тогда я подумала, что, видно, над космическими лучами тяготеет какое-то проклятие, ведь никогда до этого на моем творческом пути не вставало столько непонятных или совершенно идиотских преград.

Ну а через два дня мой сын запустил вонючку, а потом позвонил светлой памяти покойник Дуткевич...

Вот что вспомнилось мне перед визитом к майору. Но я понимала, что не могу поделиться с ним ни одним из своих воспоминаний, пока сама в них не разберусь, пока сама не выявлю связи между всеми этими странными событиями...

* * *

За утро майор провернул гигантскую работу и теперь знал обо мне абсолютно все: о баллонах, о битве под киоском, о Лёлике и Вишневском. Сколько живу на свете, ещё никто не проявлял ко мне такого интереса. Майор так дотошно изучил меня, что теперь его вопросы, без сомнения, преследовали лишь одну цель: убедиться в моей правдивости. Уверена, ответы на них он знал и без меня.

— Да, вот ещё что, — небрежно бросил он. — Кто такой пан Ракевич? Чем он занимается?

Не зная толком, чем Гавел занимается, я дала расплывчатый ответ:

— Он, знаете ли, деловой человек, я уже говорила. Большие дела делает. А по специальности фармацевт. Кажется, работает на предприятии, где производят на экспорт косметические товары. Но не уверена.

— И это, по-вашему, большие дела?

— Не о том речь. О торговых сделках, которыми пан Ракевич очень гордится. И хвастается передо мной, потому что доверяет. Сомневаюсь, впрочем, надо ли вам о них говорить.

Майор заметил с лёгким укором:

— Я не занимаюсь хозяйственными преступлениями, я расследую убийство. И меня интересуют все причастные к нему лица. И пожалуйста,

не пытайтесь меня убедить, что вы лучше знаете, кто причастен, а кто нет.

Я обиделась.

— И не собираюсь! Возможно, с виду я полная идиотка, но вы ведь знаете, внешность иногда обманчива! Что же касается пана Ракевича, то, насколько я его знаю...

— Уточните, насколько именно. И сколько времени?

— Ну, знаю, и все тут. Что значит «насколько»? Знакомы много лет, а встречаемся по-разному-то каждый день, то раз в два года. Знаю, где он живёт, но не знаю, чем занимается. В одном лишь уверена твёрдо: в его делах все чисто, ничего незаконного. Уж об этом он заботится особенно.

— А почему особенно?

— Потому что любит путешествовать. И значит, должен быть чист как стёклышко, иначе не получит загранпаспорта. Мне он многое порассказал в приступе откровенности, боюсь, не повредить бы ему. Очень не хочется.

— Все-таки когда вы с ним познакомились?

— О, ещё в довоенные годы. Правда, тогда я была девчонкой, он старше меня лет на десять. Его родители были знакомы с моими. Через несколько лет после войны мы случайно встретились — и вот время от времени видимся.

Майор закурил сигарету и, откинувшись, принялся задумчиво раскачиваться на задних ножках стула. Вперёд-назад, вперёд-назад. Ну, точь-в-точь как мои сыновья, которые таким образом вывели из строя два стула у мамы и три в собственном доме. Тут же за разрушением чужой мебели я наблюдала с искренним удовольствием.

Майор размышлял, уставившись куда-то в пространство за мной. Наконец очнулся.

— Покойный знал его. Знал также и Барбару Маковецкую. А они знакомы? Пани Маковецкая и пан Ракевич?

Я и сама уже думала над этим. Ведь не случайно же Гавел ябедничал на Баську, предупреждал, что у меня будут из-за неё неприятности. Как в воду глядел! Неужели знал, что Дуткевича прикончат, а Баська даст покойному номер моего телефона? Ясновидец он, что ли? Может, Гавел предвидел и то, что покойный позвонит мне за минуту до смерти? Смешно говорить майору о таком, но обманывать милицию я тоже не хотела, поэтому, взвешивая каждое слово, сказала все-таки правду:

— Не знаю. И не скрою от вас, пан майор, Маковецкую я прямо спросила об этом. Ответила, что не знает. Я же хорошо помню, как сама ей его показала. На улице. Издалека.

Майор перестал ломать мебель и взгляд из пространства перевёл на

меня.

— Давайте говорить откровенно. Вы наверняка и сами догадались — сейчас меня интересуют все связи, все контакты людей из вашего окружения. Что вам известно о них? Кто из ваших знакомых поддерживает связь друг с другом и знакомы ли они между собой? Например, знает ли Ракевич Рокоша? Знает ли Рокош Маковецкую? Знает ли Тарчинский Ракевича?

Вот уж не ожидала! Майор явно переоценил мою сообразительность.

— Ничего не понимаю! Ведь не меня же убили, а Дуткевича! Я вот она, перед вами, пан майор! Живёхонькая! При чем тут мои знакомые?

Взгляд майора стал загадочным и непроницаемым.

— Все говорит о том, что именно вы — центральный пункт афёры. Как вы сами этого не понимаете? Ну, подумайте хорошенько. Ведь вы неоднократно утверждали, что милицию любите...

— Люблю!

— Вот и прекрасно! Раз любите, помогите следствию.

Уходила я из Управления милиции в состоянии полной прострации, получив задание составить список всех моих знакомых — и ближних, и дальних, — а также пометить, кто из них с кем знает. Интересно, как это сделать? Пронумеровать их, что ли? А может, лучше разметить цветными карандашами, а стрелочки провести фломастером? Оригинальные все-таки методы расследования применяет майор.

В голове у меня был полнейший сумбур. И ещё я с грустью подумала, что расстанусь с моими физиками надолго, ибо придётся заняться совсем другой деятельностью. Сама разберусь, что кроется за всеми событиями, кто из моих знакомых и почему связан с ними. А то ненароком подведу кого-нибудь...

* * *

Составив и вручив майору требуемый список, я собиралась немедленно кинуться в разведку, но тут из Копенгагена позвонила Алиция, чтобы узнать, как готовят утку по-пакистански, о которой я ей с восторгом когда-то рассказывала.

Странно, ведь утку меня научили готовить у Эвы, а Эва была, можно сказать, у Алиции под носом, в Роскилле. Узнав это, Алиция обрадовалась и кончила разговор.

Часа через два Алиция позвонила снова. Эва не знала. Она видела, как

я записывала рецепт, и сама не стала записывать — сочла это достаточным, а помнит лишь, что для приготовления данного блюда требуется множество ингредиентов, из которых теперь ручается только за утку. Пришлось мне вытащить старый блокнот и продиктовать рецепт, после чего я посоветовала ей приготовить лучше говядину по-пакистански — эффект тот же, а намного проще. А потом спросила, зачем ей вообще это нужно. В ответ Алиция нервно расхохоталась.

— Я должна отметить юбилей. Десятая годовщина моего приезда в Данию и работы в нашей конторе. К тому же мне повысили зарплату. Будут все родственники мужа, коллеги по работе, ну и здешние поляки. Нет, не вся эмиграция, только знакомая. Нет, это безнадежно, отвертеться никак нельзя.

Услышав такое, я с ещё большим жаром стала настаивать на говядине. Мы с ней обсудили меню, я обещала выслать посылкой московский борщ и спиртное.

— Только прошу тебя, не отправляй больше чем по одной бутылке, — попросила Алиция. — Лучше сделай несколько посылок и в каждую по пол-литра, хоть одна проскочит без пошлины. А то здешние мерзавцы меня уже запомнили и проверяют каждую посылку, специально за ними охотятся. Представляешь, выучили наизусть названия всех польских водок!

Мне пришла в голову гениальная идея.

— А ты мне скажи, как по-датски малиновый сироп. Я напишу на бутылке и в декларации, у нас никто не поймёт, а у вас, как всегда, поверят написанному. Может, и проскочит.

Алиция пришла в восторг и продиктовала, что требовалось. Мы расстались.

Тут же позвонила взволнованная Зося и спросила, умею ли я готовить рольмопсы.

— Конечно, умею, — ответила я, удивлённая сходством катаклизмов. — А у тебя что, тоже юбилей?

— А, ты уже знаешь! — обрадовалась Зося. — Ну да, все дело в её дурацком юбилее. Вот я и хочу выслать Алиции рольмопсы, а то она там загнётся с готовкой. Знаешь, она ведь ещё собирается делать вареники с капустой!

— Успокойся, не сделает, у них капусты нет.

— Есть! Позавчера в Данию выехала делегация Аре Полоны, так Анита отправила с ними четыре килограмма квашеной капусты. А грибы у неё ещё с осени остались.

Я тоже встревожилась и расстроилась из-за Алиции, представив

подругу в эпицентре кухонного циклона. Тем более что она никогда не проявляла способностей в области стряпни.

— Вот я и подумала, — продолжала Зося. — Вышлю ей хоть рольмопсы — уже легче, не надо думать о закуске. Даже здорово получится. Польский фольклор обеспечен: рольмопсы, вареники...

— ...борщок, — дополнила я, — а главным блюдом будет мясо пакистански. Может, меню составлено и не очень удачно, зато экзотично. Датчане подумают, что так принято у поляков, поляки же набросятся на селёдку и забудут про все остальное. Ты права, гони рольмопсы!

— Легко сказать, я же не умею их делать! Потому и звоню тебе. Помогии, а? Я куплю селёдку, очищу, замочу, а потом вместе сделаем, ладно? Они ведь могут лежать?

— В маринаде, конечно, могут. А успеет ли Алиция их получить? Я не спросила, когда торжество.

— Через три недели. Времени у нас немного. Я завтра же куплю селёдку.

Даже ради лучшей подруги я не стала предлагать свою помощь по очистке селёдки. О нет! И ограничилась лишь инструктажем по изготовлению гвоздя Алициного юбилея: селёдку очистить от костей, нарезать на тонкие длинные полоски и вымачивать сорок восемь часов, причём половину этого срока — в воде, а вторую половину — в молоке. Но тут я вспомнила, что в список для майора не внесла кое-кого из знакомых, и переключилась на другое.

* * *

Через пять дней в хвост очереди на главпочтамте пристроился один из Зосиных знакомых, некто Соколовский. Зося узнала, что он собирается отправить в Швецию коробку шоколадных конфет, и, воспользовавшись случаем, попросила его заодно отправить в Данию и наши рольмопсы.

Рольмопсов получилось ровно семь килограммов. По нашим с Зосей подсчётам, именно такое количество могло спасти Алицию. Ведь мы как рассуждали: если их будет меньше, то одно из двух — или Алиция сразу же все слопает сама и будет страдать от угрызений совести, или воздержится и тоже будет страдать. Семи же килограммов за столь короткое время ей ни в жизнь не слопать, пусть себе пробует сколько хочет, гостям ещё останется.

Семь кэгэ селёдки в плотно закрытой металлической банке представляли слишком большую тяжесть для женщины, поэтому ею

обременили пана Соколовского, который, без всякого сомнения, был мужчиной и которому ведь все равно отправлять посылку, так что какая разница — одну или две.

Так получилось, что в тот день пану Соколовскому жутко не везло. Вышло из строя колесо машины, в запасном испортился вентиль, машину с женой пан Соколовский оставил в мастерской, договорившись встретиться в городе, а сам помчался к зубному врачу. Потом Зося вручила ему рольмопсы, с женой он почему-то разминулся, такси поймать не мог, опоздал в прачечную, оставшуюся часть трассы одолел с помощью нескольких видов городского транспорта и когда, наконец, пристроился в хвосте очереди на главпочтамте и поставил на пол тяжеленную банку с рольмопсами, почувствовал, как все его существо протестует против маринадов.

Теперь можно было отдохнуть и оглядеться. Пан Соколовский обратил внимание на стоящего перед ним в очереди молодого человека, который небрежно держал под мышкой огромную посылку. «Надо же, громадная, а какая лёгкая», — с завистью подумал пан Соколовский, травмированный тяжестью рольмопсов. Истекая потом, проклиная все на свете — Зося, Алицию, селёдку, колесо и того, кто придумал почту, — пан Соколовский невольно заинтересовался содержимым лёгкой посылки.

Подошла очередь молодого человека. Он, оказывается, отправлял дамастовое пуховое одеяло небольших размеров. Пан Соколовский подглядел, что в таможенной декларации было написано «детское одеяло из пуха», и подумал: жаль, у Алиции нет детей, может, она не устраивала бы тогда юбилеев.

Одеяльце взвесили, насчитали пошлину, запаковали и бросили в тележку с другими посылками. Молодой человек удалился.

Настала очередь рольмопсов.

— А банка закрыта герметически? — спросила таможенница, ознакомившись с декларацией.

— Герметически, а как же! — поспешил заверить пан Соколовский, которому стало плохо при мысли, что придётся тащить этот балласт Зосе обратно. Он не задумываясь поклялся бы, что банка — монолит из пуленепробиваемой стали. — Если желаете, для гарантии перевяжу её ещё верёвкой.

— Перевяжите, — согласилась таможенница и перестала интересоваться подозрительной банкой, по опыту зная, что забота отправителей о своих посылках ни в какое сравнение не идёт со стараниями даже самых добросовестных почтовых работников.

Банку с рольмопсами перевязали верёвкой, завернули в бумагу, ещё перевязали, стукнули несколько раз штемпелем и тоже бросили в тележку. Дело было в конце рабочего дня, отдел заграничных отправлений закрывался, и последней партии посылок предстояло переночевать на почте. Отправить их собирались лишь на следующее утро.

Между вечером и утром была ещё ночь. Небрежно брошенная на кучу посылок, банка с рольмопсами ударилась боком о ящичек со спиртным. Спиртное не пострадало, у банки же от удара сдвинулась крышка, которая вопреки мнению пана Соколовского все-таки не представляла единого целого с банкой. Немного сдвинулась, совсем капельку...

Утром в помещение первой вошла заведующая отделом заграничных отправлений в сопровождении охранника, и оба сразу же почувствовали странный запах. Запах был острый и какой-то очень знакомый. Оба, как по команде, одновременно потянули носом воздух.

— Воняет чем-то, — констатировал охранник.

— Господи боже мой! — произнесла заведующая, побледнев. — Не иначе, что-то разбилось! И чего только люди не отправляют!

Подойдя к тележке с посылками, она увидела страшную вещь: из посылки, лежащей на самом верху, что-то текло. Пахло остро, пронзительно и аппетитно.

— Помереть мне на этом месте — селёдка! — уверенно определил охранник.

Отдел заграничных отправлений охватила паника. Будь испорчена одна посылка — куда ни шло. Выплатить одну компенсацию, извиниться перед одним человеком — невелика беда. Но ведь здесь катаклизм, катастрофа, кошмар! Пострадала не одна посылка, а, быть может, все лежащие под ней. В посылках же — дорогие ткани, шерсть, ценные предметы одежды, дорогостоящие продукты, сладости. При мысли о сумме, в которую обойдётся выплата компенсаций, у сотрудников отдела волосы встали дыбом.

Заведующая, взяв в помощь двух сотрудниц, рыдая и проклиная разными словами отправителей, которые черт-те что посылают, занялась подсчётом ущерба.

После двух часов тяжкой работы она немного успокоилась: не так все плохо, главпочтамту банкротство пока не грозит. Большинство посылок содержало или алкогольные напитки, совершенно не пострадавшие от селёдки, или льняное постельное бельё, которое и так часто стирается. Безднадёжно испорчены были только две посылки: залитое рольмопсовым маринадом детское пуховое одеяльце и бандероль с книгами, не

представляющими, к счастью, библиографической ценности. Ещё некоторое сомнение вызвала, правда, сухая колбаса, издающая теперь крепкий селёдочный запах.

Подумав, заведующая и её подчинённые пришли к выводу, что селёдка колбасе не помеха, а селёдочный запах, может, даже повышает вкусовые качества колбасы.

Оставалось составить официальный протокол и написать извещения пострадавшим отправителям. Протокол заведующая писала лично, ей помогала контролёрша.

— А вот поваренной книги нам ни в жизнь не найти, — мрачно бубнила контролёрша. — Она в магазинах расходуется вмиг. Что теперь делать?

Заведующая отложила ручку и ещё раз осмотрела подмокшую книгу.

— В конце концов, прочитать можно, — сказала она. — Оставим, пусть отправитель сам решает, пошлёт такую или вообще никакой. Что там дальше?

Контролёрша с лёгким отвращением взяла двумя пальцами следующий мокрый предмет и объявила:

— Пуховое одеяльце. Никуда не годится.

— Подождите, не могу же я написать в официальном документе «никуда не годится». Надо сформулировать как следует. Что за ткань на одеяле?

— Дамаст.

— Так. «Детское одеяло из дамаста...» Нет, нехорошо. «Одеяло детское. Негодность 100%. Дамастовое покрытие промокло насквозь, все в подтёках и...» И как, написать, что воняет?

— Ещё как воняет!

— Но так же писать нельзя. «Издаёт запах»? Тоже не то.

— Пропиталось селёдочным запахом, — подумав, предложила формулировку контролёрша.

— Очень хорошо. «Пропиталось селёдочным запахом». Дальше. «Пух...» А почему вы думаете, что там пух?

— Так в декларации же написано.

— Написать можно что угодно. Надо проверить. Опять же пух разный бывает — гусиный, утиный, может быть пополам с шерстью, а может оказаться не пухом вовсе, а пером. А нам выплачивать компенсацию. Проверьте!

— Как же я проверю? Внутрь ведь не заглянешь.

— А вы разрежьте, все равно вещь испорчена.

Взяв ножницы, контролёрша с усилием разрезала мокрый дамаст, засунула руку внутрь и вытащила из одеяльца горсть содержимого.

— Пух, — сказала она, разжав ладонь. — Только вроде ещё с чем-то. Может, и правда с шерстью?

Она опять сунула руку под дамастовое покрытие, вытащила ещё одну горсть пуха, и вдруг брови её удивлённо поползли вверх.

— А это что? Пух с бумагой, что ли?

Заведующая наблюдала за её действиями с растущим беспокойством. Из глубин одеяльца контролёрша извлекла большой ком мокрого пуха, в котором виднелось несколько длинных зелёных бумажек, очистила одну из них от налипшего пуха и...

— Пресвятая Богородица! — сдавленным голосом произнесла заведующая.

Несколько минут обе, не шевелясь, с ужасом вглядывались в зеленые банкноты. Первой опомнилась заведующая. Она вскочила, перевернув стул, и крикнула душераздирающим голосом:

— Ничего не трогать! Ни к чему не прикасаться! Милицию! Свидетелей! Директора!

В присутствии комиссии, составленной из представителей почтовой, таможенной и милицейской служб, пуховое одеяльце с оригинальной начинкой было торжественно разрезано на мелкие кусочки. Выяснилось, что начинка состояла из пятидесяти шести стодолларовых купюр, издававших резкий селёдочный запах.

— Неплохо! — одобрительно заметил поручик Вильчевский, услышав о сумме в пять тысяч шестьсот долларов. — Кто же отправитель?

В таможенной декларации и в адресе на посылке отправителем значился некий Иероним Колодзей, проживающий по адресу: Варшава, улица Дольная, дом номер тридцать четыре. Адрес был написан чётко, шариковой ручкой, кривоватыми печатными буквами.

При внимательном изучении останков бесценного одеяльца было обнаружено, что один из швов дамастового покрытия распарывался и сшивался вновь вручную, причём старательно имитировалась машинная строчка.

Этот факт автоматически исключал из числа подозреваемых изготовителя и избавлял милицию от трудоёмкой и наверняка напрасной работы по его выявлению.

— Теоретически одеяло могли фаршировать валютой прямо в мастерской, а шов распороть потом специально, чтобы на них не подумали, — рассуждал поручик. — Лично я в это не верю. Не будем

терять времени. Малиняк, а ну-ка, быстренько слетайте к Колодзею. Может, сегодня все и выясним.

Сержант Малиняк слетал и, вернувшись, мрачно доложил:

— На улице Дольная в доме номер тридцать четыре размещается санаторий для нервнобольных. Нет там никакого Колодзая. И никогда не было. И ни одного Иеронима — ни среди больных, ни среди медицинского персонала. Никто из них в последнее время никаких посылок не отправлял, а на вчерашний вечер у всех алиби.

— Адресат! — бросил поручик.

Адресатом значился некий Улаф Бьёрнсон, проживающий по адресу: Стокгольм, Нюторстаген, 19/111.

Поручик больше не высказывал оптимистических прогнозов. Лицо сидящего рядом с ним представителя таможенной службы выражало простодушное удовлетворение от того, что не он милиционер.

Допросили весь персонал вчерашней смены главпочтамта. Никто не помнил человека, отправлявшего одеяльце, лишь одна сотрудница твёрдо стояла на том, что им был мужчина. К сожалению, никаких его примет она не запомнила. Зато все очень хорошо запомнили человека с рольмопсами — и оператор, и кассирша, и таможенница, и упаковщики. Из-за него остальные клиенты прошли незамеченными. Мрачный сержант Малиняк очень тонко подметил:

— Явится такой, устроит тарарам, из-за него все на свете забудешь.

Отдав должное проницательности сержанта, поручик Вильчевский решил побеседовать с подозрительным отправителем рольмопсов, ибо тот мог оказаться сообщником валютчиков. Следовало поскорее его разыскать.

По документам отправителем рольмопсов была женщина, но все в один голос утверждали, что на самом деле отправлял их мужчина. Таможенница легко вспомнила, что вместе с селёдкой тот человек высылал ещё одну посылку, а именно коробку шоколадных конфет. А поскольку отправление одной-единственной коробки конфет было явлением довольно редким, оно не только осталось в памяти таможенницы, но и позволило без труда установить личность и адрес отправителя, пана Соколовского.

Узнав фамилии Зоси и пана Соколовского, поручик разыскал в телефонной книге номера их телефонов и лично позвонил. Удивлённые и обеспокоенные, они согласились немедленно прибыть на главпочтамт.

Пока они ехали, поручик, не теряя времени даром, распорядился поднять всю доступную документацию по таможенным декларациям и выявить те их них, где зафиксированы: Иероним Колодзей (отправитель) и Улаф Бьёрнсон (получатель), а также все выехавшие из ПНР за последнее

время подушки, перины, стёганные одеяла и прочие мягкие предметы. Легко понять, с каким восторгом персонал главпочтамта засел за такую адову работу. Поручик же занялся свидетелями.

— Черт бы побрал эту селёдку! — уныло жаловался пан Соколовский. — Мало того, что я тащил её через весь город, настоялся с ней в очереди, теперь ещё, кажется, милиция в чем-то меня подозревает.

На каверзные вопросы поручика пан Соколовский отвечал чистосердечно и охотно, дал совершенно правдивое описание одеяльца и вселил надежду в сердце сотрудника милиции.

— Ну а теперь расскажите нам, как выглядел человек, выславший одеяло. Пожалуйста, подумайте хорошенько и вспомните его приметы.

— Худой, — не задумываясь, информировал пак Соколовский. — Это я точно помню. Меня ещё удивило, как такойдох... извините, совсем не атлет легко поднимает такую большую посылку. Это я только потом увидел, что в ней.

— Его возраст?

— Молодой.

— Поточней, пожалуйста. Сколько лет вы бы ему дали?

— Ну, двадцать шесть, двадцать семь...

— Цвет волос? Причёска? Одежда?

— Мне очень жаль, но все обыкновенное, поэтому и не запомнилось. Ничего такого, что бросается в глаза. Без головного убора, волосы тёмные, не короткие и не длинные, такие, знаете ли, средние. Одет нормально, прилично одет, тоже ничего примечательного. Обуви не помню. Лица его не видел, он стоял в очереди впереди меня, так что я его видел лишь со спины.

Пан Соколовский честно старался вспомнить как можно больше, это было заметно, и поручик понял, что больше из него не выжать. Надежда померкла.

— А вы бы его опознали? — на всякий случай поинтересовался он.

— Сзади точно узнаю. Особенно если он будет держать под мышкой посылку с одеялом.

Зося в качестве свидетеля фигурировать не могла, ибо на почте вчера не присутствовала. Фигурировала она как отправитель рольмопсов. Если главпочтамт и намеревался предъявить ей претензии, то быстро распрощался с этой мыслью, став свидетелем поистине яростной реакции на весть о катастрофе. С поразительной в её состоянии объективностью Зося не сваливала всю вину за случившееся только на пана Соколовского, а лишь громко и выразительно высказала своё мнение о мужчинах как

таковых. Пан Соколовский с пониманием воспринял незаслуженные наветы, ибо знал Алицию и тоже считал совершенно ужасным лишать её лакомого блюда.

Дотошный поручик решил проверить обстоятельства, в силу которых селёдку отправлял пан Соколовский, а не Зося. Пережив шок и выкричавшись, Зося смогла удовлетворить его любопытство, давая ясные, логичные и исчерпывающие объяснения о юбилее, каторжной работе по изготовлению рольмопсов, неженской тяжести банки с ними, снова присовокупив своё мнение о мужчинах вообще. Потом с почты позвонила мне.

— Слушай, все пропало! — кричала она в трубку голосом, ещё полным ярости. — Зачем только я этим занялась, не иначе, спятила на старости лет! И вообще, что за идиотизм устраивать юбилей! Да и ты хороша, не могла остановить меня!

Мне с трудом удалось вклиниться в поток её нареканий.

— Да что случилось?

— Плакали наши рольмопсы! Проклятая банка открылась, и все вылилось! Столько работы псу под хвост! Как вспомню гору перечищенной селёдки...

Я опять прервала её, потребовав рассказать обо всем подробно и по порядку, ибо уже видела в своём воображении, как банка выскальзывает из Зосиных рук и несчастные рольмопсы, плод наших тяжких трудов, вываливаются на мостовую. У меня даже сердце замерло. Услышав описание катастрофы, я вздохнула с облегчением.

— Не расстраивайся! Ничего страшного не произошло. Вылился только маринад, а рольмопсы не пострадали. Зальём их по новой и дело с концом. Только банку надо закрыть покрепче.

— Ты думаешь, их можно спасти? — оживилась Зося.

— Конечно, это просто, главное — поскорее.

— Значит, мне их забрать отсюда домой, залить маринадом и...

— ...и сразу же выслать. Ещё сегодня.

— Стефан как раз на машине. Значит, я их забираю, он нас отвозит домой, а ты через полчаса приедешь...

— ...и по дороге куплю уксус. А потом вместе и отправим посылку. Кстати, раз ты ещё на почтамте, сразу займи очередь.

Таким вот образом через полчаса я уже во всех подробностях знала о случившемся. Застав у Зоси пана Соколовского, услышала от него рассказ о стоянии в очереди и отправке злосчастной посылки. И о том, как уже позднее, давая показания, Стефан увидел в соседней комнате странные

ошмётки, в которых с трудом узнал одеяльце. И как в ходе допроса понял, что одеяльце содержало какой-то недозволенный товар. И даже догадался какой.

Готовя к новому отправлению банку с рольмопсами, мы с Зосей оживлённо комментировали происшедшее, а затем поехали на почту.

Хотя сотрудники отдела заграничных отправлений возненавидели все на свете маринады, они не осмелились отказать Зосе в приёме посылки, памятуя о её взрывном характере. И с рольмопсами тоже обошлись как с динамитом, осторожно передавая груз из рук в руки и бережно укладывая его на тележку. Украшенные со всех сторон красными наклейками с надписью «ОСТОРОЖНО!!!», «НЕ КАНТОВАТЬ!!!», рольмопсы ближайшим самолётом улетели в Копенгаген и были доставлены Алиции в рекордно короткий срок, ибо весть о селёдочной катастрофе распространилась с быстротой молнии и сотрудники почтовых отделений старались поскорей избавиться от этого свинства.

* * *

Розыск, предпринятый поручиком Вильчевским, дал интересные результаты. Были выявлены: ещё один Иероним Колодзей, тоже якобы пребывающий в санатории для нервнобольных, ещё один Улаф Бьёрнсон, а также сорок восемь одеял, перин и подушек. «Если в каждой отправлялось по пять тысяч, то улетело четверть миллиона долларов!» — прикинул поручик и пришёл в ужас.

В декларации, заполненной Иеронимом Колодзеем, значилось, что он выслал три подушки-думки с национальным орнаментом. Оставалось ещё сорок пять отправителей. Выписав их фамилии и адреса, поручик организовал проверку и через два дня сделал страшное открытие: только семнадцать адресатов из сорока пяти существовали в действительности и проживали где положено, остальные оказались фикцией, выдумкой, фантомом! Полчища фантомов отправляли одеяла, подушки и перины в Норвегию и Швецию по разным адресам. Дважды повторялся один лишь Улаф Бьёрнсон.

Сделав соответствующие выводы, поручик без труда убедил начальство, что масштабы аферы, на след которой он напал, заслуживают особого внимания. Одобрено было его решение поднять документацию по мягким постельным принадлежностям во всех почтамтах страны, отправляющих посылки за границу. Одобрено было его решение

ознакомиться поближе с реально существующими семнадцатью отправителями упомянутых принадлежностей. Одобрено было решение запросить письмом — с помощью переводчика — Улафа Бьёрнсона, кто в ПНР снабжает его изделиями из пуха и кто в Швеции ими пользуется. При этом руководствовались соображением, что любой ответ господина Бьёрнсона, независимо от степени правдивости, даст пищу для размышлений. Письмо было написано якобы от имени почтовой администрации с туманной ссылкой на необходимость уточнения некоторых вопросов административно-финансового порядка.

Изучение почтовой документации в других городах позволило выявить ещё одну посылку на имя Улафа Бьёрнсона и пятьдесят четыре фиктивных отправителя уже не только мягких постельных принадлежностей, но также и детских игрушек, в основном кукол и одного медведя весом в два с половиной килограмма. Медведь улетел из Лодзи. Это какая же астрономическая сумма долларов могла в нем поместиться!

Поручик опять вызвал переводчика и попросил написать письма всем скандинавским адресатам. Большинство из них фигурировали в качестве адресатов дважды, а Улаф Бьёрнсон из Швеции и Юхан Гасмиа из Норвегии — трижды. Не будь я посторонним лицом и имей возможность увидеть в этом списке Юхана Гасмиа, дело было бы распутано за три дня...

Проверили семнадцать реально существующих отправителей. Все они оказались людьми честными и ни на первый, ни на второй взгляд не вызывали никаких подозрений. В ходе проверки на почте задержали двух граждан, посылающих за границу подушки. Подушки тут же распотрошили, ничего, кроме пуха и перьев, не обнаружив. Присмотревшись к фиктивным отправителям никто из почтовых работников не помнил. По фиктивным адресам размещались всякие солидные учреждения, один раз даже отделение милиции.

От Улафа Бьёрнсона в самом непродолжительном времени пришёл ответ. Он писал (по-шведски, разумеется), что получил из Польши две посылки. Одну от совершенно неизвестного ему Иеронима Колодзеля, вторую от тоже незнакомой ему Марии Ковальской. Как только он получил посылки, ему позвонил тоже незнакомый Йене Йенсен и, тысячу раз извинившись, сообщил, что польские друзья ошибочно выслали его посылку на адрес господина Бьёрнсона, о чем ему, Йенсену, сообщили по телефону, и теперь он просит переслать эту посылку ему на почту, до востребования. И второй раз получилось то же самое, господин Йенсен ещё больше извинялся, он, Улаф Бьёрнсон, отправил и вторую посылку, расходы ему возместили, а больше он ничего не знает. И господина

Йенсена не знает, в глаза его никогда не видел, почему перепутали адрес — понятия не имеет. На всякий случай прилагает к письму фотокопии обеих почтовых квитанций и заверяет в своём искреннем уважении.

Через какое-то время были получены ответы и на другие письма. Разными словами в них говорилось, по сути, одно и то же: приходила посылка из ПНР от незнакомых людей, по телефону звонил законный владелец, извинялся за ошибку и просил полученное переслать ему на почтамт, до востребования. Законные владельцы фигурировали под тремя фамилиями: Йене Йенсен, Йене Хансен и Ханс Юханнсон. Никто из адресатов их не знал и никогда не видел.

Таких писем от скандинавов пришло тридцать пять штук, поручик перечитал их по несколько раз и пал духом. Вряд ли все тридцать пять человек, к тому же в законопослушной Скандинавии, сговорились и дружно лгали ему. Скорее всего, они сообщали правду, и в таком случае напрашивался вывод: милиция напала на след крупной контрабандной афёры, нити которой держал в руках таинственный Йенсен-Хансен-Юханнсон, черт его знает — один это человек или трое. Скорее всего, за тремя фамилиями скрывается одно лицо, считал поручик. Он стал намекать своему руководству, что для пользы дела ему не мешало бы съездить в служебную командировку в Швецию, но начальство его намёков не понимало.

Не очень надеясь на удачу, поручик тем не менее разослал в другие отделы Главного управления милиции списки лиц, так или иначе причастных к долларовой афёре. В списках были и Зося, и Соколовский, и я, поскольку помогала Зосе в приготовлении рольмопсов.

Один из списков попал к майору Фертнеру. Увидев в нем мою фамилию, — опять эта Хмелевская! — майор глубоко задумался.

* * *

Своё собственное расследование я решила начать с пана Кароля, хозяина очаровательной Каси и владельца «опеля-комби». Да и выбора-то у меня особенного не было, пан Кароль представлялся мне единственным реальным исходным пунктом. Узнав от Ляльки, что его фамилия Верблюд, я собиралась на следующий день порасспрашивать о нем в Транспортном управлении города Варшавы, но вечером позвонила Лялька и, смеясь, извинилась:

— Прости, пожалуйста, я перепугала животных. Знаю, что горбатое, а

вот теперь точно вспомнила. Его фамилия не Верблюд, а Дромадер. Хотя это одно и то же, правда? Никакой разницы.

— Разница есть, — укоризненно поправила я. — В количестве горбов. Спасибо, что вспомнила. Представляю, как бы потешались завтра надо мной в Транспортном управлении! А больше ты ничего не вспомнила?

— Вспомнила. Представь себе, их недавно обокрали.

К этому сообщению я проявила повышенный интерес, ибо кражи были составной частью моего задания.

— А что у них украли? Случайно не доллары?

— Как, ты уже знаешь? Откуда?

— У всех крадут доллары. А вот откуда знаешь ты?

— От свекрови. Она мне сообщила под большим секретом. Как какая свекровь? Могла бы и догадаться. Если мы поженили наших детей, то кем она мне доводится? Свекровью, правда?

Тут я сообразила, что Лялька говорила о своём Самсоне, Касе и жене пана Кароля.

— Это ты приходишься свекровью Касе, — поправила я. — Свекровь — это мать мужа. А мать жены — тёща. Значит, тебе сказала тёща Самсона.

Покладистая Лялька охотно согласилась быть свекровью и в подробностях пересказала то, что узнала от тёщи Самсона.

Кроме виллы, красавицы жены и красавицы кошки у пана Кароля были две машины, постоянная домработница и неизвестного происхождения огромные суммы в отечественных и конвертируемых дензнаках. Богатство своё он держал дома, будучи, в отличие от Ленарчиков, твёрдо убеждён, что от воров нужно и можно защищаться. Средства защиты он применял надёжные: несколько хитрых замков во входных дверях, сигнальная установка, звуковая сигнализация и скрытый за книжными полками кабинета сейф, отпираемый с помощью сложного шифра.

Охране имущества был подчинён и распорядок домашней жизни. Пан Кароль категорически требовал обязательного присутствия в доме как минимум одного человека, справедливо рассуждая, что звуковая сигнализация лишь тогда имеет смысл, когда есть кому этот сигнал услышать. Его жена Мальвина вставала очень поздно, и домработница могла употребить утренние часы для хождения по магазинам или поездки на рынок, для чего пользовалась второй машиной (водительские права у неё были), а потом уже целый день не выходила из дому, разве что в садик. Садик, окружённый сеткой, представлял собой чудесный газон, который украшало несколько серебристых елей и с десятков розовых кустов. Когда-

то у самого дома росло высокое дерево, но осторожный пан Кароль велел его спилить, тем самым лишив злоумышленников возможности пробраться в дом через крышу. В общем, не дом, а настоящая крепость.

Единственным недостатком оборонительной системы было отсутствие злой собаки. Её не заводили из-за Каси. Кася являлась предметом обожания и смыслом жизни пани Мальвины, которая в свою очередь являлась таковым для пана Кароля. Кася и Мальвина были очень похожи друг на друга, те же лазоревые прозрачные очи, та же дымчатая, розово-бежевая масть, та же мягкая, вкрадчивая грация движений. Разумеется, хозяин больше любил жену, к кошкам же относился равнодушно, но стараниями пани Мальвины уверился в том, что Кася является как бы составной частью обожаемой жены. Наверняка ни одна священная египетская кошка не почиталась так, как голубоглазая, донельзя избалованная Кася.

Ради Касиного спокойствия пришлось отказаться от собаки, ибо при виде даже самого крошечного щенка Кася закатывала истерику и теряла аппетит. Наличие врагов допускалось лишь за оградой газона.

Недели через две после того, как разобрали Касиных деток, пани Мальвина решила развлечь свою любимицу, хотя кошка уже явно забыла об утрате, и потребовала у мужа вывезти их на природу. Пан Кароль, разумеется, подчинился желанию жены.

Кася была животным настолько домашним, что ходить умела лишь по коврам и паркету да ещё, пожалуй, по каменным, нагретым солнцем плитам террасы. Когда её выносили в садик и ставили на травку, она совершенно теряла голову от страха, прижималась к земле и, шаркая брюхом по траве, ползла к дому, хрипло мяукая. Взъерошенную, с диким взглядом, её приносили домой, она забивалась в угол за диванную подушку и несколько дней отсыпалась после нервного потрясения. В машине же чувствовала себя как дома и путешествия любила.

Пан Кароль вывез своих подопечных в лес под Повсином. Все было хорошо, пока хозяйка держала кошку на руках. Будучи в то утро в весёлом настроении, пани Мальвина решила узнать, умеет ли её любимица лазать по деревьям. Выбрав на полянке высокую толстую сосну, она осторожно отцепила Касины коготки от своего свитера и поставила кошку у подножия дерева.

Что испытала кошка, первый раз в жизни коснувшаяся шершавой коры дерева, — неизвестно. Обиделась ли она на то, что её выпустили из объятий и поставили на грязную землю, или в ней пробудился инстинкт её далёких предков, но не успела пани Мальвина опомниться, как буквально за секунду кошка оказалась наверху, на недостижимой с земли высоте. И с

поразительной ловкостью и прытью продолжала взбираться ещё выше.

Пани Мальвина была в восторге. Её муж наслаждался видом двух принадлежащих ему очаровательных созданий — одного на дереве, второго под деревом. Кася выбрала довольно толстую ветку, отходящую от ствола под прямым углом, и грациозно вскарабкалась по ней до самого конца. Теперь она оказалась над головами своих хозяев. Ветка слегка качнулась от ветра, и Кася вопросительно мяукнула.

— Ах ты, моя прелесть! — восхищалась внизу пани Мальвина. — Ах ты, моя умница!

Кася впилась когтями в ветку и мяукнула ещё раз, громче.

— Ой, она боится! — с беспокойством произнесла хозяйка. — Кароль, пусть она вернётся! Касенька, счастье моё, вернись к своей хозяйке! Вернись, моя радость! Кис, кис, кис!

И тут разыгралась драма. Больше всего на свете Касеньке хотелось вернуться к своей хозяйке, но это оказалось невозможным. Влезть на дерево она влезла, но вот слезть оказалось выше её сил и умения. Она попыталась сползти задом, одна лапка соскользнула с ветки, кошка потеряла равновесие и чуть не свалилась. Это был конец. Теперь никакая сила не заставила бы её пошевелиться! С душераздирающим мяуканьем она распласталась на ветке, намертво вцепившись в неё всеми когтями.

Пани Мальвина испугалась не меньше и тоже издала душераздирающий крик:

— Боже! Она упадёт! Разобьётся!

Забеспокоился и хозяин. Правда, он слышал, что кошки обычно приземляются на все четыре лапы, но Кася не была обычной кошкой, воспитывалась не по-кошачьи, и неизвестно, чего от неё ожидать. Пока же она оглашала окрестности жуткими воплями, явно призывая на помощь. Ей вторила хозяйка:

— Кароль, сделай же что-нибудь! Она упадёт, убьётся! Кисонька, золотце моё, не плачь, сейчас мы тебе поможем! Кароль, ну скорей же полезай за ней! Что же ты стоишь, изверг!

Обалдевший от их крика, толстенький и не очень молодой пан Кароль сделал попытку влезть на дерево, но у него ничего не получилось. Ствол был гладкий, ветки начинались высоко.

Пани Мальвина совсем потеряла голову.

— Ох, я этого не переживу! Касенька, счастье моё, держись крепче, не упади! Нет, вы только посмотрите на него, он даже на дерево не может залезть! Сними её, сними сию же секунду!

— В конце концов, я не обезьяна! — рассердился пан Кароль. —

Ничего с кошкой не сделается, даже если она слетит с дерева. Ну, хочешь, подложим веток, травки?

Его слова подлили масла в огонь. Как, этот изверг, это бесчувственное чудовище хочет, чтобы её единственная радость упала и разбилась? Глаза себе повыкалывала? Лапы повыламывала? Нет, если уж падать, так на что-нибудь мягкое. Очень мягкое!

— Привези сюда матрасы! Нет, подушки! Поезжай домой, собери все подушки, одеяла и матрасы! Мои меха! И твою дублёнку! Потерпи немного, моя кисонька, и держись крепче! Ну, чего ты ещё ждёшь, зверь, ирод!

Драма на поляне достигла своего апогея. Пани Мальвина проклинала мужа, рвала на себе волосы и заламывала руки, молилась и рыдала, успокаивала Касю и опять проклинала мужа. Поднявшийся ветер раскачивал ветку. Кася совсем охрипла. Пан Кароль не знал, на что решиться.

— Если ты сию минуту не поедешь, я за себя не ручаюсь! — страшным голосом вскричала пани Мальвина.

Отбросив последние колебания, её муж в панике ринулся к машине и помчался в город.

Домработница собирала на стол. Тарелка выпала из её рук, когда хозяин как буря ворвался в дом и задышающим голосом крикнул:

— Быстрее! Все одеяла! И подушки. Перины с постели и матрасы с чердака! Все в машину! Быстрее!

Ничего не понимая, домработница в дикой спешке набивала машину подушками, пан Кароль таскал матрасы и перины. В ушах его звучали мольбы и проклятия жены, оставленной сейчас на произвол судьбы в глухом лесу. Быстрее! Быстрее!

Сталкиваясь и налетая друг на друга, они загрузили машину и багажник.

— Да что случилось? — пыталась добиться толку домработница. — Где хозяйка? Нельзя же подушки на пол, испачкаются!

— Пусть пачкаются, черт с ними! Быстрее! Кася на дереве!

Не видя связи между Касей на дереве и опустошением дома, домработница все же послушно заталкивала одеяла на переднее сиденье. Дверца не закрывалась. Пан Кароль колебался не больше секунды, бросился в гараж и вырвался оттуда на второй машине.

— Фелиция, вы тоже поедете! Остальное в эту машину!

— Дома никого не останется, — предупредила Фелиция.

— Ничего, мы быстро.

Выбегая из дома с последним матрасом в руках, пан Кароль ногой захлопнул калитку. Две машины, битком набитые мягкими постельными принадлежностями, понеслись к Повсину. Паника хозяина передалась домработнице, и она не оставала от него.

На поляне они застали выразительную сцену: под деревом, стоя на коленях, горько рыдала пани Мальвина, на дереве изредка хрипло взывала вконец измученная Кася.

При виде мужа пани Мальвина вскочила и с яростью накинулась на него:

— Ты что, задом ехал, изверг? Не мог быстрее?

Тут во второй машине подъехала домработница, и они втроём стали лихорадочно устилать землю под деревом матрасами, одеялами и подушками. Несчастному хозяину досталось ещё и за то, что не привёз меха.

— Ты вот уговори её спрыгнуть, — сердито огрызнулся пан Кароль.

— И уговорю, — ответила немного успокоившаяся жена и сладким голосом принялась уговаривать свою бесценную кисоньку отцепиться от гадкой ветки и прыгнуть вниз. Полуживая от страха и переживаний кисонька не реагировала на её призывы. Представление на полянке затянулось бы до бесконечности, если бы по совету Фелиции пан Кароль не принялся трясти длинной палкой ветку с кошкой. Не в состоянии более удержаться на тряской опоре, вконец обессиленная кошка поддалась своей участи, отцепилась от дерева и, растопырив все четыре лапы, шлёпнулась в самую середину приготовленной подстилки без всякого ущерба для здоровья.

Со слезами радости схватила её счастливая хозяйка, уговаривая успокоиться и благодаря мужа за чудесное спасение любимицы. Пан Кароль с облегчением запихивал в машины немного запачканные постельные принадлежности.

Вернувшись домой, он нашёл калитку закрытой, так что никакие подозрения не закрались в его душу. Вслед за ним подъехала домработница, и они вдвоём разгрузили машины. Затем он прошёл в спальню к жене, которая утешала натерпевшуюся Касю и уговаривала её съесть хоть капельку сметанки. При этом обе были так очаровательны, пани Мальвина была исполнена такой признательности мужу, что тот забыл о пережитом и с приятностью провёл весь вечер в их обществе.

Перед сном пан Кароль зашёл к себе в кабинет и только тут вспомнил, что задняя дверь, выходившая на террасу, весь день оставалась открытой. Встревоженный, он раздвинул полки, открыл сейф, заглянул в него и замер,

не веря глазам своим. Затем бросился к столу, выдвинул несколько ящиков, опять заглянул в сейф и опять замер, а потом впал в ярость.

Все вулканы мира клочкотали в груди пана Дромадера, когда он ворвался в спальню с намерением растерзать Касю на мелкие кусочки, ибо ни минуты не сомневался, когда именно и благодаря кому неизвестные грабители могли сделать своё чёрное дело. Может, кровь и обагрила бы мирную спальню, но Каси, на её счастье, там не оказалось. Поддавшись наконец уговорам своей хозяйки, она согласилась подкрепиться и в данный момент кушала в кухне слегка обжаренную печеночку.

Пани Мальвина сидела перед зеркалом, расчёсывая свои чудесные волосы.

— Где эта скотина? — прохрипел пан Дромадер. — Убью!

— О ком ты говоришь? — изумилась жена. — Какая скотина?

— Из-за твоей чёртовой кошки мы разорены! Понимаешь? Разорены!

Пока жена поняла лишь одно — её Касе грозит опасность. Она стремительно встала.

— Но, милый, успокойся! При чем тут Кася?

— Нас обокрали! Обокрали в то время, как эта... сидела на дереве! Из-за неё в доме никого не было! Все, понимаешь, все подчистую вымели! Мы разорены!

— В таком случае виновата я. Это я посадила Касю на дерево. Так что можешь убить меня! Но постой, как же подчистую? У нас ведь, слава богу, остались все подушки и одеяла...

Пан Кароль почувствовал, что сейчас задохнётся.

— Что ты несёшь? Одеяла, подушки... Остался дом со всей обстановкой, твои меха, твои драгоценности, ну и что из этого? Жалкие крохи, нищета!

Ради Каси пани Мальвина стерпела бы все.

— Ну так продай и мои меха, и мои драгоценности! Без изумрудов я обойдусь. И вообще могу в этом году не ездить в Италию. И даже пойду на работу!

При мысли, что его обожаемая жена пойдёт на работу, а там люди, и посторонние мужчины, и каждый из них сможет в своё удовольствие наслаждаться видом её уникальной, кошачьей красоты, у пана Дромадера потемнело в глазах. Он сел, закурил и попытался взять себя в руки.

— Я все понял, — сказал он, помолчав. — Черт возьми, только теперь я все понял! Неудивительно, что никто не хотел признаться... Смотри, о краже никому ни слова! — обратился он к жене. — Узнают — мне конец. Да и ничего страшного, собственно, не произошло. Я излишне

погорячился, извини.

— Ты совсем не умеешь вести себя, милый, — упрекнула его жена и пошла открыть дверь, за которой послышалось нетерпеливое мяуканье.

Пан Кароль накинул бонжурку, рассеянно погладил Касю и отправился в свой кабинет.

* * *

Прижимая к уху телефонную трубку, я с огромным интересом выслушала Лялькин рассказ и стала задавать вопросы:

— А почему, собственно говоря, пани Мальвина рассказала об этом тебе? Кто ты ей? К тому же муж строго-настрого запретил вообще кому бы то ни было трепаться о краже.

— Э, глупости! — легкомысленно протянула Лялька. — Ни я, ни ты, ни вообще подобные нам для них не существуют, знаем мы или нет — им без разницы. Вот ты, например, имеешь какое-нибудь отношение к долларам? То-то. А Мальвина со мной подружилась на кошачьей почве, вот и рассказала, да и потом ей просто надо было с кем-то поделиться. А я самая безопасная. Уж очень она расстроилась. Из-за Каси, конечно, не из-за кражи. Плевать ей на те доллары!

— Поймай, а что он такое говорил, будто никто не хотел признаться? Видишь ли, я тоже знаю таких, которых обокрали, и они тоже не хотели сообщать о краже.

— Не знаю, мне ни к чему, я и внимания не обратила. Кажется, ограбили кого-то из их знакомых.

Я попросила Ляльку поднапрячься и постараться вспомнить. Она честно постаралась, но без особого успеха.

— Вроде о чем-то таком она мне недавно рассказывала. Чуть ли не на улице напали на их знакомых и отобрали доллары. А они, доллары, вроде как принадлежали её мужу. Так что он понёс большие убытки. Знаешь, этот её муж, по-моему, обыкновенный валютчик, ну, не совсем обыкновенный, а крупная акула чёрного рынка. Но это, разумеется, моё личное мнение. Так мне кажется. А тебе зачем?

— Пока ещё сама не знаю. В последнее время столько происходит странного, и все это как-то связано с долларами. Так у него, значит, тоже доллары украли?

— И доллары, и наши. Вот теперь, когда ты заговорила о них, я вспомнила, как она рассказывала, и получается — это она не рассказывала,

просто у меня получается, — что тогда ограбили то ли их компаньонов, а может, наоборот, партнёров. И никто не хотел признаться, все говорили — пустяки. Ага, вот именно она так и сказала: когда тех ограбили, они отнеслись как к пустяку, а тут её муж сразу шум поднял, крови жаждал! Но потом он изменил мнение и тоже стал говорить — пустяки.

— Меня все-таки удивляет одна вещь. Ведь их дом оставался пустым очень недолго. Ну, сколько времени займёт дорога до Повсина и обратно? Вместе с прогулкой на полянке — максимум полтора часа.

— Как раз полтора, Фелиция подсчитала.

— И что же тогда получается? Кто-то случайно угодил в эти полтора часа? Или за ними специально следили? Выжидали долгие годы и вот теперь воспользовались случаем?

— Он именно так и считает. А она считает — это у него навязчивая идея, помешался на долларах. Просто увидели — калитка открыта...

— А она была открыта?

— Да. Выбегая из дому, хозяин толкнул её ногой, но замок не защёлкнулся. И, как оказалось, не была заперта задняя дверь. Нет, он уверен, что за ним следили и подсматривали, иначе как бы они узнали шифр сейфа?

Я кивнула головой, хотя Лялька не могла меня видеть. Пан Дромадер прав. Можно случайно наткнуться на открытую калитку или дверь, но не на шифр. Наверняка кто-то давно имел на примете богатство пана Кароля, выжидал, следил и вот незамедлительно использовал редкую возможность. Даже кражей со взломом этого не назовёшь — калитка настежь, дверь на террасу не заперта... Я даже мимоходом подумала, что, невзирая на разницу в мировоззрениях, Дромадер и Ленарчик были обворованы одинаковым образом.

По моей просьбе Лялька подробно описала садик пана Кароля: обнесённый проволоочной сеткой газон, несколько елей и кустов. Живая изгородь, правда, густая, через неё ничего не увидишь, но если с той стороны встать на что-нибудь высокое...

— Кабинет его на первом этаже, — продолжала Лялька, — когда шторы не задёрнуты, все видно. И вот ещё какая интересная штука. Пани Мальвина мне рассказывала, что её муж делал вид, будто дома денег не держит.

— Перед кем делал вид, если жена знала? И как делал?

— О господи, ну не перед женой же! Перед теми, с которыми он проворачивал свои дела. Может, не доверял им. А выглядело это так: деловые переговоры он проводил у себя в кабинете, а когда они приходили

к соглашению, то договаривались встретиться здесь же попозже, он садился в машину и ехал в город — будто для того, чтобы взять деньги, а потом возвращался и преспокойненько доставал их из сейфа. И ни разу себя не выдал. Все были твёрдо убеждены, что деньги он держит где-то в другом месте.

— Отсюда вывод: обокрали посторонние, которые об этих штучках просто не знали.

— Наверное. Мальвина не треплется кому ни попадя, да и мне прямо всего не рассказала. Частично проговорила, частично я сама догадалась. И я бы никому не рассказала, только тебе, раз уж мы об этом заговорили. Вот только никак не пойму, почему это интересует тебя? Может, собираешься заняться поисками грабителей?

— Нет, хотя кто знает? Может, это самый простой путь? Но все-таки воров я, пожалуй, оставлю милиции.

— Неужели ты думаешь, что он пожалуется в милицию?

Я уверила Ляльку, что ещё не совсем спятила и отлично понимаю: такие дельцы, как Дромадер, предпочитают не высовываться. Понятно мне и его желание сохранить потерю в тайне от своих, ибо в мире подпольного бизнеса уважением пользуется лишь капитал. Нет его — и нет человека. А все, кого ограбили за последнее время, так или иначе были связаны с подпольным бизнесом...

— Выходит, что какой-то Арсен Люпен экспроприирует богатства аферистов! — с удовлетворением констатировала Лялька. — Если выследишь его, передавай от меня привет.

* * *

В Транспортном управлении без особого труда удалось получить справку о новом владельце «опеля-комби». Им оказался некий Альфред Квачковский. Я не поленилась, съездила и посмотрела на него, а также кое-кого порасспросила. Он был совсем не похож на водителя «опеля», того, что меня преследовал и дрался у киоска. И вообще, никто не видел «опеля» у Альфреда, на работу он добирается на автобусе, а по воскресеньям выезжает на астматической старой «сирене». Тут мне подвернулся Гавел, и я поделилась с ним своими сомнениями: человек купил роскошную машину, а позволяет ездить на ней неизвестно кому.

— Глупая же ты! — снисходительно бросил Гавел. — Жизни не знаешь, что ли? Много есть таких, что предпочитают приобретать

имущество на чужое имя. Случись что — с него взятки гладки: виллу он у кого-то снимает, машина чужая, никаких денег он не зарабатывает и не тратит. Попробуй ухвати такого. А тебе что за дело до этого?

Я разозлилась. Вот ещё! Какое ему дело до того, что мне за дело? Слишком много себе позволяет! Чтобы сбить с него спесь, я важно сообщила, что машина Квачковского связана с преступлением, которое я расследую. С Гавела и в самом деле сразу слетела вся важность, он с живым интересом принялся меня расспрашивать и выудил из меня почти все.

— Поймай, да ведь ты его знаешь, — заметила я, когда дошла до покойника Дуткевича. — У него ведь был номер твоего телефона.

— Что было?!

— Номер твоего телефона. В записной книжке. Собственными глазами видела.

Гавел смотрел на меня так, будто я ненароком стукнула его по темени тяжёлым предметом.

— Номер моего телефона? Откуда у этого сукина сына номер моего телефона?

Я не преминула его сурово одёрнуть:

— Нехорошо так выражаться о покойниках.

— Ладно, извини, откуда у этого светлой памяти кретина... Как его?.. У этого Дуткевича мой телефон? Не знаю я такого. Кто он?

Похоже, покойный Дуткевич имел дурную привычку записывать телефоны совершенно незнакомых ему людей. Я пояснила, что он работал в кооперативе по выращиванию шампиньонов. Гавел, наморщив лоб, тщетно старался припомнить Дуткевича.

— Вот убей меня... А как его звали?

— Вальдемар.

Гавел вытаращил глаза и вроде перестал дышать. Прошла минута, не меньше, пока он наконец перевёл дыхание и обрёл дар речи:

— Черт его знает, может, я с ним где-то пил? Не помню. Странно, что меня до сих пор в милицию не таскали.

Я поспешила его успокоить: в этом не было необходимости, так как все нужные милиции сведения о нем, Гавеле, сообщила я лично. Неизвестно почему, это его страшно обрадовало. Он даже не спросил, какие именно сведения о нем я сообщила в милицию, только от души расхохотался и объявил, что когда-нибудь я его сведу-таки в могилу. А я могла бы поклясться — он вспомнил Дуткевича и в глубине души порадовался, узнав, что ему это ничем не грозит.

Я же со своим розыском зашла в тупик, ведь, найдя «опель-комби», надеялась узнать, зачем его водитель ездит за мной, а вот теперь в тупике упёрлась в Квачковского, который вряд ли мне что скажет. Придётся оставить этот путь и пойти по другому.

Попробуем рассуждать логично.

В каждом, пусть даже в самом запутанном, самом сложном деле существует некий связующий элемент. Естественно предположить: таким элементом в моем деле являются доллары. Доллары экспроприировали у богатых аферистов Варшавы, доллары отправлялись в заграничный вояж в подушках и одеялах, доллары пересылал в Национальный банк таинственный Вишневский, доллары искала Янка... Но тогда при чем тут я? Я их не крада и не переправляла через границу, не торговала ими у себя в стране. И что общего между Дуткевичем и долларами? Судя по тому, что я знала, Дуткевич никогда не занимался тёмными делами, вёл самый что ни на есть честный образ жизни.

Дальше: Вишневский и коробка из-под чешинских вафель. У меня дома была такая коробка, но участковый прав: точно такую же найдёшь в любом магазине. Значит, случай? И тот факт, что Вишневский в качестве обратного адреса сообщил мой — тоже случай?

Выходит, и доллары ничего не проясняли. Надо искать другой связующий элемент. Среда? Валютчики и воротилы чёрного рынка. Ограбленный Ленарчик, потом Дромадер, да и те валютчики, о которых я слышала, — все они представители определённой социальной среды. Всех их объединяло упорное нежелание признаться в понесённом ущербе. Владелец «опеля», судя по махинациям с покупкой машины на имя Альфреда Квачковского, тоже из их числа. Владелец вишнёвого «таунуса» — вероятно, тоже. Часто приходилось слышать, что валютчики свои сделки совершают в машинах. Лёлик вот никак в эту схему не вписывается, угодил в эту долларовую компанию, как кур в ощи́п. Но Лёлик вообще отличается своей исключительной способностью попадать в идиотские положения, так что он не показатель. И покойник Дуткевич портил схему — что общего у него с преступной средой?

Пусть не все составные укладываются в мою схему, но вывод, к которому я пришла в разговоре с Лялькой, вполне логичен: кто-то в Варшаве принялся грабить подпольных миллионеров и мошенников, отбирая у них нажитое нечестным путём. С Лёликом вышла неувязочка, но на то он и Лёлик. Кто-то действует наверняка и чувствует себя в безопасности, будучи уверенным, что ни один из ограбленных не обратится в милицию. Значит, грабят валютчиков и мошенников, а потом... Что

потом?

Да тут и думать нечего, яснее ясного! Потом — Вишневский! Благородный Вишневский! Отбирает доллары у проходимцев и передаёт в казну государству. Наверное, огорчённый экономическими трудностями, которые переживает страна, решил помочь, предоставив ей конвертируемую валюту, в чем столь остро нуждается народное хозяйство. Допустим. Тогда при чем здесь доллары в одеяльце?

Подумав, я легко раскрыла тайну и контрабандных долларов. Встревоженные валютчики, спасая своё добро, переправляют его в безопасное место, за пределы досягаемости благородного разбойника Вишневского. Просто, логично, и все бы сходилась, если бы не покойник Дуткевич и я. Впрочем, Дуткевич мог быть Вишневским, и тогда его смерть можно объяснить местью разорённых валютчиков, но, во-первых, бандероли с долларами поступают в Национальный банк и после смерти Дуткевича, и, во-вторых, прикончив его, валютчики перестали бы переправлять доллары за рубеж, а этого не произошло.

Ни в одну из моих комбинаций Дуткевич не укладывался, так же, как и Лёлик.

Самое же плохое, что никуда не укладывалась я сама. В чем заключалось моё участие? Какого черта ездил за мной краснорожий жлоб на машине Квачковского? Какая свинья и почему прокалывала мне баллоны? Кто и зачем сообщал мне, что Рябой ездит в Залесье? В Залесье ездил никакой не Рябой, а я сама, там жил один из моих ядерных физиков, и, если даже признать, что общение со мной не доставляло ему удовольствия, вряд ли его месть приняла бы столь странную форму.

Нет. Как ни прикидываю, как ни мучаюсь — не могу найти ни одной ниточки, связывающей меня с долларовой афёрой. Наверное, такой нити и не существует, я просто совершенно случайно натыкаюсь на торчащие в разных местах вершины долларового айсберга. Но тогда как понимать слова майора Фертнера, будто я представляю центральный пункт. Боже мой, центральный пункт чего?

Правда, что-то слишком часто натыкаюсь я на эти вершины...

И опять в своих рассуждениях я зашла в тупик. Попробую ещё раз начать сначала, двинувшись по другой дорожке. О пропавших марках Мартин никому, кроме меня, не говорил. Верная данному слову, я тоже молчала. Гавел ябедничал на Баську. Он же напугал меня до полусмерти, сказав, что горит мой дом. В тот момент я собиралась войти в филателистический магазин. Филателистический магазин, марки — прямая связь. Я не видела, чтобы Гавел входил или выходил из филателистического

магазина, он просто уезжал оттуда на своей машине, затормозил, увидев меня, и бросился ко мне с идиотским сообщением о пожаре. Может, он не хотел, чтобы я увидела кого-то, кто как раз был в это время в магазине? Гавел знал, что я интересуюсь марками и разбираюсь в них.

Янка жаловалась мне на то, что Донат стал какой-то странный. При чем здесь Донат? Где Крым, а где Рим... Донат действительно выглядел странно, когда вместе с Павлом маршировал в Саксонском саду. Неудивительно, что их испугались люди, сидевшие на скамейке... Стоп! Только тут я поняла, почему мне показалась знакомой злая красная физиономия и торчащие волосики водителя «опеля». Не узнала я его потому, что он не был в красном свитере, как в тот раз, в Саксонском саду.

Донат и Павел прогнали его со скамейки... Павел и Баська... Баська и предостережение Гавела... Гавел и филателистический магазин... Филателистический магазин и Мартин... Баська и Дуткевич...

Вот так, шаг за шагом, пришла я к твёрдому убеждению, что все эти моменты взаимосвязаны, один цепляется за другой и тянет за собой следующий. Однако внутренней, логической связи между ними мне никак не удавалось нащупать. И чем интенсивнее я размышляла, чем глубже вникала в каждый эпизод, тем все более неясной и расплывчатой становилась общая картина, никак не желающая предстать единым целым. К тому же вторая сторона медали, долларовая, никак сюда не вписывалась, хоть я и пыталась пристегнуть её к своей концепции, подходя к ней со всех возможных сторон. Отказавшись наконец от мысли всучить рыбке зонтик, я пришла к выводу о существовании двух таинственных, но совершенно разных афёр, объединяет которые лишь полное отсутствие всякого здравого смысла и личность краснорожего жлоба.

После чего перечеркнула все свои глубокомысленные выводы и в который уж раз начала все сначала.

* * *

Поручик Вильчевский все-таки поехал в Швецию. В получении загранкомандировки ему очень помог майор Фертнер, в ходе своих исследований подошедший к долларовой афере с другой стороны.

Все это время майор много думал и пришёл к очень интересным выводам. Он был твёрдо уверен, что три преступления, на первый взгляд не имеющие ничего общего: убийство Дуткевича, кража долларов у Лёлика и попытка переправить валюту в дамастовом одеяльце, — на самом деле

связаны между собой и представляют три части единого целого. Элементом, объединяющим все три преступления, была я. И странное дело: там, где я появлялась, все сразу страшно запутывалось, простые вещи невероятно усложнялись, настолько, что их уже не представлялось возможным распутать. Ох, неспроста это...

Участие моё в каждом из перечисленных выше преступлений было весьма нетипичным.

С Лёликом мы были знакомы давно, о его долларах я знала и сама же буквально вытолкнула его в милицию с заявлением. Эти моменты майор несколько раз проверил. Я же принимала личное участие в приготовлении знаменитых рольмопсов, я была знакома с паном Соколовским, и просто удивительно, что меня не было на почте в момент отправления злополучного одеяльца. Наконец, лично я обнаружила труп Вальдемара Дуткевича, который к тому же — Дуткевич, ещё не труп, — перед самой смертью звонил опять же мне. Майор чувствовал, что за всем этим кроется нечто чрезвычайно важное и ни на что не похожее, но вот что — пока не мог нащупать.

Что касается случая с Лёликом, тут у меня было стопроцентное алиби. Украсть его доллары я никак не могла — во всяком случае, непосредственно в краже не участвовала. Показания всех свидетелей совершенно исключали возможность моего присутствия в роковые часы совсем в другом месте.

К одеяльцу, считал майор, я касательства не имела, ибо надо совсем спятить, чтобы отправлять одновременно доллары и столь опасные для них рольмопсы. Допустим, не от меня зависело время отправления рольмопсов — катаклизма с паном Соколовским я предвидеть не могла, но от меня зависело отправление одеяльца, а тут уж я должна была предусмотреть возможные катаклизмы, зная об отправлении в один день одеяльца и банки с рольмопсами. Что мне стоило отсрочить на день отправку одеяльца?

Дуткевича теоретически я убить могла: дома я была, считай, одна, ибо сыновья спали мёртвым сном. Ночь, людей на улицах мало, я могла выйти из дому никем не замеченная, до дома Дуткевича два шага, там я его прикончила, а потом вызвала милицию, чтобы отвести от себя подозрения. Но тут имелась небольшая загвоздка.

Вальдемар Дуткевич был убит точно в то время, которое я назвала, то есть в одиннадцать часов восемь минут. Его часы оказали мне большую услугу, ибо разбились и остановились, показывая как раз то время. Обвинить меня в том, что я сама разбила часы и подвела стрелки, было нельзя, так как часы обнаружили под трупом, на подвёрнутой руке

покойного, причём характер повреждений исключал всякую возможность перевода стрелок через разбитое стекло. Так что время убийства было установлено с точностью до минуты.

Милицию я вызвала ровно через шестнадцать минут после смерти Дуткевича. Если бы преступление совершила я, то за эти шестнадцать минут мне пришлось бы переделать множество дел. Майор, случайно оказавшийся в составе патруля, приехав на место преступления, имел возможность лично убедиться в том, что одета я была нормально, причём бросалась в глаза кофточка со множеством мелких пуговичек. И ещё майору бросились в глаза мои жутко грязные руки. Интересно, какими им быть, если я весь вечер сидела за пишущей машинкой, то и дело поправляя ленту? Вымыть рук я не успела, потому что позвонил покойник Дуткевич, то есть ещё не покойник, но, услышав его сообщение, могла ли я помнить о том, чтобы вымыть руки?

Грязные ладони сослужили мне очень хорошую службу. Несчастного Дуткевича лишили жизни самым жестоким способом, оставив повсюду следы, в том числе и на убийце. Тот наверняка выглядел как вампир из Дюссельдорфа, поэтому ему просто необходимо было умыться и сменить одежду, в ванной же ничто не говорило о том, что там кто-то умывался, мыло было совершенно сухим, полотенце тоже. Майор, как я уже сказала, неплохо соображал, поэтому ванную проверили в первую очередь. Значит, в ней я не могла умыться, не говоря уже о том, что в квартире Дуткевича не нашла бы сменной одежды. Значит, мне пришлось бы ехать умываться и переодеваться к себе домой. Известно, что каким бы ловким ни был человек — ему никак не удастся вымыть какой-нибудь части тела, не вымыв при этом рук. Ну, предположим, я бы отмылась, а потом опять испачкала руки, но в таком случае ни за что бы не уложилась в указанные шестнадцать минут.

Чтобы раз и навсегда избавиться от меня, дотошный майор проверил все с секундомером в руках. Начал с одиннадцати ноль две, когда проезжавшая мимо моего дома патрульная милицейская машина отметила стоявшую у дома мою машину — история с крышками обязывала их это делать. Значит, на убийство Дуткевича я отправилась пешком, потом, пристукнув его, тоже пешком вернулась домой, разделась, вымылась, надела другую одежду, в том числе кофточку с множеством мельчайших пуговичек, испачкала руки о ленту пишущей машинки, опять отправилась к Дуткевичу, на сей раз на машине, поднялась на пятый этаж и вызвала милицию. Прodelав неоднократно этот путь и прочие процедуры и немного наострившись, майор сумел уложиться в двадцать одну минуту, и ни на

секунду меньше. Шестнадцать минут совершенно исключались.

Следовательно, в убийстве я не участвовала. И ни в одном из других преступлений тоже непосредственного участия не принимала. И все-таки фигурирую во всех трех преступлениях. Что же в таком случае меня с ними связывало?

* * *

Через неделю поручик Вильчевский вернулся из служебной командировки за рубеж, и в Управлении тотчас же было созвано оперативное совещание. Кроме майора Фертнера и поручика Вильчевского в нем приняли участие капитан Ружевиц, поручик Петшак и поручик Гумовский, специалист по чёрному рынку.

С отчётом о служебной командировке в Швецию выступил поручик Вильчевский, однако сам же нарушил привычное официальное сообщение, прервав его неофициальным раздражённым комментарием:

— Чёртова страна! Все не как у людей. Попробуй в таких условиях...

— А ты на каком с ними объяснялся? — поинтересовался поручик Гумовский.

— На английском. В основном понимают. А если и не понимают, то все равно объяснялся, только что толку...

— Давай-ка по порядку, — потребовал майор. — Ты нам изложи, а уж мы попробуем извлечь толк.

— Если по порядку, то начал я с адресатов.

— А что, они и в самом деле существуют? — удивился капитан Ружевиц.

— Как миленькие. Все до единого. По крайней мере в Швеции, в Норвегии я не был. Вежливые, культурные люди. Я выдавал себя за друга этого подонка, Йенсена...

— Ого! Ты знаешь, как по-английски будет «подонок»? — опять поинтересовался Гумовский.

— «Подонка» я как раз не знал, но на всякий случай заранее выучился некоторым ругательствам, кто знает, ведь инвективы...

— Кончайте с лингвистикой! — вмешался майор. — Этим займётесь в другое время. И что же адресаты?

— Очень мне сочувствовали, ведь я перепутал адрес Йенсена и теперь не мог его найти. Мне поверили на слово, каждый старался помочь и рассказал, что у него было то же самое, тоже был перепутан адрес, они по

ошибке получили предназначенные для Йенсена посылки, так что с адресом и в самом деле какая-то путаница. Разумеется, каждый из них в отдельности рассказывал мне историю с посылкой, потому что они не знакомы друг с другом, каждый сообщил мне номер и адрес почтового отделения, куда переслал по просьбе Йенсена посылку. Я побывал на этих почтамтах, хотя и не так-то просто было их отыскать, потому что людей на улицах я старался не спрашивать. Один раз сделал такую глупость, теперь до смерти не забуду.

Эти слова были произнесены с такой горечью, что все заинтересовались, и поручику волей-неволей пришлось рассказать о том, как он стал жертвой совершенно невыносимой доброжелательности аборигенов. Стоял он себе спокойно на автобусной остановке, никого не трогал и пытался с помощью схемы маршрутов городского транспорта города Стокгольма определить, каким автобусом доехать до нужного почтового отделения. И что же? Им тут же заинтересовался какой-то симпатичный туземец и немедленно пришёл на помощь иностранцу, видимо туристу, предложив ему свои услуги. Поскольку поручик не мог правильно произнести название улицы, он дал понять, что его интересует почта. Слово «почта» поручик уже выучил. Туземец расцвёл и радостно сообщил иностранному туристу, что в Стокгольме не одна почта, совсем не обязательно ехать на автобусе на далёкую улицу, вот тут, по соседству, тоже есть почта. Невзирая на робкие протесты поручика, он дотащил его до самой двери почтового отделения и проследил, чтобы иностранец вошёл именно в эту дверь. К сожалению, поручик уже побывал на этой почте, и ему совсем не улыбалось показываться там во второй раз, поэтому, переждав за дверью, он вышел на улицу. Заботливый туземец стоял на остановке. Увидев, что иностранец так быстро вышел, он догадался, что тот по робости или по незнанию языка не смог ничего сделать, поэтому вновь проявил заботу, насильно дотащил иностранца до почты, самолично ввёл его внутрь и подвёл к окошечку, так что несчастный поручик вынужден был купить жутко дорогую цветную открытку. Швед попрощался, предварительно несколько раз ткнув в почтовый ящик. Наученный горьким опытом, поручик вышел не сразу, а предварительно осторожно выглянул в дверь. Увидев услужливого туземца на автобусной остановке, бедняга вынужден был просидеть на почте, сделав вид, что пишет открытку, пока не убедился, что швед, пропустив несколько автобусов, наконец уехал. С той поры на вопросы аборигенов, не нужно ли помочь, поручик неизменно отвечал, что просто гуляет по городу, и благодарил.

— Но зато я сразу понял, — со вздохом сказал он, — как эти люди честно пересылали посылки совершенно незнакомому человеку по первой его просьбе. До своей командировки такое мне казалось подозрительным. Теперь уже не кажется. Просто это не правдоподобно честные и доброжелательные люди.

— А что ты узнал на почтах?

— Ничего. Никто не помнит подонка Йенсена, только три почтовых работника смутно припоминают, что это был молодой человек, кажется, с бородкой, а впрочем, самый обыкновенный. Один раз он был в тёмных очках.

— Фамилия его установлена? Ведь, получая посылку, он должен был предъявить документ.

— У них это не обязательно. Достаточно было назвать свою фамилию и адрес отправителя с его фамилией, посылки ведь обычные, не заказные. Йенсен их получал и улетучивался. Никто им не заинтересовался, ничего подозрительного замечено не было. Йенсен-Хансен-Юханнсон имел право перепутать адрес, просил выслать посылки на новый. Их и высылали. А теперь ищи-свищи!

Майор тяжело вздохнул. Он все-таки надеялся на командировку в Швецию, и вот такое разочарование. Командировка лишь ещё раз убеждала в прекрасной, продуманной во всех мелочах организационной стороне долларовой аферы.

— Тот, кто получал на почте посылки, был шведом?

— Шведом или норвежцем, превосходно владеющим шведским. Иностранцы исключены. Исключены также датчане, говорят, им не удаётся избавиться от акцента.

Уже говорилось, что майор имел привычку много думать. Вот и теперь, на оперативке, ему в голову пришло много творческих концепций. Поскольку связующим элементом запутанных дел была я, следовало немедленно проверить, у кого из моих знакомых есть знакомые в Скандинавии и поддерживаются ли с ними контакты. Следует проверить и связанных со скандинавами моих знакомых — их могли использовать без моего ведома. Излишне широкий круг моих знакомых мог и святого вывести из терпения, но другого выхода не было, ими надлежало заняться немедленно и вплотную. Моим знакомым не был лишь, судя по всему, сам убийца, но по иронии судьбы он-то как раз не был главной фигурой в деле. Майор уже имел основания полагать, что истинный организатор убийства остаётся пока в тени.

— Давайте попытаемся определить место Дуткевича в нашем деле, —

предложил майор. — Нам известно, что убийство совершено напуганным профессионалом...

— Мне неизвестно, — обиженно поправил капитан Ружеви́ч. — Почему вы думаете, что профессионалом, да к тому же напуганным?

— Точнее сказать — двумя напуганными профессионалами, — уточнил майор. — Установлено — дверь открывали отмычкой, остались следы. Похоже, дело обстояло так: они открывали дверь, а Дуткевич звонил по телефону. Услышав его слова, они разозлились и поспешили стукнуть — не сильно, чтобы только замолчал. Он упал и потерял сознание. Они же принялись в спешке что-то искать, не снимая перчаток. Все говорит о работе профессионалов, с одной стороны, и о спешке и волнении — с другой. Соседка с третьего этажа видела двух мужчин, поднимающихся по лестнице. Время совпадает. Узнать их не сможет.

— Видела? Где же она была?

— В своей квартире. Собралась вынести мусор, приоткрыла было входную дверь, увидела спины двух поднимающихся по лестнице мужчин и опять прикрыла, чтобы переждать. Объясняет, что была в старом халате и в этих, как их, бигудях на голове, не хотела в таком виде показываться людям. Её счастье! Шагов не слышала — наверное, они были в ботинках на резиновой подошве.

У поручика Вильчевского невольно вырвалось горькое замечание:

— Что-то у нас все видят преступников со спины.

— Но мне кажется, — продолжал майор, — в квартире Дуткевича находился ещё кто-то третий. Мы обнаружили следы, правда нечёткие. Похоже, там ещё кто-то побывал после тех двух бандитов.

— Ну ясно, был, ведь вошла же эта язва Хмелевская...

— Нет, Хмелевскую мы выделили отчётливо. Вот послушайте, какая картина вырисовывается. Создаётся впечатление, будто один и тот же человек вдруг стал ходить по-другому, ну, по-другому ставить ноги, или, наоборот, в тех же ботинках ходил другой человек. В квартире он появился после двух бандитов и перед Хмелевской, войдя же, лишь прошёл к убитому и сразу вышел. У меня возникла такая гипотеза: те двое не собирались убивать Дуткевича, они хотели лишь основательно припугнуть, может, избить. Стукнули, чтобы прекратил болтать по телефону, стукнули сильно, не рассчитали. Он упал, потерял сознание, но остался жив. Они ушли, явился третий и легко прикончил Дуткевича. Задушил. Если все действительно так было, то меня больше всего интересует именно третий.

— Непонятно, откуда ты взял третьего? — подумав, возразил Ружеви́ч. — Из-за следов?

— Не только, — разъяснил майор. — У Дуткевича нами найден волосок кошачьей шерсти. Кошки у Дуткевича не было, но у них в доме кошки водятся на чердаке. На чердаке же устроена прачечная для жильцов дома. Дверь прачечной была свежеекрашена, краска почти высохла, почти, но не совсем. В одном месте нами обнаружен след чьего-то прикосновения — краска смазана. Те двое на чердаке не были и с кошками не общались. Я представляю себе дело таким образом: некто нанял двух бандюг избить Дуткевича, сам спрятался на чердаке ещё до их прихода, а потом спустился в квартиру проверить результаты их работы, добил жертву, но скрыться не мог, так как приехала Хмелевская. Он вернулся на чердак и просидел там до самого утра. Нечаянно задел свежеекрашенную дверь, может, даже опирался на неё. Впрочем, возможно, он сбежал с чердака в тот момент, когда Хмелевская звонила в милицию. Это для него была единственная возможность скрыться, потому что потом Хмелевская сидела на лестнице в подъезде и ждала нас. Опереться о покрашенную дверь он мог и раньше, когда ожидал на чердаке своих подручных. Если бы мы его нашли, если бы он не успел отдать в чистку одежду, если бы у него на брюках осталась кошачья шерсть...

— ...если бы он ещё ступил в лужу крови и не чистил ботинки, — дополнил скептик-капитан.

— А сколько кошек там на чердаке? — поинтересовался поручик Петшак.

Майор со вздохом оторвался от своих прекраснотушных мечтаний.

— Только три. Мы проверили, волосок принадлежит одной из них. Продолжаем разрабатывать связи Дуткевича. Гумовский, твоя очередь.

Поручик Гумовский вытащил из кармана блокнот, из термоса долил в свою чашку кофе, закурил сигарету и брюзгливо изрёк:

— Происходит что-то странное. Понять не могу, что именно. Но что-то происходит.

Заявление Гумовского не вызвало переполоха среди присутствующих. Их однозначную реакцию выразил капитан:

— Тоже мне, открыл Америку! Все знают — что-то происходит, причём именно совершенно непонятное.

— Давай о странном! — приказал майор.

Заглядывая время от времени в свои записи, поручик тоскливо обрисовал ситуацию, сложившуюся на чёрном рынке, иногда попутно комментируя её. Из сообщения следовало, что с некоторых пор на чёрном долларовом рынке наблюдается невероятное смятение. Солидная, годами отработанная система обмена одних купюр на другие вдруг забарахлила и

застопорилась, в атмосфере повеяло холодком отчуждения, а во взаимоотношениях партнёров появились признаки недоверия, переходящего прямо-таки во враждебность. Один из подчинённых поручика стал обладателем информации: «кто-то жульничает по-страшному». Цитата принадлежит одной из крупнейших акул чёрного рынка, прибывшей в Варшаву с берегов Балтики. При этом расстроенная и возмущённая акула туманно намекала на понесённые большие убытки.

— Фальшивые доллары?

— Нет, в том-то и дело! Фальшивые, разумеется, ходят, но не больше, чем обычно. Количество фальшивых долларов удерживается в норме, если можно так выразиться. Нет, впечатление такое, что они принялись просто-таки по-хамски обжуливать друг друга.

Тут уж удивились все присутствующие. Давно известно, что каждая фирма заботится о своей репутации, а уж тем более фирма, деятельность которой конфликтует с законом. Мошенничество при купле-продаже в своём кругу — вещь чрезвычайно опасная и чреватая последствиями. Внезапное падение нравственных устоев преступного мира, нарушение им принципа своей, преступной солидарности — вещь невероятная.

— Я тоже считаю это странным, — согласился поручик, — но ничего толком нельзя узнать, мошенники как воды в рот набрали, молчат, друг другу не доверяют. Прошёл слух, будто было несколько ограблений. Толкуют о крупных суммах, но нет достоверных данных, никто из пострадавших не жаловался. Достоверные сведения удалось получить только об одном. И вот ещё. В «Гранде» подрались два валютчика...

— Погоди! — остановил его майор. — Давай подробнее об ограблении и о драке.

Поручик порылся в своих записях. Об ограблении ему сообщил один из подчинённых, которому пожаловался пострадавший, ещё не пришедший в себя после пережитого. Естественно, валютчик знал подчинённого не как сотрудника милиции, а как товарища по работе. Он себе спокойненько обдeldывал дельце с клиентом, который хотел купить у него три тысячи наличными, и оба тщательно пересчитывали деньги, сидя в машине на стоянке по улице Конопницкой, как вдруг у окон с двух сторон появились две разбойничьи рожи, и не успели честные коммерсанты и рта раскрыть, как дверцы машины распахнулись, внутрь просунулись хищные лапы и лишили коммерсантов имущества, после чего бородатые разбойничьи рожи и хищные лапы моментально исчезли, развеялись как дым. Все нападение длилось две секунды, и охрана не успела прийти на помощь, тем более что по стоянке в это время металась какая-то машина, за рулём которой сидела

подозрительная баба.

Что же касается драки в «Гранде», дело было так: за столиком кафе сидел себе спокойненько другой подчинённый поручика, играющий роль мелкой рыбёшки в океане чёрного рынка, пил кофе и задумчиво поглядывал на двух интересующих его акул, сидящих за столиком у окна. Вдруг в зал врывается тоже хорошо ему известный деятель, бросается к сидящим у окна, хватает за отвороты пиджака одну из акул и принимается бешено трясти её, яростным шёпотом сипя на весь зал:

— Ты кого мне подсунул, морда? Это называется выгодная оказия, такой-растакой...

И, продолжая извергать непечатные выражения, сипящий валютчик сделал попытку оторвать акуле голову от туловища, что наверняка ему бы удалось, ибо акула, не ожидавшая нападения и явно ничего не понимающая, только безмолвно разевала рот, но тут вмешались другие и быстренько утихомирили сипящего. Он присел за столик к акулам, и они вместе, склонив головы, принялись оживлённым шёпотом обсуждать свои дела. До подчинённого доносились лишь отдельные слова, из которых он понял, что сипящему нанесён большой материальный ущерб.

Все это было чрезвычайно интересно, и майор приказал поручику собрать дополнительные факты об ограблении и о драке и в первую очередь установить, что за машина помешала охране вмешаться в операцию. Может, действует целая шайка? В заключение он сказал:

— Мы имеем все основания утверждать, что кто-то грабит чёрный рынок — точнее, отбирает доллары. Нам известно также, что одновременно доллары нелегально переправляются через границу. Связь прямая и очевидная. В числе ограбленных и этот, как его, Рокош. Вор, как видно, не особенно разборчив, крадёт, где подвернётся возможность. Дуткевич с этим как-то связан. Иначе чем объяснить его убийство? Врагов у него не было, богатства тоже, бабы ни у кого не отбивал. Может, потихоньку помогал шайке грабителей, валютчики его накрыли и из мести убили, а может, и наоборот: грабители надеялись найти у него деньги, не нашли и со злости пристукнули. Вишневого с его переводом денег в казну государства я пока вообще не понимаю. Что же касается Хмелевской...

Тут майор вспомнил, что слышал о какой-то драке у киоска, в которой я принимала участие. Это у него тут же ассоциировалось с дракой в «Гранде». Он замолчал и задумался. Его мысль продолжил капитан:

— Что касается меня, то я уверен — с этой Хмелевской дело нечисто. Ну, посмотрите сами — она везде, буквально везде путается. И в то же время из её знакомых только один Ракевич вписывается в афёру, остальные

же совершенно не годятся. Ничего подозрительного, никаких левых доходов, все нормально работают, ведут размеренную жизнь по средствам. Безнадёга! Но Ракевич с долларами не связан.

— Дуткевич тоже не был связан, — припомнил Гумовский. — Никто его не знал.

Майор очнулся от своих мыслей и вмешался в разговор:

— Дуткевича могли не знать по фамилии, а знали в лицо. Разошли людей с фотографией.

— Уже разослал, жду результатов. Пожалуй, и Хмелевскую им подброшу, на всякий случай.

В ходе разгоревшейся дискуссии стало ясно: необходимо разослать фотографию Дуткевича по всем градам и весям; надо завести тесную дружбу с неразговорчивыми валютчиками; надо установить постоянное наблюдение за Гавелом и за мной. Главное же — надо припомнить и систематизировать все странные, нетипичные и лишённые всякого смысла события последнего времени, ибо только они могут быть связаны с этим странным и нетипичным делом и, возможно, что-то прояснят. И надо думать. Думать интенсивно, творчески.

* * *

Я думала интенсивно и творчески, и у меня получилась совершеннейшая ерунда. Вот что у меня получилось.

Мартин поймал похитителя марок. Похититель уже успел спустить коллекцию, частично у нас, частично за рубежом. Мартин припёр его к стенке и потребовал или марки, или их эквивалент. Вор был другом Дуткевича, и Дуткевич, добрая душа, бескорыстно помогал ему в кражах, а потом пал жертвой мести валютчиков. Вор, редкая свинья, зная о моем знакомстве с Мартином, решил пустить милицию по моему следу, фабрикуя улики против меня, отсюда и нагромождение вокруг меня идиотских событий.

В концепции были серьёзные пробелы. Почему Мартин не копил валюту, чтобы приобрести на неё марки и восстановить коллекцию, а принялся анонимно пересылать доллары в государственную казну? Ладно, допустим, Мартин свихнулся с горя, такие случаи известны. В концепцию не вписывался Донат. Зато Гавел вписался. Он сначала помогал спустить марки, а потом, узнав, в чем дело, пытался выкупить их обратно. А вот Донат не вписывался. Что же касается Баськи, то это лучшая кандидатура

на роль преступника, и я уверена, ради неё Дуткевич пошёл бы на все. Однако мне очень не хотелось в своей концепции отводить Баське отрицательную роль. Проще всего было бы все выяснить у них самих, поставив вопрос ребром, но у меня как-то язык не поворачивался информировать друзей о моих открытиях.

Я решила действовать дипломатично, позвонила Баське и начала издали, поинтересовавшись, что означают странные прогулки Доната и Павла по Саксонскому саду. Баська удивилась так, будто от меня впервые услышала об этом. Пришлось несколько усилить дипломатический нажим:

— Но ведь ты тоже там была. За кустами пряталась.

— Я там была? — огорчилась Баська. — Надо же, ничего не помню. Должно быть, у меня склероз, как думаешь?

— Может, и склероз. Припомни-ка. Весной это было, листья ещё не распустились.

— Хоть убей — не помню. А ты уверена, что я была трезвая?

Такой уверенности у меня не было. Видела я её издали, а вела она себя очень странно. Может, Донат и Павел тоже были пьяны! Правда, маршировали они уверенным, твёрдым шагом, но это ещё не показатель. Если все трое оказались в саду по пьяной лавочке, могут и не вспомнить, чем они там занимались и почему.

Происходившее в Саксонском саду Баську очень заинтересовало, и у меня создалось впечатление, что она и в самом деле лишь от меня узнает об этом. Так из Баськи ничего и не удалось выудить.

Разговаривала я и с Янкой, поинтересовалась, как обстоит дело с Донатом. Удручённая Янка пожаловалась, что с ним по-прежнему неладно, только теперь это выражается по-другому: Донат, наоборот, совсем перестал выходить из дому, всячески уединяется и даже начал от них запирается где попало — то в ванной, то на кухне, то в комнатке Кшиштофа, иногда даже в подвале. Он по-прежнему не желает общаться с семьёй, того и гляди совсем разучится говорить.

Мартин, в противоположность Донату, дома совсем не бывал, шлёлся неизвестно где, и я никак не могла его поймать по телефону. Гавела же я в качестве объекта дипломатических переговоров сразу исключила, так как знала, что из него ничего не вытяну. Моё частное расследование забуксовало на месте, и в этой ситуации я чуть ли не с радостью восприняла вызов к майору.

Разговор начался с того, что он ошарашил меня заявлением:

— Пежачека вы знаете, а в список своих знакомых не внесли. Почему?

Я принялась лихорадочно вспоминать человека с такой диковинной

фамилией. Нет, сколько ни рылась в памяти, никого похожего припомнить не могла.

— Исключено, никакого Пежачека я не знаю. Кто он такой?

— Как же вы его не знаете, если сами жаловались, что он вас преследует?

Пежачек меня преследует? С ума сойти! Как такое может быть? Вытаращив глаза, совершенно ошарашенная, смотрела я на майора в безмолвном изумлении.

— Вспомните же, — настаивал майор. — Киса Пежачек. Почему вы его не включили в список?

Я честно старалась вспомнить Кису, который бы меня преследовал, но, клянусь, во всей моей биографии не было ничего похожего. Может, просто коварный майор подготовил мне какую-то ловушку? В полной панике я взмолилась:

— Ради бога, объясните, почему я должна знать какого-то Кису Пежачека?

— Ну, может, не Кису, его чаще называют Кисонькой по причине красной мор... то есть того, я хотел сказать, по той причине, что у него физиономия бешеного бульдога. Это в его обществе вы били окна в киоске.

Кажется, я начинаю понемногу понимать.

— Во-первых, никаких окон я не била, — механически поправила я майора. — А во-вторых, не о том ли жлобе вы говорите, который ездил за мной на «опеле»?

— Ну вот видите, а вы не хотели признаться, что он вас преследовал.

— И в самом деле, ездил за мной целых три дня! Так его фамилия Пежачек? Интересно, откуда я могла это знать? Он мне не представился, а окна бил без моего участия. Вижу, вы получили информацию от участкового, следовательно, должны знать, как было дело.

— Я бы охотно услышал это ещё раз из ваших уст.

Пришлось о знаменательном событии рассказать своими устами. Больше всего майора заинтересовало нападение на красномордого Кису неизвестного мужчины, майору очень хотелось знать, что именно говорил агрессор. Я пояснила: ничего не говорил, только душил Пежачека и яростно хрипел. То есть от ярости хрипел сначала, а потом стал хрипеть оттого, что его стукнули по физиономии и силком поволокли в машину. Окна били они, можно сказать, вместе. После этого Пежачек от меня отстал.

Рассказывая, я успокоилась, обрела присутствие духа и способность соображать. Мне пришла в голову мысль воспользоваться случаем и

попытаться получить от майора интересующую меня информацию — не все же ему меня расспрашивать! Может, тогда мне не придётся разыскивать Пежачека. И я осторожно начала:

— Раз уж мы с вами, пан майор, так доверительно беседуем, не могли бы вы открыть мне секрет: почему, собственно, Пежачек меня преследовал? Сдаётся мне, вы знаете.

— И вы должны знать, — спокойно возразил майор. — Ведь вы бываете на улице Конопницкой?

Я напрягла все силы, чтобы на сей раз снова не впасть в панику.

— Бываю, конечно. И очень часто.

— Зачем?

— Странный вопрос. Дела у меня там, на улице Конопницкой расположено издательство.

— А машину где оставляете?

— На стоянке, разумеется. Там почти всегда есть место.

— Припомните, пожалуйста, не случилось ли с вами на этой стоянке чего-нибудь особенного? Ну, например, вы чуть кого-то не задавили. Было такое?

Я опять напрягла память. В ней навсегда запечатлелись все живые существа, которые когда-либо лезли мне под колёса. Что-то такое было на стоянке...

— А, вспомнила. Два каких-то идиота выскочили внезапно на мостовую, когда я подъезжала к стоянке. Прямо под колёса. К счастью, вывернулись, а я парковалась задом, так они мне снова прямо под зад и сунулись. Но я их не раздавила, успели выскочить. Да, да, теперь вспомнила, метались по стоянке два идиота, то перед машиной, то сзади. Не знаю, зачем это вам, ни один из них не был Пежачеком.

Довольный майор задал следующий вопрос:

— А ещё говорят, вы как-то следили за вишнёвым «таунусом» и потеряли его только на Гжибовской.

— Не правда, и вовсе я за ним не следила, ехала себе в книжный магазин, а этот недотёпа сам путался всю дорогу у меня под колёсами. Потом догадался свернуть, и я избавилась от него. Какой дурак выдумал, будто я следила за ним?

Майор обходил молчанием мои вопросы, упорно придерживаясь своих. Он велел мне подробно рассказать о всех встречах с вишнёвым «таунусом», а затем об истории с покрывками. Потом принялся дотошно расспрашивать, когда я последний раз побывала в Кракове, Щецине, Лодзи, Гданьске, Закопане, Вроцлаве. Затем сузил круг своих интересов и

переключился на ближние подступы к Варшаве, попросив рассказать о моих поездках в Залесье. Я чувствовала, что моя голова начинает постепенно пухнуть... А потом он задал самый главный вопрос:

— Не кажется ли вам странным, что все вертится вокруг вас? Вам звонят, за вами ездят, сообщают ваш адрес, портят вашу машину. Чем вы можете это объяснить?

— Всеобщим помешательством, — раздражённо ответила я. — Люди совершают какие-то совершенно идиотские ошибки. Целая, я бы сказала, серия идиотских ошибок. А чем она вызвана, вам лучше знать.

— Вы называете это ошибками?

— А чем же ещё? Как, по-вашему, можно логично объяснить тот факт, что кто-то воткнул мне за дворник записку с сообщением о Рябом?

— Что-что?!

— «Рябой ездит в Залесье», — мрачно процитировала я.

Майор смотрел на меня так, будто я вдруг прошла по комнате на руках.

— Что это значит?

— Понятия не имею. Не знаю никакого Рябого, и что мне за дело, куда он ездит? Смысла нет, а записка есть.

— А ну-ка, расскажите подробнее, пожалуйста.

Я с удовольствием рассказала. От его вопросов моя голова пухнет, заморочу же и ему голову. Майор слушал с захватывающим интересом и, как мне показалось, с растущим подозрением.

— А что вы сделали с запиской?

— Не помню, может, выбросила, а может, до сих пор вожу её в бардачке. Если желаете, могу посмотреть.

— Очень желаю. Посмотрите, когда кончим разговор. Вы ездили в Залесье после того, как была обнаружена записка?

— Нет. После не ездила.

— А до этого там бывали?

В голосе майора было нечто, заставившее меня насторожиться. Я перестала бывать в Залесье, получив анонимку на Рябого. Я следила за паршивцем в вишнёвом «таунусе». Я знала Пежачека и пыталась это скрыть. Никаких ошибок, все делается сознательно, а причины я должна знать...

Подозрение ударило в меня громом с ясного неба. От ужаса я еле могла вымолвить:

— Боже! Неужели вы думаете, что это все я?

— Ну-ка, ну-ка! — подхватил майор. — Что именно «вы»?

— Обираю аферистов и богатых дельцов, нападаю на валютчиков, нелегально переправляю за границу доллары, под видом Вишневого пересылаю их в Национальный банк... И что там ещё? Дуткевича, надеюсь, вы мне не приписываете?!

Если я намеревалась заморочить майору голову, то теперь могла быть довольна: похоже, мне это удалось. Но надо отдать ему должное — он взял себя в руки и с обычным хладнокровием спросил:

— Скажите, пожалуйста, откуда вам известно о нападениях на аферистов и валютчиков? Кто вам сообщил об ограблениях дельцов и каких именно? Откуда вы знаете о нелегальной пересылке долларов за границу?

Наконец-то я почувствовала под ногами твёрдую почву. Видимо, моя дырявая концепция не была такой уж глупой. И голова заработала снова. Дело, правда, усложнял тот факт, что меня подозревают в тяжких уголовных преступлениях, но зато появилась надежда договориться с майором. Главное, в голове прояснилось, теперь можно мыслить логично. Ну что ж, поговорим.

К сожалению, я немного испортила начало, так как у меня непроизвольно вырвалось:

— Лялька была права. Выходит, и в самом деле на чёрном рынке орудует Арсен Люпен.

Естественно, майор тут же вцепился в меня:

— Соблаговолите объяснить, что именно вы имеете в виду.

— Извольте, соблаговолю. — Я закурила и начала:

— Своими вопросами вы мне многое прояснили, теперь наконец я стала кое-что понимать. Правда, вы превратно толкуете мою информированность о нападениях, краже и контрабанде, объясняя её моим личным участием в этих преступлениях. Так вот — их совершала не я. А узнала о них лишь благодаря тому, что я не милиция...

— Как это понимать?

— Очень просто. Между собой люди говорят о многом таком, о чем никогда не сообщат в милицию. Я могу вам рассказать все, что знаю, но тоже частным порядком, ибо официально все равно не получится. Если вы начнёте этих людей допрашивать официально, они ничего вам не скажут, от всего отпрутятся. Я сама официально отпрусь. Уж очень мне не хочется снова латать покрышки. Так что решайте.

Майор немного поторговался, но, так как формалистом он не был, согласился нашу беседу считать частным разговором между двумя знакомыми людьми.

В частном разговоре со знакомым майором я поведала ему об

ограблении виллы Ленарчика, потом виллы Дромадера, об автомобильных махинациях Пежачека и Квачковского, об известных мне случаях нелегальной пересылки долларов за границу, добавив, что, хотя и не знаю масштабов контрабанды, уверена, она является следствием паники среди валютчиков. Я честно призналась майору: о кражах я узнала от третьих лиц — не говорить же, что подруга насплетничала! — а тот факт, что пострадавшие — мошенники и тёмные дельцы, вычислила сама путём дедукции.

Скромность не помешала мне отметить произведённое на майора впечатление. Мои рассуждения были восприняты почти как сенсация века. Тем неожиданней прозвучал его вопрос:

— А почему, собственно, вы мне все это рассказываете?

Вот тебе и на! Нет, с милицией все-таки трудно разговаривать. Получается, выкладываешь все как на духу — и в результате тебя же только больше подозревают!

— А потому, пан майор, чтобы помочь вам распутать это запутанное дело. Ведь я же вижу, что вы меня в чем-то подозреваете, поэтому в моих интересах быстрее раскрытие дела. Узнаете правду — и тем самым с меня автоматически снимется вина. А ещё я вам чистосердечно рассказываю все в надежде и от вас кое-что узнать. Поверьте, происходящее интересует меня не меньше вас, мне совсем не нравится быть замешанной в том, о чем я не имею ни малейшего понятия.

— Разве вы не можете обо всем просто узнать от своих знакомых?

— Обо всем не могу. От знакомых я узнаю по кусочку, и это лишь ещё больше меня запутывает. Обо всем знаете лишь вы.

— Ха-ха! — вырвалось у майора с горьким сарказмом. — Я все знаю! Нашли время шутить!

— Какие там шутки! Мне тоже не до них. Почему вы считаете, что все эти преступления совершают мои знакомые? Были они до сих пор порядочными людьми, а тут что-то на них нашло? Интересно, с чего бы?

— Вот-вот! — подхватил майор, вмиг забыв о горьком сарказме. — Именно, с чего бы? Что-то произошло, и я головой ручаюсь — вы знаете что. Ведь вам известно много, поразительно много, и все через ваших знакомых. Постарайтесь вспомнить событие, которое настолько повлияло на них, настолько изменило характеры, что заставило пойти на преступление. Ну?

— Не знаю ничего такого, — мрачно ответила я. О тайне Мартина я майору не сообщила, решила не выдавать её ни за какие сокровища в мире, раз уж обещала. Не сообщила и о вонючке, о ядерщиках, о знамени, но

вряд ли все это можно зачислить в разряд событий. — Да, вот вы сказали: заставило их пойти на преступление. О каком преступлении вы говорите? Если об убийстве Дугкевича — исключено. Ни один из моих знакомых не способен на это. Другое дело — валютчиков обирать, но тоже сомневаюсь, ни один из них для этого не годится.

— Может, сам и не годится, так наймёт таких, что годятся.

— Таким надо платить. Откуда им взять деньги?

— И вы считаете, что, например, пану Ракевичу тоже неоткуда взять?

Я задумалась. Если честно, Гавел частично соответствовал образу предполагаемого злоумышленника, но только частично, поэтому было бы непорядочно все подозрения направлять на него.

— Пан Ракевич найдёт, откуда взять, — пришлось признаться. — Но я не вижу абсолютно никакой причины, ради которой он, умный и расчётливый, ввязался бы в эту глупую историю. Зачем ему это? Такой риск, такие хлопоты, столько опасностей — и ради чего? Денег у него и так куры не клюют. А если даже Гавел и ввязался, то как вы объясните деятельность благородного Вишневого? Здоровая конкуренция?

— Надо различать две стороны аферы, — вдруг сказал майор, напряжённо вглядываясь в какую-то точку за моей спиной. — Одна охватывает чёрный рынок и его деятелей, другая крутится вокруг вас. Где-то они сходятся, стыкуются, так сказать. Я твёрдо уверен, мне вы не сказали правды, что-то скрываете, готов даже допустить — скрываете неумышленно. Рассказали вы порядочно, благодаря вам для меня многое прояснилось. Что ж, подожду, может, припомните и остальное. И очень просил бы сделать это поскорее. А сейчас я спущусь вместе с вами за запиской.

Я ничего не ответила, неприятно удивлённая излишней проницательностью майора. Мы спустились к машине, и мне удалось разыскать в бардачке донос на Рябого. Записка даже не очень помялась. На вопрос, какого числа её воткнули за «дворник» на ветровом стекле, я смогла ответить довольно точно: на следующий день после того, как Павел вывихнул ногу. Павел получил бюллетень на три дня, так что дату легко установить у него на работе. Майора такая информация как будто удовлетворила.

* * *

Не успела я упорядочить мысли после интересного разговора с

майором, как на следующий день позвонил Лёлик.

— Слушай! — В трубке метался его полный панического страха голос. — Слушай, случилось такое... Такое страшное... я... Я получил... Я сегодня получил...

— По морде? — не выдержала я.

— Что? Нет, не по морде. Слушай...

— Да слушаю же!

Лёлик безуспешно пытался справиться с охватившим его ужасом и в то же время информировать о нем в законспирированной форме. Его драматический, прерывистый шёпот и не совсем исправный телефон делали нашу беседу весьма тягостной.

— Может, это... утка, ты как... думаешь? Хотят меня разыграть? — допытывался он.

Я не расслышала толком, но из того, что он мне сказал, живо представила себе смертельно перепуганного, взъерошенного Лёлика с живой взъерошенной уткой в руках.

— А утка какая? — пыталась я уточнить и хоть что-то понять.

— Заказная, — замогильным голосом ответил Лёлик.

Услышав такое, я утвердилась в мысли, что Лёлик явно не в себе. Поэтому больше не стала ни о чем спрашивать, на всякий случай только предупредила:

— Учти, я её щипать и потрошить не буду, так что на это не рассчитывай.

Кажется, Лёлик был так же ошарашен, как и я.

— Что? Кого щипать? Зачем её щипать? Как это... Я не понимаю...

— Я говорю, что не собираюсь щипать твою утку.

— Какую утку?

Боже, пошли мне терпения!

— Ты же сам только что сказал, что получил заказную утку. Неужели живую?

— Да нет, почему живую? Мёртвую! То есть не очень... Запечатанную. То есть не то... Слушай, может, я лучше приеду к тебе?

При мысли, что ко мне домой явится не совсем нормальный Лёлик с какой-то странной птицей, стало не по себе. Лучше не рисковать.

— Пожалуй, лучше я сама приеду к тебе! — твёрдо сказала я. — Ты из дому говоришь?

— Что ты! Как можно? Я говорю из... из этой... ну, из конуры.

— Откуда?!

— Тише, не кричи так! Я специально звоню из ко... то есть будки.

— Но домой-то ты вернёшься?
— Не знаю... Вернусь, наверное... Ну да, вернусь, конечно.
— А где ты сейчас?
— Я же сказал — в ко... то есть в будке.
— Это я уже поняла, господи боже мой! А где твоя конура... Тьфу! Где твоя будка находится?

— На улице.
Не надо нервничать, не надо на него кричать. Он и так чем-то расстроен. Попробую говорить с ним спокойно и ласково.

— На улице, хорошо. А на какой?
— Когда тут целых две улицы...
— На перекрёстке, что ли?
— На пере... Нет, до перекрёстка ещё немного...
— Очень хорошо, значит, не на самом перекрёстке. Тогда на какой улице?

— На... ну... на... как её... улица Круча.
— Вот, молодец, улица Круча. Значит, недалеко от твоего дома?
— Нет, близко. Я звоню из ближайшей будки. Выбежал на улицу и звоню. Сейчас вернусь домой.

— Замечательно. Я буду у тебя через пятнадцать минут. Иди домой и жди меня. Никуда не выходи. Пока!

— Пока! — слабым, как эхо, голосом отозвался Лёлик, видимо совершенно не способный самостоятельно что-либо предпринять.

Наверное, все время, пока я ехала, он ждал меня под дверью, потому что распахнул её, прежде чем я сняла палец со звонка.

— Так что же ты получил? — уже с порога спросила я.
— Ти-и-ше! — нервно прошипел Лёлик. — Я ничего не понимаю и теперь не знаю, как быть. Вот, получил бандероль, распечатал — и видишь... Может, это шутка, ты как думаешь?

Войдя в комнату, я увидела на столе довольно большой разорванный конверт, из которого высовывалась толстая пачка стодолларовых банкнотов. Настроившись на утку или какую-то другую домашнюю птицу, я в первый момент ничего не поняла, безмолвно переводя взгляд с Лёлика на доллары и обратно.

— Что это значит? Ты нашёл свои доллары?
— Как это нашёл? Ничего я не нашёл, и вовсе я их не нашёл, — волновался Лёлик. — Где я их мог найти? Это пришло по почте. То есть нет... не так... по почте пришло извещение, домой пришло, понимаешь? Я пошёл на почту, а там получил это! На почте? Понимаешь?

— Сегодня?

— Сегодня.

Я молчала, а Лёлик смотрел на меня, как на редкость непонятливый баран на какие-то потрясающе новые ворота.

— Кофе бы сделал, что ли, — наконец сказала я. — Мне надо подумать.

Не сводя глаз с разорванного конверта, я присела на диван, а Лёлик послушно протопал на кухню. Надо отдать ему должное, возился он не так уж долго, но я успела прийти к решению и, когда он появился с кофе, сказала:

— Избави тебя бог прикосаться к этому. Запомни: ни под каким видом не смей больше к этому прикосаться.

От ужаса Лёлик уронил сахарницу.

— Ты думаешь... Ты считаешь... Ты думаешь, они чем-то пропитаны? Отравлены?

— Я считаю, что на банкнотах могли сохраниться отпечатки пальцев. Видишь, там есть совсем новенькие купюры. Так вот, на них и могли остаться отпечатки. На старых искать без толку, конверт наверняка весь будет в отпечатках пальцев почтовых работников, а вот на новых, может быть, и найдётся что стоящее. Надеюсь, ты не пересчитывал их?

— Ну что ты! Я распечатал, увидел и напугался! И сразу побежал звонить тебе.

— Правильно сделал. А теперь сразу позвони в милицию. Тому капитану, который занимался твоим делом. Фамилия капитана Ружевич. Вот тут у меня записан номер его телефона. Звони!

Лёлик от волнения поперхнулся кофе и прыснул им на стол, забрызгав конверт с долларами. Этого ещё не хватало! Теперь на вещественном доказательстве появились совершенно новые лишние следы. Я изо всех сил стукнула этого недотёпу по спине. Помогло. Он обрёл голос и жалобно простонал:

— Как это... в милицию. Они мне не поверят... Посадят меня... отберут деньги...

Трудно описать, какие понадобились сверхъестественные усилия для того, чтобы убедить его в необходимости такого шага. Ему же лично, твердила я, не грозит ни конфискация имущества, ни посылка на галеры, ни заточение в темницу, ни топор палача. В конце концов он мне поверил, но был слишком слаб, чтобы поднять телефонную трубку.

Пришлось позвонить самой. Я набрала номер капитана Ружевича. Если его не окажется на месте, думала я, мне скажут, где его найти.

Капитан оказался на месте.

Майор Фертнер осчастливил коллег полученной от меня информацией, и вот теперь капитан с помощью поручика Петшака прорабатывал некоторые из своих гипотез. Наличие широкомасштабной операции по ограблению дельцов чёрного рынка не вызывало сомнений, дебаты возникали лишь по вопросам методов краж и целей, которыми руководствовались преступники. И капитан, и поручик проявили к происходящему чуть ли не личный интерес, усматривая в афёрах на чёрном рынке прямую связь с ограблением Лёлика, чьи ненайденные доллары тяжким грузом отягощали их профессиональную честь. Поручик по привычке вживался в образ то одного, то другого деятеля чёрного рынка, что давало интересные и обнадеживающие результаты. Он занимался этим с самого утра и создал уже галерею самых разнообразных персонажей, но тут их творческие поиски прервал телефонный звонок.

— Капитан Ружеви́ч? Говорит Хмелевская. Я звоню из квартиры Рокота. Лучше будет, если вы немедленно приедете и сами все увидите...

Реакция капитана была для меня неожиданной.

— Не хотите ли вы сказать, что обнаружили его труп? — спросил он вежливо-зловещим голосом.

Я невольно взглянула на Лёлика. Он действительно от треволнений был чуть жив, но все-таки жив.

— Нет, — успокоила я капитана. — Пока нет. Он получил бандероль с долларами. Вот, лежит на столе. Да нет, бандероль лежит, а не пан Рокош. Мы к ней не прикасаемся, может, вы найдёте там отпечатки пальцев или ещё что. Вот я и подумала, лучше будет вам самим приехать и посмотреть, а не нам везти её в управление. Как вы считаете?

— Выезжаю! — бросил в трубку капитан.

Они с поручиком приехали через полчаса, прихватив с собой и специалиста по дактилоскопии. Очень интересно было наблюдать за тем, как специалист пинцетом прихватывает банкнот, посыпает его порошком, фотографирует и что-то ещё непонятное делает с ним. Тут выяснилось, как умно я поступила.

На нескольких почти новых стодолларовых банкнотах проявились отпечатки пальцев, немного смазанные, но даже для меня отчётливо заметные. А два так и вовсе были в прекрасном состоянии. Капитан не мог скрыть удовлетворения, поручик — тот просто сиял от счастья, Лёлик сидел на диване и клацал зубами.

— Когда и как вы это получили? — приступил капитан к допросу.

— Сегодня! — Лёлик вскочил с дивана. — На почте. То есть нет, в

ящике это было...

— Поместилось в почтовом ящике? — удивился поручик.

— Нет! То есть да, конечно, поместилось! Извещение. Потом я пошёл на почту и получил это. То есть не сам получил, пани в окошечке мне дала, ну, я принёс домой и распечатал. Здесь распечатал, на столе, немного вывалилось, и я вообще ничего не понимаю, я этого не отправлял...

— Понятно, — мягко подтвердил капитан. — Вы не отправляли, вы получили. Мы это поняли. Бандероль была заказная?

— Да, конечно, заказная, я показал паспорт, то есть показал его на почте, не так просто, там переписали, то есть не это переписали, а паспортные данные...

— А почему конверт так сильно разодран? Он был чем-то заклеен?

— Я его не раздирал! — отчаянно крикнул Лёлик. — То есть разодрал, но я не хотел... То есть хотел, но не так сильно...

Я испытала угрызения совести. Надо было заранее заодно уж убедить его и в том, что за вскрытие писем человека в очень редких случаях приговаривают к высшей мере. Капитан посмотрел на него и отказался от дальнейших расспросов.

— Конверт был заклеен полоской поля от марочного листа и разорвался рядом с заклеенным краем, — объяснил специалист по дактилоскопии. — Конверт не новый, уже употреблявшийся ранее. Вам, думаю, интересно знать, что в этом конверте было раньше?

— Не помешает. Передайте экспертам. Вы уже закончили?

— Да. Пока я ничего из него больше не выжму.

Капитан взял конверт в руки, перевернул на другую сторону, прочёл адрес отправителя и с совершенно каменным лицом произнёс:

— Ну, разумеется. Станислав Вишневский.

В комнате воцарилось тяжёлое молчание. Мы с поручиком молча тараторчили на капитана. Лёлик не выдержал:

— Я... я... я не знаю его! Кто это такой? Клянусь вам, не знаю я никакого Вишневского!

— Никто его не знает! — буркнул поручик. Капитан же взглянул на поручика, потом на меня, потом опять на поручика, сообщив ему взглядом нечто, понятное лишь им одним. Поскольку с Вишневским у меня не было ничего общего, я не ощутила ни малейшего беспокойства. Затем капитан внимательно осмотрел почтовый штемпель на конверте и с каким-то злобным удовлетворением объявил:

— Кажется мне, дело понемножку проясняется. Не исключено, что уже в самом скором времени мы все будем иметь возможность

познакомиться с этим Вишневым. А пока давайте оформим протокол...

* * *

Между тем поручик Гумовский не терял времени даром. Ему удалось получить кое-какую новую информацию, и он немедленно передал её майору Фертнеру. Из отрывочных, запутанных, порой противоречивых данных майор пытался выделить рациональное зерно.

Так, например, одному из подчинённых поручика, внедрившемуся в мир подпольного бизнеса, довелось стать свидетелем интересного события. Его подопечный, удачливый и предприимчивый делец, заметная фигура на чёрном рынке, получил предложение реализовать десять тысяч зелёных по чрезвычайно выгодному курсу. На этой сделке он одним махом мог заработать чистыми сто пятьдесят тысяч злотых. Поэтому сотрудник милиции был весьма удивлён, узнав, что делец, никогда не упускавший своего, не только сам не уцепился за это выгоднейшее дело, но даже и не препятствовал конкурентам его перехватить. Повышения цен в ближайшее время не предвиделось, так что нежелание заграбастать сто пятьдесят тысяч представлялось совершенно необъяснимым. Сотрудник милиции даже рискнул осторожно поинтересоваться у валютчика, с чего это тот вдруг проявил столь странное воздержание. Ответ был откровенный и исчерпывающий:

— Нутром чую — тут что-то не то.

— Что же?

— Да уж я чую, меня не проведёшь.

И больше от него не удалось ничего добиться. Далее, как сообщил агент, события развивались следующим образом. Сделку провернул другой валютчик. Встретив через несколько дней своего подопечного, валютчика с чувствительным нутром, агент был поражён: никогда ещё он не видел его в столь великолепном настроении. Тот просто сиял от радости и без всякой видимой причины время от времени разражался весёлым хохотом. Торжествующее удовлетворение так его распирало, что он позабыл обычную сдержанность и поделился с агентом причиной радости:

— Помнишь, фраер хотел спустить штуку зелёных? Я ещё говорил: нутром чую, дело пахнет керосином.

— Помню, а что?

— А то, что на крючок попался этот недоумок Чёрный Ясь. Плакали его денежки. Ха-ха-ха!

— Неужели?

— А то! Может теперь свою штуку на гвоздике в сортире повесить.

— Как же это произошло?

— А ты у него спроси. Моё дело маленькое. Я говорил — плохо пахнет.

Заинтригованный сотрудник милиции стал искать подходы к Чёрному Ясю, который на самом деле был рыжим и прозывался Зигмунтом. Ясь пребывал в ипохондрии и избегал общества, удалось выйти лишь на его приближённых, которые туманно давали понять, что причиной чёрной меланхолии явились большие материальные потери. Агент не стал докапываться до сути, поскольку материальные потери валютчиков не относились к проблемам, которые лишали сна работников милиции. В то время ещё никто не мог предполагать, насколько данное обстоятельство окажется важным для расследования всей валютной аферы.

Из Гдыни поступило сообщение о на редкость дерзком ограблении. За ресторанным столиком два гражданина спокойно и культурно проворачивали сделку по обмену одних денежных купюр на другие. Неожиданно к ним подсели два длинноволосых хиппаря в тёмных очках.

— Спокойно, милиция, — сказал один из них.

Граждане онемели. Хиппари быстро, с ловкостью профессионалов, изъяли купюры, молча встали и покинули ресторан, прежде чем граждане успели прийти в себя. Один из них, правда, сделал тут же попытку поднять крик, но второй немедленно эту попытку пресёк. Дезориентированные словом «милиция», сидевшие рядом телохранители не рискнули вмешаться.

Из Щецина сообщили: два бородатых молодых человека с длинными волосами и в тёмных очках бесшумно возникли у стоявшего в плохо освещённом месте автомобиля и, угрожая каким-то тёмным предметом, отняли валюту у сидящих в машине, которые как раз эту валюту пересчитывали. Сидящие в машине воздержались от криков: «Милиция!», «На помощь!» В Гданьске местом деятельности злодеев стал мужской туалет. Именно там один из валютчиков только что получил крупную партию товара и тут же был избавлен от него упомянутыми злодеями. О происшедшем можно было догадаться по нескольким словам, вырвавшимся у валютчика под действием шока сразу после происшествия, а потом он молчал как рыба.

Весть о двух таинственных бородатых и патлатых грабителях в тёмных очках передавалась по секрету от валютчика к валютчику, доходя и до агентов Гумовского. Чёрный рынок всполошился. Теперь валютчики отваживались совершать свои сделки лишь в специально для этого

приспособленных помещениях — надёжных притонах и проверенных квартирах. В ответ обнаглевшие налётчики предприняли уж и вовсе беспрецедентную по нахальству акцию. Как только клиент, совершив крупную сделку, покинул малину (а это была комната в очень надёжной квартире), туда прибыла милиция. Два милиционера в форме предъявили ордер на обыск, подписанный прокурором и заверенный печатями с государственным гербом. Застигнутый врасплох валютчик не обратил внимания на то, что на печатях орлы были в коронах. К тому же работники милиции инкриминировали перепуганному дельцу торговлю наркотиками. Честный валютчик, который торговал лишь долларами и золотом, а наркотиков и в глаза не видел, окончательно струхнул и поэтому даже радовался, когда при обыске были обнаружены только менее страшные вещественные доказательства.

Милиция составила протокол, велела его подписать всем находившимся в квартире, не исключая и полумёртвой от страха домработницы, и удалилась, унося с собой трофеи и все документы. Удручённый делец стал с трепетом ждать санкций. С ними почему-то не торопились. Прошло довольно много времени, пока он понял, что его попросту провели. Ясное дело, ни он, ни услужливый хозяин квартиры ни словечка не проронили о случившемся. Проболталась домработница. Кстати, это она, единственная, заметила, что орлы на милицейских документах были с коронами. Кружным путём весть о действиях фиктивной милиции дошла и до поручика Гумовского.

К нему сходились сообщения о подобных акциях со всех концов Польши. Схема действия в основном была одна и та же: два патлатых троглодита беззастенчиво, с большим знанием дела обирали валютчиков, подгадывая, как правило, к моменту заключения сделок, умело нейтрализуя охрану и унося солидную добычу. Никто их не знал, никому не удавалось напасть на их след.

* * *

Идея с распространением фотографии Дуткевича оправдала себя. Официант из «Гранда» в городе Сопоте опознал на фотографии человека, которого видел однажды в обществе своего постоянного клиента. Поскольку этим постоянным клиентом оказался валютчик, уже давно бывший у милиции на примете, его отыскивали и припёрли к стенке. Припёртый к стенке клялся и божился, что человек на фотографии ему

совершенно незнаком. Однако, поскольку официант видел их вместе, не исключено, что когда-нибудь он и выпивал с этим человеком, поскольку же выпивать ему доводилось частенько, он решительно не в состоянии упомянуть всех собутыльников. Нет, этого он категорически не помнит, не знает и не имеет понятия, кто таков.

Приблизительно то же самое говорили и другие деятели чёрного рынка, допрошенные на предмет фотографии. Нет, этого человека они не знают, никогда не видели. Все они так решительно и единодушно отрекались от Вальдемара Дуткевича, что представителям следственных органов приходилось читать, так сказать, исключительно между строк. Они уже не слушали того, что им говорили, а лишь внимательно следили за выражением лица собеседника, прислушивались к тембру голоса, ловили невольный блеск глаз и дрожь пальцев.

И майор Фертнер, и поручик Вильческий стойко придерживались своей версии, для подтверждения которой очень важным было найти людей, знавших Дуткевича, поэтому они не давали покоя поручику Гумовскому, который в свою очередь не давал покоя своим подчинённым. Последние, совершенно отчаявшись, стали предъявлять для опознания фотографию Дуткевича уже совсем кому ни попадя и попали-таки на человека, который наконец мог сообщить о покойном конкретные сведения.

Этим человеком оказалась киоскёрша из книжного киоска на улице Бельведерской.

— Знать-то я его не знаю, — задумчиво протянула она, разглядывая фотографию, — но вот видеть видела, факт.

— А можете вспомнить, когда и где? — с внезапно вспыхнувшей надеждой спросил сотрудник милиции.

— Когда — точно не скажу, с месяц, пожалуй, будет, как видела. А где — известно где, вот тут, сигареты у меня покупал, потом газету, потом спрашивал, сколько времени. Часы у него остановились. Крутился вокруг киоска, одно слово — околачивался, вроде как ожидал кого. А мне делать было нечего, покупателей в ту пору не было, вот я и смотрела на него. А ещё — часы у него ну точь-в-точь как у шурина. Они у него остановились, он подошёл к окошечку, спросил, который час, и стал подкручивать. Дорогие часы, шурин дал за них четыре тыщи, как раз премию получил, вроде швейцарские, не только время показывают, тоже вот какое сегодня число...

— Четырнадцатое, — ответил немного удивлённый сыщик.

— Что?

— Говорю, что сегодня четырнадцатое...

— А я и сама знаю, какое сегодня число. Это я про часы рассказываю, на них видно, какое число сегодня. И тому подобные стороны света. Магнит в них, что ли. Я в этом не разбираюсь.

— А дальше что было?

— А ничего. Шурин до сих пор их носит.

— Уже не носит, — механически поправил её сыщик, который в этот день опросил двадцать человек и у которого к вечеру в голове все перемешалось. Неудивительно, что возникший сверх программы шурин у него невольно ассоциировался с погибшим три недели назад Дугкевичем.

— Что вы говорите? — ужаснулась киоскёрша и даже высунулась в окошко. — Такие дорогие часы! Что же с ними случилось?

Сотрудник милиции спохватился и исправил невольную ошибку:

— С часами ничего не случилось, — успокоил он женщину. — Случилось вот с этим человеком на фотографии.

— А! И поэтому вы его разыскиваете?

— Да, поэтому. Ну и что было дальше? Вы остановились на том, что он околачивался тут, у киоска.

Киоскёрша втянулась в киоск и уселась поудобнее.

— И что за жизнь такая, — вздохнула она. — Живёт человек себе, живёт, а потом с ним что-то случается... Ну, дождался он.

— Чего дождался?

— Не чего, а кого. Приехал тут один на машине, вишнёвого цвета, они оба сели и уехали.

— А того, который приехал, вы видели? Может, случайно запомнили его?

— Запомнила, как не запомнить. Он вышел из машины и купил у меня сигареты. Шикарный мужчина. Молодой, кровь с молоком, такой, знаете, видный из себя, представительный, не замухрышка какой-нибудь. Одет очень прилично. И зуб у него золотой. Да, ещё и перстень вот такой на пальце, тоже золотой, с камнем, сразу видно — настоящий. Большой такой камень!

— Ну а сам-то он как выглядел? Тот, что в машине приехал? Блондин, брюнет, лысый?

— Какое там лысый! Дай бог всем столько волос! Чёрный, совсем чёрный, и причёска высший класс, вся голова завитая, а лицо так и пышет здоровьем, румянец во всю щеку, одно удовольствие смотреть. Говорю вам — шикарный мужчина. А моя дочка уж такого дохляка себе выискала, худющий да бледный, смотреть не на что, ни пёс, ни выдра...

Сыщик не перебивал разговорчивую киоскёршу, терпеливо выслушав

её жалобы на неказистого зятя и всякое другое, зато был щедро вознаграждён, ибо узнал много полезного для дела. Оказывается, машина была достойна своего хозяина, тоже шикарная и вишнёвая, камень в перстне пурпурный, а что касается золотых зубов, то она твёрдо ручается лишь за один, других увидеть не удалось, зато этот один блистал на самом что ни на есть переднем плане. Итак, был выявлен один-единственный контакт покойного Дуткевича, зато с таким заметным мужчиной, найти которого наверняка не составит труда.

И в самом деле, дружными усилиями людей Гумовского в рекордно короткий срок было установлено, что этим блистательным красавцем был некий Золотой Стась, активный, но негласный помощник одного из самых могущественных королей чёрного рынка. Король проживал в роскошной вилле на улице Рощинского, держал в руках все крупнейшие валютные операции, но его никогда не удавалось поймать с поличным. Майор Фертнер был чрезвычайно доволен полученной информацией.

Сопоставив все данные, поступившие в его распоряжение, майор Фертнер окончательно убедился в правильности своего предположения — связь между отдельными афёрами не подлежит сомнению. И он вновь созвал оперативное совещание, участниками которого были те же лица, что и в прошлый раз.

Поручик Петшак ознакомил собравшихся с результатами своих перевоплощений. Результаты оказались потрясающими. Благодаря им рассеялись последние неясности и тройное преступление предстало как единое целое.

Довольный майор приступил к изложению своей версии:

— Итак, если следовать хронологии, события развивались следующим образом. Некто принимается нелегально переправлять валюту за границу. Сначала, очевидно, собственную, а потом, когда она кончилась, начинает добывать её путём ограбления. Крадёт у Рокоша, крадёт у этого, как его, Ленарчика, крадёт ещё у нескольких дельцов, о которых мы не знаем, так как они хранят молчание, и даже Хмелевская о них не слышала. Затем он принимается нападать на валютчиков с помощью Дуткевича и нанимает двух бандитов. Обратите внимание на следующие обстоятельства: а) он располагает точной, проверенной информацией и б) обирает лишь мошенников. Пройдись мы по его следам — уверяю вас, собрали бы неплохой урожай.

Гумовский пробурчал:

— Мне это тоже приходило в голову.

— Валютчики в панике, — продолжал майор. — Они расшифровали

Дуткевича и тоже наняли двух бандитов — может быть, тех же самых, потому что перед смертью Дуткевич их узнал.

— Вряд ли, — усомнился капитан Ружеви́ч. — Для этой цели проще использовать кого-нибудь из телохранителей. А их телохранителей Дуткевич мог видеть, когда обдeldывал свои дела, и перед смертью узнал.

— Возможно. И мы должны их найти любой ценой. Из тех, что у нас на заметке, многие уже проверены. Надо расширить поиски. Теперь вот узнали о Золотом Стасе, следует его поприжать. Ты получил наконец отпечатки его пальцев?

Гумовский тяжело вздохнул:

— Сегодня отправил в лабораторию. Скоро в нашем распоряжении будет целый набор, мои парни стараются. Крадут направо и налево.

— Что крадут?

— По большей части стаканы в забегаловках и прочих значных местах. Со стаканов легче всего снять. Нам нужны отпечатки пальцев тех валютчиков, кого ещё нет в нашей картотеке.

Вильчевский невольно бросил подозрительный взгляд на свой стакан с чаем. Гумовский это заметил.

— Не волнуйся, они потом подбрасывают их обратно. Иногда путают забегаловки, но количество посуды сходится.

— Не отвлекайтесь, идём дальше, — призвал к порядку майор. — Смазанные отпечатки на долларах, возвращённых Рокошу, принадлежат, как установлено, Лысому. Это что ещё за святой Миколай?

Гумовский покачал головой.

— Мелкая сошка, иногда отваживается на самостоятельный шаг, но чаще на посылках у других. На редкость злобный тип. Доллары Рокоша он в руках держал, но скинуть мне на этом месте, если он их ему отослал.

— Так ты его прощупай. И вот о чем мне ещё хотелось сказать. Операцию с долларами обязательно кто-то должен возглавлять, уж очень хорошо продуманы и точно рассчитаны все ходы. Боюсь, до шефа мы доберёмся только под конец, но искать его должны уже теперь, искать всеми доступными нам средствами.

— Мне кажется, на эту вакансию так и просится Хмелевская, — высказал капитан то, о чем уже давно думал. — Не может быть, чтобы во всей этой истории она не сыграла своей роли, и, сдаётся мне, её роль — главная. Все крутится вокруг неё, валютчики вмиг её вычислили. Я бы с неё глаз не спускал.

Майор покачал головой. Он согласен с капитаном в отношении глаз, убеждён, что именно в моем окружении следует искать преступников, о

чем свидетельствует хотя бы Рябой на ветровом стекле, но моё непосредственное участие в афёре ему представляется сомнительным.

— Нельзя идти на поводу у внешних обстоятельств, — аргументировал майор. — Мало ли что крутится! И потом, вспомни, ведь лишь благодаря ей мы узнали столько важных фактов! Сама она не крутит, не обманывает, все, о чем сообщила, подтвердилось при проверке. У меня есть идея.

— У меня тоже есть, — не унимался капитан. — Адрес на своих бандеролях Вишневский писал от руки, таможенные декларации на контрабандный товар заполнялись тоже вручную. Надо у всех знакомых Хмелевской взять образцы почерка...

— ...и ты сам отнесёшь их в лабораторию, а я останусь за дверью и послушаю, что тебе там скажут. Ты знаешь, сколько у неё знакомых?

— И отнесу. Пусть говорят. Уверен — среди них обнаружится тот, кто писал адрес. Пусть это немного трудоёмко...

— Немного!

— Зато верный путь. А твоя идея лучше?

— Не знаю, лучше ли, и, в общем, тоже трудоёмкая. Я предлагаю выявить, кто из наших знакомых валютчиков в последнее время исчез из поля зрения. И ещё: надо раздобыть кое-какие данные о телохранителях, мы уже говорили об этом. Думаю, будет толк.

— Лучше всего — сделать и то и другое. Пора наконец честно признаться: дело нам досталось до крайности запуганное. Настолько запутанное, что у меня уже голова идёт кругом.

— Что же тогда мне говорить? Тебе хорошо, твоему пострадавшему возвратили украденное, можешь ставить точку. Какое тебе дело до остального?

— Какое мне дело? — В голосе капитана прозвучала нескрываемая обида. — Я желаю знать, кто обокрал Рокоша и почему вернул ему похищенное. Я желаю знать мотивы поведения преступника. Из-за этого мерзавца я не могу спокойно спать и работать, а ты спрашиваешь, какое мне дело! В сторону я не отойду, и не надеюсь!

— К сожалению, он перестал грабить, вот что плохо! — вздохнул Гумовский. — Продолжай он своё занятие — был бы уже у нас в руках. Так нет, пся крев, как ножом отрезал...

На следующий день экспертизой было установлено, что два чётких отпечатка пальцев на долларах Лёлика представляют визитную карточку Золотого Стася. Прижатый к стене, тот совсем перетрусил и ещё больше заблестел от пота, Стась попытался сначала все отрицать, но после очной

ставки с киоскёршей капитулировал и признался: было дело, однажды, по просьбе человека, которого, как он теперь узнал, звали Вальдемар Дуткевич, он один-единственный раз в своей жизни уступил немного долларов — своих собственных, приберегаемых на чёрный день. Он действительно встретился с Дуткевичем на Бельведерской, они действительно сели в его машину и обменялись деньгами, после чего упомянутый Дуткевич удалился вместе с долларами. Больше его Золотой Стась не встречал и не знает, где он. Не знает он также, каким образом его доллары оказались у гражданина Рокоша. Нет, просто не имеет ни малейшего понятия.

В ответ на вопрос, почему Вальдемар Дуткевич обратился за долларами именно к нему, Золотой Стась рассказал несколько баек, из которых неопровержимо следовало, что Дуткевича привели к нему таинственные, не поддающиеся конкретизации силы. Инсинуации поручика Гумовского о том, что во время сделки с Дуткевичем они подверглись нападению неизвестных злоумышленников, Стась с негодованием и категорически отмёл. Никогда в жизни он не подвергался никаким нападениям и вообще просил его избавить от подобных незаслуженных оскорблений.

— Скорее изойдёт потом, но не расколется, стервец, — прокомментировал его показания Гумовский. — Знает, что у нас ни доказательств, ни свидетелей нет. Видимо, это были деньги Дромадера, а не его, Дромадера же он боится больше, чем нас всех, вместе взятых.

Лысый оказался более разговорчивым. Он откровенно признался в том, что у него совершенно случайно оказалось немного долларов. Откуда? Подарил заграничный кузен. Так вот эти доллары он носил при себе в портмоне, ибо собирался поменять на чеки в государственном валютном магазине, но тут напали на него два бандита и отобрали их. Нападение произошло в Залесье, куда он отправился подышать свежим воздухом. Бандитов он описывал с воодушевлением, красочно и с такой ненавистью, что в искренность показаний просто нельзя было не поверить. Видимо, нападение на Лысого и изъятие у него долларов действительно имели место, и факт этот был достопримечательным, ибо являлся единственным случаем, когда жертва ограбления призналась. А так ведь, кроме Лысого, потерпевших больше и не было!

— В Национальный польский банк поступило больше ста тысяч долларов, — с горечью подытожил поручик Вильчевский. — За границу ушло как минимум в три раза больше. Никогда не поверю, что такую сумму носил при себе ограбленный в Залесье Кшачкевич.

— Отпираются без зазрения совести, — подтвердил Гумовский. — Капитан прав — дело нелёгкое. Да, кстати, удалось выяснить, кто отправлял бандероль Рокошу?

Вильчевский с неохотой удовлетворил любопытство. Девушка на главпочтамте, в дежурство которой была отправлена Вишневским бандероль, припомнила, что вроде отправлял её низенький дряхлый старичок с дрожащим голосом. Разумеется, обратный адрес был фиктивным. Удалось разыскать отправителей заказной корреспонденции, оформленной до и после Вишневого. Одним из них оказался юрист-пенсионер, дряхлый маленький старичок, отправлявший заказное письмо в Генеральную прокуратуру. Без очков он ничего не видел и вообще ни на что не обращал внимания. Нашли ещё двух человек, стоявших в очереди за старичком, одним из них был мужчина, который обратил внимание лишь на блондинку в соседнем окошечке. Второй очевидец, женщина, вспомнила, что перед ней стоял элегантный мужчина среднего возраста, в очках. Ей запомнилась его седоватая бородка клинышком и золотой перстень на пальце. Судя по квитанциям, между нею и старичком стоял именно Вишневский, значит, он и был элегантным мужчиной.

— Бороду отцепит, очки снимет, натянет на задницу старые джинсы — и вот он уже молодой брюнет из воровской шайки, — пессимистически заключил Вильчевский.

На этом и закончилось оперативное совещание.

* * *

На следующий день после того, как Лёлик получил назад утраченную было собственность, позвонила Баська и сообщила: в магазине на Сверчевского дают стаканы, расписанные под игральные карты, ей такие тоже хочется. Я захватила её по пути, стаканы мы купили, после чего я решила забежать в чистку на Вильчей за свитером, валявшимся там уже месяц — все забывала получить. Машину припарковала на левой стороне проезжей части, Баська осталась в машине, в чистку я отправилась одна.

Со свитером под мышкой подходила к машине, когда сзади послышался весёлый голос:

— Bonjour, madame!

Я повернулась — передо мной стоял Фелюсь.

С Фелюсем, чужестранцем неизвестной мне национальности и гражданства — звали его Лотар Уорден, я познакомилась несколько лет

назад в обществе Гавела и стала его, так сказать, «больным зубом» и вечным угрызением. Фелюсь принял меня почему-то за даму лёгкого поведения и, обнаружив ошибку, чуть ума не лишился от смущения. Ругательски ругал Гавела, допустившего, чтобы он, Фелюсь, так оплошал, просил у меня прощения на шести языках, выскочил из машины, накупил цветов, порывался либо повергнуться передо мной ниц, либо упасть на колени, а Гавел просто-напросто давился хохотом, всхлипывал и повизгивал так, что прохожие оглядывались. Именно Гавел почему-то окрестил его Фелюсем.

С того нелепого случая Фелюсь почитал святым долгом, приезжая в Польшу, звонить мне, пламенно умолял о прощении, рассыпался в почтительных заверениях, а не дозвонившись, все передавал через Гавела. Гавел, разумеется, комментировал в своём обычном стиле:

— Хи-хи! Этот кретин опять из-за тебя балабонит!

Вообще говоря, я лицезрела Фелюся не более трех раз в жизни. Сейчас увидела его четвёртый.

Невыразимо счастливый, он превосходным тройным, то есть французско-немецко-польским языком объявил, что на сей раз не успел мне позвонить, а потому пребывает в исключительном восторге по поводу нечаянной встречи. Приехал ненадолго, всего лишь на несколько часов, ибо не мог иначе войти в контакт с мсье Ракевичем, который в последнее время испытывал какие-то таинственные трудности с выездом из Польши. Я, конечно, могла бы ему шепнуть пару словечек насчёт этих трудностей и откуда они, да мне вовсе не хотелось. Фелюсь пожаловался: с мсье Ракевичем ему необходимо общаться по разным делам и непосредственная встреча порой просто необходима. Сейчас же, когда мсье Ракевич привязан к Польше, трудно согласовать взятые на себя обязательства.

— Пожалуй, главная сложность — решать денежные проблемы? — предположила я, хотя меня все это никак не касалось. — Пан Ракевич не может снимать со сче...

— Да что вы! — живо прервал меня Фелюсь по-польски. — Тут никаких трудов! Никакой чутошки. Динежки есть, спокойная голова. У мсье Ракевича есть свой люди, доверенный, диньги можно брать чекам *in blanco* или пароль. Мсье Ракевич талант, знание дела, решения всегда точка!

Насколько я успела сориентироваться, по меньшей мере на трех языках Фелюсь объяснялся бойко, хромал у него только польский. Пользуясь этой великолепной лингвистической смесью, он дал понять: у них как раз наклюнулся гешефт, измышленный Гавелом, гешефт просто-

таки сногшибательный, а потому им безумно не с руки Гавелова «привязанность» к Польше. Фелюсь, как нанятый, вынужден мотаться самолётами туда-сюда, и, пожалуй, пора в оном деле навести порядок. Меня подмывало спросить, уж не собирается ли он сообразить для Гавела фальшивые документы, но это было бы слишком.

Посему я просто выслушала очередную порцию просьб о помиловании, попрощалась и села в машину.

— Чего он тараторил, этот экспансивный болван? — спросила Баська с беспокойством. — И вообще, кто такой?

— Дружок Гавела. По заграничным гешефтам. Ты все сама слышала.

— Я кое-как уразумела польские и французские обрывки, а остальное? Расскажи, меня здорово заинтересовали эти масштабные финансовые операции на расстоянии. Гавела сейчас не выпускают, это я уразумела.

— А деньги он все равно берет, когда надо, с разных своих счётов.

— За границей? И как это делается?

— Да просто. У него свои люди по всему свету, наверно, с его чеками in blanco, и, когда надо, банк предоставляет им суммы отдельными выплатами. Вероятно, в каком-нибудь банке Гавел сделал вклад на пароль и сообщил им. Там тоже деньги можно получить.

— А его не надувают?

— Не думаю. Ведь люди доверенные. Положим, как секретарь у миллионера или, например, главбух в какой-нибудь организации. Уж он подстраховался, не сомневайся.

Баська помолчала, достала из сумочки и закурила сигарету.

— Да поезжай быстрее, господи боже! — простонала она отчаянно. — То есть я хотела сказать... А что он говорил о каком-то деле excellent?

Я удивилась, но машинально прибавила скорость.

— Так и сказала бы, что спешишь. Не очень поняла: Гавел якобы состряпал великолепное дельце, не уточнил какое. Фелюсю надоело летать туда-сюда, и, по-моему, Гавел смотается по фальшивым документам. По ним же и вернётся. Любую слежку обведёт вокруг пальца.

— Боже! — У Баськи даже голос изменился. — Какую слежку?

Я не сочла нужным скрывать от подруги свои домыслы.

— А ты даже и не заметила, что мы все под колпаком? — ядовито улыбнулась я. — Забыла о покойнике Дуткевиче, да? Мы обе на подозрений и оказываем милиции большую услугу, разъезжая вместе.

— И Гавел тоже?

— Ну а как же? Был у Дуткевича его телефон или нет?

— Не знаю. Плевать на его телефон. Скорей домой. Час назад, неделю

назад мне надо было домой.

— Час назад ты сидела дома. Кран не закрыла или чайник на газу оставила? Баська, слушай, мне надо с тобой серьезно поговорить.

— Только не сейчас. — Баська как угорелая выскочила из машины. — То есть, прости, конечно, я вспомнила одно ужасное дело. Склероз, что ли, у меня? Завтра, послезавтра, когда хочешь, только не сегодня!

После этой скороговорки она рысью бросилась в подворотню; я повернула обратно.

Сопоставления напрашивались сами собой...

Вечером неожиданно явился Мартин. Смотрела я на него, смотрела, думаю, пусть сам сначала заговорит. Ситуация недвусмысленно созревала для взаимных объяснений.

Мартин сел, получил чай, закурил, замкнулся, ушёл в себя. Молчал долго-долго, и терпение моё лопнуло.

— Послушай, а ты не хочешь занять денег — видок у тебя такой... — выступила я поощрительно.

— Напротив, — вздёрнулся он. — Я скорее готов тебе дать взаймы.

Этого я никак не ожидала, даже растерялась:

— Ты, может... чуть-чуть того?

— Нет. Пожалуй, нет. То есть пока нет.

— Ну так в чем дело? Хочешь побережь деньги, отдав мне?

— Наоборот, изобретаю способ от них избавиться.

Я внимательно посмотрела на него и осторожно сказала:

— Избавиться от денег, вручив их мне? Мысль, бесспорно, замечательная. Мне ничего не стоит взять любую сумму и... фыють... Одна только заминочка: спущу все деньги, а потом возвращай тебе. Может, все-таки объяснишься определённое?

Мартин пустил колечко дыма и понаблюдал, как оно расплывается на пути к потолку.

— У тебя сохранился счёт в Ландсмандсбанке? — спросил он после довольно долгой паузы.

— Ага.

— А снять деньги со счета можешь?

— Да там не осталось никаких денег. Кабы были, то почему бы не снять. У Алиции два моих чека, подписанные на пароль. Сомнительно только, чтобы она потащилась в банк взять восемь крон с мелочью, по-моему, именно столько там осталось.

Мартин снова погрузился в длительное молчание. Заботы весьма ощутимо подавляли его.

— Дай номер своего счета, — вдруг воспрянул он. — Возможно, я перешлю туда кое-какую сумму, а после сниму. Пока ничего определённого, но вдруг понадобится! Конечно, в подходящее время я тебе об этом сообщу. Надеюсь, ты не против?

— Нет. Раз уж я числюсь у тебя особой, достойной доверия... А ты не считаешь, что подходящее время наступило?

— Извини, ты о чем?

— Да насчёт подходящего времени.

— Какого времени?

— Ну, кое-что объяснить друг другу. И не строй, бога ради, дурацкой физиономии, не спрашивай, о чем это я, не притворяйся удивлённым. Ты прекрасно знаешь, в чем дело.

— За физиономию я не отвечаю. А насчёт дела... — Мартин помолчал и как-то странно на меня посмотрел. — Твоя любовь к разным официальным организациям малость тормозит мою откровенность, — начал он брюзгливо. — Уж наверняка тебя потянет им исповедаться. А у меня ещё не испарились большие надежды, и я не намерен делиться ими с официальными организациями. Знать ничего не знаю и не понимаю, о чем ты. Хочешь облегчить мне жизнь — хорошо, нет — не надо.

Я отыскала в кипе бумаг старый календарик и назвала Мартину номер счета в Ландсмандсбанке. Все равно он ничего больше прямо не скажет, а я и так вообще и в частности сама догадывалась, на чем зиждется его великая надежда. Такая же великая надежда расцвела и во мне, наказывая терпеливо ждать. Мартин прав, что-либо конкретное мне знать ни к чему, ибо со всеми конкретностями помчусь к майору. А уж дедуцировать вполне могу про себя.

— Как поживает пожилой пан, о котором мы давненько не разговаривали? — спросила я как можно небрежнее. — Ведь он был в больнице...

— Жив, — холодно ответил Мартин.

— Как у него со здоровьем? Ему сделали операцию или ещё нет?

— Да. Пока жив.

— Буду крайне признательна, если ты время от времени будешь оповещать меня о его самочувствии.

— Ещё жив. Случится что — сообщу. Если представится возможность. Когда Мартин уходил, меня осенило сверхвдохновение.

— Знаешь, возьми у меня займы, — попросила я задумчиво. — Хоть пятьсот злотых.

Мартин повернулся уже в дверях.

— Зачем?

— Тебе видней. Хочешь, поставь на скачках. Или истрать на тотализатор. Или сходи в гости на покер. Выбирай любое.

— Покер, говоришь... Нет уж, предпочитаю скачки. Ладно, давай пятьсот злотых. Думаю, не стоит упоминать — при ближайшей okazji верну эти деньги. Насчёт фаворитов, на которых поставлю, не скажу, а то, не дай бог, удачу спугну. Ты уверена, что...

Я только скорбно кивнула и вручила ему пятьсот злотых. Разумеется, Мартин понял меня. Сотрудники майора присматривали за нами усердно, в чем я не сомневалась, и, если меня спросят про Мартинов визит и темы наших разговоров, надо же что-то отвечать. Лучше всего сказать правду. Закрывая за Мартином дверь, вдруг подумала: вот и я сознательно и действительно ввязалась в таинственное, клубящееся вокруг меня преступление, уже не на шутку беспокоившее меня.

В течение трех дней я пыталась изловить Баську — безрезультатно. На четвёртый день майор, как и следовало предположить, вызвал меня на очередной разговор. Он не кружил вокруг да около, не обвязывал факты розовой ленточкой, а поставил вопрос в лоб и не слишком доброжелательно:

— В конце концов, хотите вы нам помочь или нет?

— Хочу! — Я не колебалась, но и не стала уточнять, что хочу помочь по-своему и не на всех участках фронта.

— В таком случае прошу говорить правду. Четырнадцатого вы встретились с пани Маковецкой. На Вильчей к вам пристал какой-то тип. Вечером пан Тарчинский нанёс вам визит. Прошу изложить подробно: цели всех визитов и встреч, что, кто и кому говорил, в какой очерёдности и что из этого следовало. И давайте по-деловому, чтобы я не тянул из вас подробности клещами.

Не очень представляя себе, что успела нагородить Баська, я в деталях рассказала и про стаканы, закупленные на Сверчевского, и про чистку, и про Фелюся. Подробно объяснила, почему Фелюсь кается передо мной уже седьмой год. Что касается Мартина, я честно призналась, что зашёл он ко мне занять пятьсот злотых — собирается на скачки. Старательно опустила все насчёт Гавелова гешефта, внезапную Баськину спешку и всю первую часть разговора с Мартином. Совесть моя была спокойна — истинную правду выложу майору в своё время.

— И что? — заинтересовался вежливо майор, когда я закончила. — Пан Тарчинский выиграл на скачках?

— Не знаю. Я с тех пор его не встречала.

— Пан Тарчинский вовсе не пошёл на скачки. Не бывал на бегах уже много недель. Ваше мнение?

— Не знаю. Действительно, не бывает на бегах. Видно, просто сболтнул про этих фаворитов, благо программы читает регулярно. А вдруг неожиданно отказался от скачек или поставил на Праге, совсем не ездив на бега? Словом, я не в курсе.

— Он что, раздобыл список фаворитов?

— Если бы раздобыл, сказал бы мне. Сам прикинул.

— О поездке не упоминал?

— О какой поездке?

— Вообще о поездке. Не говорил о намерении уехать на пару дней?

Я забеспокоилась. Ни о какой поездке и речи не было. Надеюсь, Мартин в раже не перешёл нелегально границу?

— Ничего не знаю. О поездке не упоминал. А что? Разве он уехал?

Майор качался на стуле, задумчиво меня разглядывая.

— Итак, вы назначаете свидание пани Маковецкой впервые после убийства Дуткевича. Вместе с пани Маковецкой встречаете этого... Фелюся. Партнёра пана Ракевича. Пани Маковецкая тотчас возвращается домой, вызывает пана Тарчинского, пан Тарчинский мчится прямёхонько к вам, занимает у вас пятьсот злотых и уезжает в Свиноустье. Как объяснить такой пассаж?

У меня мелькнуло — тут какая-то ерунда, все получается шиворот-навыворот: майор объясняет мне больше, чем я ему, — чистый бред, в милиции такого ещё не бывало! Подловить меня старается?.. Да уж, подзапуталась я в своих хитросплетениях.

— А при чем здесь пан Ракевич? — невольно вырвалось у меня. — Да и Фелюсь — абсолютная случайность. И зачем Баська вызвала Мартина?

— Починить вилку у торшера. Так пани Маковецкая объяснила пану Тарчинскому по телефону своё приглашение.

Я буквально онемела. Мартин полный профан насчёт вилок и вообще электроприборов, тут мы с ним друзья по несчастью. Для меня и для майора было очевидно: вилка — просто предлог. Видать, какие-то слова Фелюся мощно потрясли Баську, Баська, вне всяких сомнений, заодно с Мартином, только на кой черт Мартин поехал в Свиноустье? Не собирается же он в самом деле переть через границу?..

— И он все ещё там? — забеспокоилась я. — В этом Свиноустье?..

— Нет, уже вернулся. Как вы думаете, зачем он туда ездил?

— Понятия не имею. А по-вашему, зачем?

— Прошу отвечать на мои вопросы. Как вы объясните эту

свистопляску — все с вас начинается и на вас замыкается?

— И в самом деле, — признала я правоту майора. — Опять все я: извлекла Баську из дома на встречу с сообщником Гавела, велела послать ко мне Мартина, сунула ему пятьсот золотых и отправила в Свиноустье. И разумеется, с какой-то целью. Пан майор, я, честное слово, вам искренне сочувствую — вы столько времени на меня убиваете... Будь я на вашем месте, а вы на моем, я бы вас непременно посадила для собственного спокойствия. Ну а свистопляску объяснить не могу. Фелюсь этот все карты путает, явился как чёртик из табакерки, нагородил чего-то ни к селу ни к городу, и теперь ничего не понять. Даже предположи мы, что Баська его знает и условилась с ним, почему он ждал на Вильчей? Ведь в чистку я попала случайно, об этом свитере вспомнила на обратном пути. Нет, Фелюся придётся исключить, даже если вся акция была организована заранее.

— Значит, вы полагаете, что пани Маковецкая его не знает?

— Совершенно верно, полагаю, она в жизни его не видела и никогда о нем не слышала.

Майор перестал качаться на стуле и упёрся локтями в стол.

— Хотел бы я знать, когда они вас доведут наконец настолько, что вы откажетесь от своей... лояльности, — сказал он раздражённо. — Не уразумели ещё, как вас закладывает компания драгоценных друзей? Что ни случись, подозрения всегда вертятся вокруг вас. Одно из двух: либо вы скрываете от меня что-то очень важное, либо вы — главная персона хорошо задуманного и разветвлённого преступления. Мне не хватает звеньев, которые явно у вас в руках.

В руках-то я кое-что держала, только далеко не все. Майор разгадал безошибочно, но чуток преувеличил.

— По-вашему, я прячу какую-то ниточку, за которую стоит потянуть — и мы вытащим этих двоих бандюг, убивших Дуткевича? — недовольно спросила я. — Может, я и Вишневского знаю?

— Вы знаете что-то такое, что сразу навело бы на след бандитов. Вишневский вам известен безусловно, ведь на ваших глазах валютчиков обчистили по меньшей мере дважды!

— Двоих налётчиков нанимал тот же тип который подговаривал всяких подонков протыкать баллоны в моей машине, — решительно заявила я. — Наконец-то все прояснилось — валютчики тоже считали нанимателем меня, поздравляю, у вас с жульём в этом вопросе полное единодушие. А ведь займись вы моими баллонами сразу, давно задержали бы его! Этот Арсен Люпен, так обижавший аферистов, и был Дуткевич,

либо Дуткевич ему помогал, а у валютчиков охраны хватает, всяких там бандюг и головорезов! В чем же дело? Милиция будто бы их не знает?!

Майор, не слушая меня, махнул рукой. Ему явно что-то пришло в голову.

— Стоп, вспомните хорошенько тот вечер. Когда вы поднимались к Дуткевичу, вам никто не встретился ни в дверях, ни на лестнице? Тишина полная?

Переключилась я быстро. Вопрос майора меня заинтересовал. Подтвердила — да, не видела, не слышала.

— Вы зашли в квартиру. Все время было тихо?

— Полная тишина.

— Двери оставили открытыми и в квартиру, и в комнату, ведь так? Вошли. Позади не слышали шороха?

— Пан майор, если бы я услышала шорох, жильцы всего дома услышали бы меня! Я и так тряслась со страху, что убийца крадётся за мной по пятам!

— Прекрасно. Пошли дальше. Вы не обернулись?

— Для кого прекрасно, а для кого и нет, — рассердилась я. — Ясно, оборачивалась. Удивляюсь только, как это я не осталась косоглазой на всю жизнь: одним глазом смотрела перед собой, а вторым — назад.

— А потом, когда звонили к нам, куда смотрели?

— На дверь. Вернее, в прихожую и на лестничную клетку — все двери были открыты навыворот. Смотреть ведь куда-то надо, а на покойника не хотелось.

— И ничего не заметили? Никакого движения? Ничего не мелькнуло?

— Ну, раз уж милиция застала меня в добром здравии, значит, не мелькнуло. По-моему, на эту тему я уже давала показания. Господи, да мелькни хоть кошка, я свалилась бы с сердечным приступом.

— А кошки случайно не было?

— Была. После.

— Минуточку, давайте по порядку. После звонка по телефону вы сразу вышли на лестницу?

— Сразу же вышла и села на ступеньку — ноги не держали. Дверь в квартиру немного прикрыла, да это все вы сами застали, пан майор.

— И что вы делали?

— Боже милостивый, что я делала?! Ничего! Курила и тряслась.

— Почему?

Я задумалась.

— Рассуждая здраво, бояться было нечего. Только вот атмосфера на

лестнице... Возможно, из-за того, что нервничала, но я прямо-таки кожей ощущала, что убийца где-то поблизости и вот-вот нападёт... Приблизительно такое состояние. А потом явился кот, и я немного успокоилась.

— Странная атмосфера, говорите... Может, действительно ощущали присутствие убийцы...

— Не преувеличивайте, пан майор, мало ли что в нервах навыводываешь, лезет всякая дурь... — охладила я майора. — Ведь не каждый же день натыкаешься на трупы...

— Нет, что вы, это не дурь, — оживился майор. — А вы небось хороший медиум?

— Боже, спаси и помилуй, ну и беседа! Не знаю. Когда-то и были такие склонности, лет в одиннадцать. Не знаю, осталось ли что теперь. Но учтите, вызывать духов ни за что не соглашусь!

— Я тоже. Минутку, а кот? Откуда взялся?

— Сверху. Прибежал с верхнего этажа. Испуганный, взъерошенный, и наверх не шёл, и меня боялся. Потом немного успокоился, после долгих уговоров даже позволил себя погладить. А позже убежал вниз.

— Черт, — не выдержал майор. — Что бы вам сразу-то не рассказать про кота! Подумать только, был совсем рядом! Сидел на чердаке...

— Кто? Кот или убийца?

— Да убийца, убийца!..

Я замолчала. Майор тоже молчал, глядя в пространство сквозь меня, буквально сквозь. У меня по спине пробежал холодок.

— Приснится в страшном сне, богом клянусь, — мрачно пробормотала я. — Не пронзайте меня глазами, прямо настоящий допрос третьей степени. Я признаюсь во всем, только перестаньте, пожалуйста.

Собеседник очнулся и снова стал майором.

— Итак, предупреждаю, если сведения, которые вы скрываете, будут выявлены без, подчёркиваю, без вашего участия, вас обвинят в сокрытии доказательств преступления, — сказал он решительно, хотя и слегка рассеянно. — Моё терпение лопнуло. Советую вам подумать об этом...

На следующий день мне удалось поймать Баську по телефону. Разных тем для разговора накопилось сверх всякой меры, я решительно потребовала встречи. Баська с минуту прикидывала свои планы.

— Послезавтра, — выдала она наконец. — У меня к тебе тоже несколько дел. Я смотрю на вещи реально, нам не хватит двух часов. Только послезавтра удастся высвободить столько времени.

Договорились встретиться в городе, в кафе «Мозаика» на Пулавской. Я

терпеливо ждала до послезавтра. В условленное время заняла свободный столик и уставилась на дверь.

Через два часа такого развлечения меня чуть удар не хватил из-за этой чёртовой Баськи. Было около десяти. Побежала к телефону и позвонила к ней домой.

— Баська где-то в Польше, — известил меня Павел озабоченным тоном. — Кажется, сидит в «Славянском», это недалеко от тебя. Извлеки её оттуда, сделай милость, я сам не могу, к утру перевод надо закончить. И так не уверен, успею ли.

— Откуда ты знаешь, что она в «Славянском»?

— Звонила оттуда, вернётся, мол, позднее. Велела тебе передать, где её найти, если позвонишь. Я звонил тебе домой, не застал. Она сомневается, отважишься ли ты пойти в этот пьяный бедлам.

— Справедливо сомневается, — проворчала я и оставила Павла в покое.

Злилась я чертовски, но что было делать? Если Баська сегодня нарежется, завтра попробуй-ка вытащи её. И я решила заглянуть в этот ужасающий притон, то бишь ресторан «Славянский», подъехала к стоянке на улице Мальчевского и поставила машину у магазина с красками.

В ресторацию проникла без препятствий, хотя и произвела, по-видимому, тяжёлое впечатление на постоянных посетителей: несколько человек за ближайшими столиками при виде меня резко оборвали разговор. Уже из холла через застеклённую дверь я увидела Баську. Она сидела почти в центре зала и оживлённо трепалась с двумя типами. По виду совсем трезвая. Зато рядом спал какой-то забулдыга: он вроде бы сидел по соседству, но при этом как-то частично перевешивался через спинку свободного стула за Баськиным столом. Я удивилась, как она его терпит — голову этот красавец сунул почти в их тарелки.

Пока я смотрела на неё, раздумывая, подойти или подождать, чтобы она меня заметила, спящий вдруг воскрес. Он тяжело привстал и, покачиваясь, побрёл к выходу, задевая и толкая все по пути. Я посторонилась, дабы освободить проход — пускай толкает что хочет, лишь бы не меня, — и машинально посмотрела ему вслед, когда он выходил на улицу. Затем пригляделась повнимательней.

Сразу за дверью шедший на бровях пьяница вдруг обрёл вполне трезвую осанку. Оставив за спиной насыщенную алкоголем атмосферу, он моментально превратился в обычного гражданина. Алкогольные пары в притоне и в самом деле ощущались интенсивно. Бывший забулдыга огляделся по сторонам абсолютно трезвым взглядом и резким спринтом

рванул вправо. Превращение это, впрочем, не так уж меня удивило — подумалось только, что сотрудники майора обязаны получать надбавку за вредность.

Я вернулась к двери и снова заглянула в зал. Баська увидела меня и жестами дала понять — сейчас, мол, выходит. Махнула ей, что подожду в машине на стоянке, обогнала очередного алкаша и опасливо вышла на улицу; я, верно, здорово пропиталась испарениями этой забегаловки — не дай бог, попадётся милиционер с чутким носом.

Подходя к машине, взглянула на освещённую заправочную станцию, вспомнила, что она работает только до десяти вечера, и около заправки увидела в телефонной будке чудом отрезвевшего забулдыгу. Он говорил по телефону. Узнала я его издалека по красному шарфу, повязанному вокруг шеи особенным манером.

Села в машину и терпеливо принялась ждать. Баська не приходила. Красный шарф кончил разговаривать, выскочил из будки и галопом помчался обратно в ресторан. Я глядела ему вслед за неимением более интересного объекта для наблюдений и все старалась угадать, что бы такое могла Баська ляпнуть. Видно, что-нибудь неслыханно важное, раз уж сотрудник майора в такой спешке помчался докладывать начальству.

Я задумалась и перестала обращать внимание на окружающее. Машина моя стояла под деревцем напротив магазина красок, я сидела спиной к Пулавской и лицом к стоянке. Вдруг перед моим носом заметался какой-то автомобиль. Выехал с Пулавской, уже на стоянке резко дал задний ход и с визгом затормозил у самого тротуара, около уже закрытого скверика со столами из «Славянского». Из машины выскочил субъект, хлопнул дверцами и понёсся в ресторан. 216 Меня насторожило не только это хлопанье. Внешность водителя жёлтого «опеля-комби» была неординарной: злобная рожа, торчащие рыжие волосёнки, лёгкая красная курточка. Пежачек! И его приметы, и фамилию я вспомнила молниеносно, обернулась ему вслед и увидела Баську. Она как раз вышла с одним из типов, с которыми беседовала в забегаловке, и прощалась у входа. Пежачек едва не налетел на неё. Баськин тип, легонько поддерживая её под локоть, сделал пару шагов в моем направлении, элегантно склонился к её руке, отступил назад и столкнулся с Пежачеком, в этот момент снова выскочившим на улицу. Я открыла дверцу, Баська уселась; за Пежачеком вылетел парень в красном шарфе. Все трое — Баськин тип, Пежачек и парень — вдруг навалились друг на друга, словно одновременно пали друг другу в объятия. Мне вовсе не хотелось созерцать мордобой, и я поспешила отъехать.

— Как самочувствие? Куда тебя отвезти? — спросила я, сворачивая со стоянки налево.

— Домой. — Баська лязгала зубами и говорила каким-то не своим голосом. — Самочувствие превосходное. В жизни лучше не было. И надеюсь, больше никогда не будет.

Вообще-то выглядела Баська совсем трезвой, но я на всякий случай спросила:

— Ты что, упилась?

— Да нет, слышала такое... будь я мертвецки пьяна, протрезвела бы, как... Как не знаю что — никакое сравнение не приходит в голову. Во всем мире нет никого трезвее меня в эту минуту.

Выжав скорость на Пулавской, я взглянула на стоянку: жёлтый «опель-комби» рванул с места. Видать, Пежачеку «Славянский» не пришёлся по вкусу. Посмотрела в зеркальце — он свернул на Пулавскую следом за мной.

— А что ты такое слышала?

— Не знаю, — скрипнула зубами Баська. — Нет, вру, конечно, знаю. Погоди, чуть приду в себя. Носовой платок куда-то подевался...

Она нервно обшарила карманы пальто, нашла платок и, что-то бормоча насчёт сигарет, наклонилась к плетёной сумочке, которую поставила на пол под ногами. Я взглянула в зеркало — жёлтый «опель-комби» приклеился у нас на хвосте.

— Похоже, Пежачек опять за мной увязался, — заметила я меланхолично и немного сбросила скорость — впереди маячил красный свет.

Баська резко выпрямилась и врезалась головой в приборную доску.

— Что?! — заорала она, хватаясь за темя. — Что ты сказала?!

— Да Пежачек опять меня преследует. Поставь свою корзинку сюда, а то когда-нибудь убьёшься, рядом есть же место. На кой черт держишь её под ногами?

— Какой Пежачек?! Ты знаешь Пежачека?!

— В каком-то смысле да. А что? Ты тоже его знаешь?

Баська энергично потёрла темя, наклонилась, вытащила из-под ног сумку, достала сигареты, зажигалку и снова поставила сумку на пол. Молча закурила.

— Я о нем слышала, — пробормотала она опасливо. — А ты его видела? Как он выглядит?

— Я видела. И ты тоже видела. Минуту назад налетела на него у дверей «Славянского».

— Ты уверена?

— Вполне. Собственными глазами наблюдала, как приехал и столкнулся с тобой.

— И где он теперь?

Я взглянула в зеркальце.

— Едет за нами в машине некоего Квачковского.

Баська вознамерилась было обернуться, но удержалась. О чем-то интенсивно раздумывала.

— Откуда эта скотина там появилась? — прошипела наконец она. — А нельзя ли от него оторваться?

— Существует единственный способ оторваться от Пежачека. Остановиться, подождать, пока припаркуется, выйти из машины и бегом к нему. Тогда он сам повернёт обратно. Единственный шанс избавиться от него, иначе ничего не поделаешь. Упрямая сволочь и очень хорошо водит.

— Черт. Знаешь, не стоит пока домой. Давай куда хочешь. Мне надо, пожалуй, подумать.

На площади Унии остановились на красный свет. Пежачек также притормозил. В зеркальце я видала, как из его машины выскочил какой-то субъект и помчался на Хотимскую. Я удивилась — на шее у него развевался красный шарф.

— Вот так штука! — вырвалось у меня невольно. — Сотрудник майора ездит за мной в компании Пежачека? Станный альянс!

Баська подняла брови:

— Не понимаю, о чем ты. Что это значит? Какой сотрудник майора?

Я стояла на правой полосе, пришлось объехать вокруг всю площадь Унии, чтобы потом выбраться на Маршалковскую. Сначала хотела на Польшую, но, раз уж Баська не собиралась домой, я изменила курс. Снова задержал красный свет, Пежачек торчал за мной.

— Какая-то везде сплошная путаница, — заявила я. — Давай так: половину путаницы объясняешь ты, а за другую возьмусь я. На Пежачека наплевать. Сейчас найдём спокойное местечко и поговорим. Лучше всего в аллее Освобождения.

Жёлтый «опель-комби» отстал, на площади Спасителя его оттеснили другие машины. Сворачивая в аллею Освобождения, я подумала: может, этот чёртов Пежачек просто ехал в ту же сторону?

— Вот теперь и поговорим, — сказала отыскав место для стоянки. — Поднакопилось много всякого, что хотелось бы распутать с твоей помощью. Будь так добра и объясни...

— погоди, — прервала Баська решительно, — сперва растолкуй, что это за сотрудник майора, он как-то связан с Пежачеком? А насчёт Пежачека

разговор особый и серьёзный. Как он выглядит?

Я описала презентабельность Пежачека. Баська, огорчённая и обеспокоенная, сокрушалась, что у «Славянского» не обратила на него внимания. Даже не взглянула.

— Мне и в голову не пришло, что этот стервец может там появиться, — свирепела она. — Зачем его принесло? И что за сотрудник майора?

— А я как раз засомневалась, пожалуй, не похоже на сотрудника майора. Он выбежал из «Славянского» вместе с Пежачеком, видно, Пежачек за ним приехал. В машине были вместе, позже выскочил на площади Унии. А раньше звонил по телефону не из ресторана — побежал в будку, чтобы никто не слышал. К этой будке летел как на пожар. Нельзя ли узнать, что за переговоры ты вела в сём притоне? Сомнительный субъект все слышал.

Баська поперхнулась.

— Кто?! Ты о чем?! Кто слышал?!

— Да тот, вроде бы сотрудник майора. Дрыхнул на твоём столике, где только твои глаза были? У тебя под самым носом развалился!

— Вдрызг пьяный!..

— Какое там пьяный — трезвый, свинья... К телефону летел галопом. И что только ты умудрилась ляпнуть?!

— Да ничего я не ляпнула, наоборот, услышала, — вдруг сникла Баська. — Боже мой!.. Расскажи-ка все по новой мне с конца, а хронологию соблюдай. Ох, кажется, неладно все обернулось...

— Мне бы тоже не мешало кое-что знать, — вежливо потребовала я. — Может, все-таки сообщишь, что и как, ведь ты же наверняка догадываешься, что и я догадываюсь... На хронологию мне начхать — давай сзади наперёд. Итак, ты услышала?..

— Разные подробности про знакомства так называемого Пежачека. Ничего я не скажу, ты что, дура? Зачем тебе? Тут одно из двух: либо нам свинью подложишь, либо поссоришься с уголовным кодексом! Сама прекрасно понимаешь — третьего не дано.

— Ну, с кодексом я и так не в больших ладах. Чересчур о многом догадываюсь. И держу язык за зубами, хотя толку от этого мало. Дуткевича-то ведь убили...

Баська нервно дёрнулась и мрачно отреагировала:

— В том-то и дело, на все бы наплевать, кабы не убийство... Послушай, догадывайся сколько влезет и помалкивай, это не карается. Мало ли про что можно догадываться, не бежать же со всеми догадками в

милицию, родная милиция давно бы ошалела. Упивайся своими догадками сколько влезет, а вот знать тебе лучше не надо. До меня, понимаешь, по-моему, дошло, кто уколошил Вальдемара. Даже, сдаётся мне, своими силами из клубка не выпутаюсь и попозже твоего совета запрошу. И все расскажу, а пока что, извини, промолчу. Я логично излагаю?

Пришлось признать: весьма логично. Никуда не денешься, и дальше надо надеяться лишь на собственные дедукции, их я и в самом деле имею полное право оставить при себе. Оба — Баська и Мартин — заодно и, увы, абсолютно верно оценивают мои обязательства и возможности. Не дура же я в самом деле — скрывать от майора какой-либо факт, связанный с преступлением, а сказав «а»... придётся выложить и все остальное, услышанное от Баськи. Вообще-то у майора, я уверена, сведений не меньше, чем у меня, даже больше, он же глаз не спускает со всех подозреваемых.

О перипетиях сегодняшнего вечера ему тоже доложат...

И тут я опять вспомнила про сотрудника майора. Изложила Баське все увиденное и снова привела её в неопишное волнение. Совместными усилиями мы начали докапываться, кто же все-таки тот трезвый пьяница с красным шарфом.

— Если он сотрудник майора, тогда давно играет свою роль подонка и успел завести дружбу с Пежачеком, — решила я. — А будь у майора такой сотрудник, майор выведал бы о Пежачеке всю подноготную. Впрочем, может, теперь и выведал; если подонок валандается с Пежачеком уже с неделю...

— Из двух зол меньшее — подонок от майора, — грустно заявила Баська. — А вдруг это не так? Тогда подонок на посылках у этого павиана Пежачека?..

— Вот именно. И звонил павиану, а не майору. Ведь Пежачек тут же примчался. С тобой, говоришь, откровенничали насчёт его знакомств? Подонок все слышал, усёк к тому же, как ты на ус мотаешь... Видать, что-то сногсшибательное.

— Да, сногсшибательное. То есть само по себе ничего особенного, но если сопоставить...

— Тут опять какая-то путаница, почему-то Пежачек перестал за нами следить. До этого момента все сходится. О нем сказанули, подонок по телефону сообщил про тебя, Пежачек приехал и прицепился на сей раз вовсе не ко мне, а к тебе. Тогда почему вдруг бросил нас и смылся? А может, все просто: к примеру, красный шарф позвонил Пежачеку, чтобы тот отвёз его домой, и ты тут ни при чем.

— Если так — обревусь от радости. Только дудки, он слышал разговор. Раз не пьян и не спал, все подслушал...

— В этой вашей беседе Пежачека поминали?

— Ясно, поминали! Откуда бы мне о нем знать? Я и понятия не имела о каком-то Пежачеке. Послушай, умоляю, любыми способами выведай у майора, не его ли этот тип в красном шарфе! Да поддипломатичней, пока не узнаешь, спать не смогу.

— Ну, сегодня к майору уже поздно. Придётся тебе ночку помучиться. Меня тоже подмывает разведать... Попробую навязаться завтра, предлог есть.

— Я завтра весь день в Виланове. Давай условимся сейчас. Позвоню ближе к вечеру, попрошу приехать за мной; если что-нибудь разузнаешь, согласишься, ну а нет, так нет. Скажешь, некогда.

— Не дури, удастся поймать майора или нет, все равно приеду. В котором часу?

— До десяти исключено. Павлова тётка больная, я сижу с ней и с детьми, пока кто-нибудь не вернётся с работы, этот их постоянный кошмар — безумная бабка способна поджечь дом или искромсать их топором. Давай в половине десятого между обоими домами, не знаю, в какой вернутся раньше и, соответственно, из которого дома выйду. Значит, около кустов шиповника, помнишь где?

Я кивнула, топографию местности помню.

— А эта чокнутая мне машину не спалит?

— Все может случиться, не отходи от машины, в случае чего — отъедешь. Она не догонит.

Сдвинутая бабка доставляла массу хлопот не только родственникам Павла, обитающим в Виланове, но и всем соседям. Помешанная одинокая старушка отличалась незаурядным темпераментом, бодростью и склонностью к каверзам. Неугомонная и непоседливая, она навещала всех окрестных знакомых и творила им всякие пакости. На визиты отводила самое неподходящее время — скажем, два часа ночи или пять утра; регулярно раз в неделю пыталась что-то поджечь, выбивала соседям стекла, подстерегала детей и обливала их какой-нибудь жижей. Раз облила ребёнка кашей, сваренной на прокисшем бульоне; позже у кого-то под дверями перебила штук тридцать яиц, старательно отделяя белок от желтка; в другой раз явилась к брату Павла с тяпкой и набросилась на лавку в прихожей; самые непредвиденные замыслы роились у неё в голове, и она всячески старалась привести их в исполнение. Варила какое-то зелье, якобы лечебные травы, и вонью надолго отравляла чуть ли не весь район. К

счастью, полоумная — дряхлая, худая и болезненная — не обладала физической силой, и у неё легко отбирали тяпку, топор или камень. Поджоги осуществлялись старушкой столь бестолково, что ей удалось пустить дымом лишь старый курятник да две доски в заборе. Курятник, кстати, и так предназначался на слом. С другой стороны, поскольку её деяния не представляли серьёзной опасности для окружающих, ни одна больница не желала бабулю держать. Социальное обеспечение прикомандировало к ней медсестру, которая навещала подопечную через день, дабы та принимала успокаивающие лекарства.

Родственники Павла проживали в двух домах по соседству (в одном — тётка с дочерью, в другом — брат с женой и детьми). Маленьких детей в отсутствие родителей опекала тётка. Баське же предстояло опекать всех одновременно, охраняя к тому же обе резиденции от возможных козней помешанной бабули.

— Да, завтра у тебя весёлый денёк, — посочувствовала я. — Что случилось с тёткой?

— Ишиас. Не может встать. Насчёт веселья ничего не поделаешь, раз в неделю жертвую собой. До чёртиков любопытно, что ты выудишь у майора. Может, поедем — пора домой...

Жёлтый «опель-комби» не появился. Я подкинула Баську на Польную и остановилась у подъезда, мимо проехал лишь маленький «фиат» и свернул во двор между улицей Партизан и Лазенковской трассой. Баська высаживалась довольно долго — уронила зажигалку и возилась, извлекая её из-под сиденья. Разворачиваясь, я заметила какого-то субъекта — он пересёк улицу и вошёл в Баськину дверь. Красного шейного платка на нем не было, и посему моя подозрительность не получила должной пищи.

С майором я побеседовала по телефону. Он с ходу оповестил меня, что занят по горло, и велел излагать короче.

— Звоню на всякий случай, — заверила я коварно. — Ещё подумаете, будто скрываю. Вы и так в полном курсе, ваш сотрудник наверняка дал полный отчёт?

— Какой мой сотрудник?

— Да этот хулиган, приставленный к пани Маковецкой. Он ещё симулирует дружбу с Пежачеком.

— Кто?!

— Ну, ваш человек...

Майор просто рассвирепел.

— Говорите толком, или я и вправду вас упеку! Предупреждаю ещё раз, у меня нет времени! Прошу коротко и со смыслом! В чем дело?

— Дело в Пежачеке, он вчера странную штуку отколол возле ресторана «Славянский». Вечером. Я сама видела.

— А как вы там оказались?

— Поехала вызволять из злачного места пани Маковецкую. Её муж меня попросил, сам очень занят.

— Что она там делала?

— Злоупотребляла алкоголем, правда, в умеренных дозах. Странно, вы меня спрашиваете, как будто ничего ведать не ведаете, а ведь ваш сотрудник, якобы пьяный, спал за её столиком.

— Прошу оставить в покое моего сотрудника! Поймите, пожалуйста, не было там никого от нас! Расскажите все по порядку!

Я сжалилась и подробно описала все маршруты и манипуляции «пьянчуги» в красном шарфе и Пежачека. Затем выразила изумление по поводу того, что майор открещивается от своего сотрудника. Такового, видно, в «Славянском» не было, ибо майора чуть удар не хватил.

— Вы воображаете, черт возьми, будто у меня под началом сто тысяч человек? Армия? Откуда мне взять людей на каждую забегаловку?!

— А я думала, пан майор, вы держите под постоянным наблюдением всех моих знакомых, — сказала я невинно.

— Вы ошиблись, — сухо парировал майор. — Постоянного наблюдения не веду. С кем была пани Маковецкая?

— С какими-то двумя типами, мне незнакомыми. О чем толковали, тоже не знаю, она со мной об этом не говорила.

— А о чем же говорила?

— Сегодня пасёт в Виланове двоих маленьких детей и одну больную тётку. Обращаю ваше внимание, пан майор, пани Маковецкая вовсе не полная идиотка и прекрасно понимает: как только что-нибудь мне сообщит, я тут же передам вам. Поэтому, даже если бы могла сообщить нечто ошеломительное, ни я, ни вы этого не узнаем.

— Согласен, — вдруг успокоился майор. — Не сомневаюсь, правда, что вы с пани Маковецкой обсудили все выступления Пежачека, вас небось заинтересовало, о чем шла речь за столиком, где дрых симулянт. Заинтересовало или нет?

— Если я скажу нет, все равно не поверите...

— Не поверю. Итак? О чем?

Я колебалась. Все сведения о Пежачеке Баська наверняка хотела бы скрыть от майора. С другой стороны, она с Пежачеком явно не знакома...

— По моим догадкам — именно о Пежачеке, — начала я осторожно. — Баська слышала о нем от типов, с которыми сидела. А

потом расспрашивала меня. Ручаюсь, никогда с ним не встречалась, понятия не имела, что за Пежачек такой...

— Теперь уже имеете понятие. И, насколько я уразумел, Пежачек об этом наслышан...

— О господи, хватит с меня Пежачека! — забеспокоилась я: не успеешь оглянуться, как майор выудит из меня больше, чем следует. — Кто он вообще такой?

— Как вы сами догадались — аферист и мошенник. Ему наверняка не понравилось быть предметом обсуждения. Такого пошиба люди не любят этого. Спасибо за сообщение...

По тону мне показалось, что майор Пежачеком, скорее всего, пренебрёг. Я не знала, хорошо это или плохо: радоваться мне за Баську или огорчаться из-за возможных последствий. Моя последняя гипотеза касательно происходящего, поначалу с пробелами, становилась все более цельной, жизненной, окрашивалась румянцем, и такой тип, как Пежачек, укладывался в неё вполне. Я бы на месте майора им не пренебрегала, черт знает что может стрелкнуть в голову аферисту и мошеннику.

В Виланов я приехала слишком рано. В пятнадцать минут десятого поставила машину на Ротмистровской улице, въехав в зелень на обочине, за большим кустом шиповника. Позади меня перпендикулярно проходила дорога, за ней пригорок, а за пригорком расположился домик Павловой тётки. Передо мной уходила вдаль улица Ротмистровская, где находился дом его брата.

Темень была непроглядная. Лишь в глубине улицы горел одинокий фонарь, похоже, почти на площади. Кроме далёкого фонаря светила луна, кое-где поблёскивали мерцающие окна. Я погасила фары, с непривычки совсем ослепла, открыла дверцу, включила свет в машине, разыскала запасную пачку сигарет. Закрыла дверцу и снова погрузилась в темень.

Глаза постепенно привыкли, и минут через пятнадцать я вполне различала близлежащие объекты. Непонятно почему, зарево над Секерками отчётливо освещало именно пригорок за моей спиной. Я изо всех сил таращилась попеременно на этот пригорок, хорошо видный в смотровое зеркальце, и в улицу перед собой — Баська могла появиться и с той, и с другой стороны, а в темноте запросто прошествовала бы мимо. Включить подфарники — значит разряжать аккумулятор, правда, чтобы его разрядить, подфарники надо жечь по меньшей мере двадцать четыре часа, но моя душа всеми силами противилась такой трате энергии, и наплевать ей было на здравый смысл. Другими словами, уже два года, как у меня выработался аккумуляторный комплекс.

Прошло полчаса, Баська запаздывала. Я опустила стекла и дышала свежим воздухом, скучать не приходилось — пищи для размышлений было более чем достаточно. Полную тишину лишь подчёркивали далёкие отголоски с Вислострады и едва уловимые звуки из ближайших домов. Царило ничем не нарушаемое спокойствие.

Я взглянула в зеркальце в очередной раз. По пригорку явно что-то двигалось. Обернулась. Действительно, от дома тётки кто-то шёл напрямик по траве, через кусты. Баська, наверное, кто же ещё? Я ждала, не включая фар, пока не подойдёт поближе к перпендикулярной дороге: и в самом деле Баська — стройная, небольшого роста фигурка, чёрная шляпа с большими полями и длинная чёрная с бахромой шаль, наброшенная на плечи. В руке что-то похожее на метлу, как будто букет.

Короткое урчание мотора где-то поблизости не привлекло моего внимания. Баська выбралась к дороге. Я следила за ней и нащупывала приборную доску, чтобы включить фары. Неожиданно на дороге за моей спиной появилась машина. Вернее, в первый момент даже трудно было определить, машина ли, с тихим рокотом мчалась чёрная тень, внезапно вырвавшись откуда-то из-за кустов. Баська как раз переходила дорогу. Тёмная масса точно и рассчитанно мчалась прямо на неё!

Я не успела даже вскрикнуть. Только включила фары — и окаменела. Меня словно парализовало. Машина, теперь уже ясно было видно, что это машина, затормозив через несколько метров, остановилась, резко рванула назад, затем снова вперёд, умышленно переехав туда и обратно лежащее на дороге тело.

Через секунду ко мне вернулась способность двигаться. Мысли вихрем проносились в голове. Развернуться к этой дороге!.. Не успею осветить!.. И развернуться не успею, смотается!.. Фонарь!

Я выхватила из бардачка фонарик. Недавно заряжён тремя батарейками, сноп света на сто с лишним метров. В тот момент, когда мерзавец снова рванул вперёд, мой фонарь мощным белым лучом осветил его до мельчайших деталей.

У меня снова перехватило дыхание — я узнала машину...

Из ближайшего дома выбежали люди, зажёгся свет над входом в дом. Откуда-то вдруг её собралась толпа, поднялся крик. Я погасила фонарь — единственное, на что сейчас была способна. Вяло подумала о сигарете. Вдруг около моей машины появилась какая-то тень. Фары освещали обочину улицы, по которой бежали люди, с правой стороны кто-то пытался открыть дверцу. Я взглянула на этого кого-то. Господи, галлюцинации у меня или шок — в любом случае быть того не может. Передо мной стояла

Баська, Баська, только что сбита́я каким-то выродком, труп которой лежит на дороге, окружённый кричащей толпой, — её трагическую гибель я видела собственными глазами! Тем не менее около машины стояла Баська собственной персоной и даже пыталась открыть правую дверцу.

— Боже милостивый, погаси эти фары! — рассердилась она. — Ослепила меня совсем! Что там происходит, подрался кто-нибудь?

Моё состояние все ещё оставляло желать лучшего: на смену столбняку пришла страшная слабость.

— Ты... там... лежишь... — выдавила я с трудом.

Баська наклонилась к открытому окошку.

— Что? Что ты сказала?

— Ты там лежишь...

Баська посмотрела на меня, на толпу и опять наклонилась к окну.

— Где я лежу? — любезно поинтересовалась она.

— На дороге...

— Ага, лежу на дороге...

Она выпрямилась, интенсивно размышляя над смыслом странных слов и переводя взгляд с меня на сборище людей и обратно. Слабость понемногу отпустила. Я погасила фары, вяло переползла на левое сиденье и потянулась за сигаретой. Баська открыла дверцу и села.

— И все-таки что случилось? По пути сюда я вроде разглядела какую-то суету на той дороге, но ты основательно ослепила меня фарами. Так кто там лежит?

Я несколько раз глубоко вздохнула, закурила и попыталась справиться с сумбуром в голове.

— Ничего особенного, минуту назад тебя сбита машина. Насмерть. Люди там кричат над твоими останками.

Баська пошарила в бардачке, нашла сигареты, вытащила одну и не спеша закурила.

— Никак не соображу, кто из нас сбрендил. Постой! Черт побери, охота же наконец сообразить, что ты имеешь в виду. Так, говоришь, кого-то сбита машина?

— Не кого-то, а тебя.

— А почему именно меня? Откуда ты знаешь, что меня?

— Я же видела — ты шла от тётки...

— И узнала меня в такой темнотище?!

— Разумеется. Ты была в шляпе. И в своей чёрной шали. Несла букет, как всегда.

Баська на миг онемела.

— О господи... — прошептала она с ужасом, словно только теперь поверила моим словам. — Боже милостивый, подожди меня! Одну минутку! Сейчас вернусь, не уезжай!

И не успела я ответить, как она открыла дверцу и помчалась к толпе. Я сидела не шевелясь, хотя и пришла в себя настолько, чтобы понять из криков, что в «Скорую помощь» и в милицию позвонили, машины никто не видел, а «скорая» вообще-то не нужна, ибо пострадавшая умерла на месте. Начала инцидента, кажется, не видел никто, все согласно твердили, машина-де переехала лежащее на дороге тело.

Баська, запыхавшись, примчалась через несколько минут с плетёной сумкой в руках. Только тут я отдала себе отчёт, что сумки у «той» Баськи не было.

— Ну, ясно, — объяснила она, садясь. — Я все поняла. Полоумная старушка выкрала мою шаль и шляпу, забрала тёткину метлу и отправилась куда-то с визитом. Ладно хоть сумку мне оставила. А ты видела не букет, а метлу. И машина задавила помешанную бедолагу, а не меня. Осознай это наконец и перестань меня уговаривать, будто я лежу, раздавленная, на дороге.

— Какая разница, — заявила я решительно, поскольку моя голова уже работала на полную катушку. — Он намеревался расправиться с тобой, где-то затаился и выжидал. Я его узнала. По-моему, у него не все дома. Смываемся отсюда, вот-вот явится милиция, кто-нибудь вспомнит, что я его осветила. И придётся давать показания. А покойницей занимается уже половина Виланова, обойдутся без нас.

Баська молчала, только согласно кивнула. Мы не обменялись ни словом, пока не выехали на Вислостраду.

— Как она ухитрилась стащить у тебя шаль и шляпу? — мрачно поинтересовалась я. — И вообще где тебя носило? Явилась с противоположной стороны.

— Я и сама стараюсь вспомнить, где была и что делала, — задумалась Баська. — Летала как заведённая туда-сюда — ведь на шее остались и дети, и тётка. Всякий раз надеялась, что последний раз, и шляпу не снимала. Тётка задремала, я повела детей укладывать спать и тут все оставила у тётки — хотела вернуться, поскольку Зоськи не было...

— Какой Зоськи?

— Тёткиной дочери. Двоюродной сестры Павла. Уложила детей, как раз пришли их родители. Мы поговорили всего с минуту, я и так опоздала, думала, небось ждёшь, может, встречу тебя по дороге. Вот и встретились...

События понемногу укладывались в цельную картину. Преступник в

машине, конечно, подкарауливал Баську. Настроился на фигуру в большой шляпе и просто не обратил внимания, когда в последний раз она прошла с детьми без головного убора, без шали... Засветло не решался на бандитский наезд, наверняка ещё былолюдно; последний раз видел, когда направлялась к тётке, и ждал её оттуда. Путь от тётки только один — по тропинке через пригорок...

— Зоська уже вернулась, — продолжала Баська. — Тётка говорит, полоумная влезла в окно и разбудила её. Надела мою шляпу, лежавшую на столе, ни капельки не смутилась тётки, погрозила ей метлой и ушла через дверь. Тётка разнервничалась, да ничего не могла поделать — двинуться не в состоянии.

— Эта помешанная бабка спасла тебе жизнь...

Баська помолчала.

— Пожалуй, да, — признала она неуверенно. — Бог с ней, со шляпой, спаси, господь, бабкину душу... Послушай... Ты вроде сказала, знаешь, мол, кто был в машине. В самом деле знаешь или привиделось?

— Конечно, знаю. И мне это здорово не нравится. Боюсь, шутки кончились, пора все рассказать майору.

— Может, сначала мне? — разнервничалась Баська. — В конце концов, меня это касается или нет?

Я молчала до Гагарина. Свернула направо, на непроезжую часть улицы, и остановилась. Я злилась, дело, похоже, окончательно запуталось, и только Баська могла кое-что объяснить. Если впредь будет валять дурака, начхать мне на всякую дружбу.

— Касается тебя, — сердилась я. — И ох как близко тебя коснётся, если не перестанешь быть идиоткой! Не беспокойся — рано или поздно он тебя пришибёт. Одного не пойму, почему?

— Боже мой, да о ком ты?

— О владельце тачки, задавившей вашу полоумную. Я эту машину знаю уже давно. Рассмотрела её неплохо и сегодня — мой фонарь работает что надо, а машина не перекрашена: все та же суриковая блямба на левом заднем крыле.

— Какая машина?

— Старый зелёный «пежо-404».

— Чей?

— Не знаешь чей? Мне казалось, ты знаешь...

— Не терзай меня, ради бога! Чей?!

Я заколебалась, потом с трудом выдавила:

— Гавела, конечно.

Баська в немом изумлении, словно громом поражённая, замерла с открытым ртом, потом подскочила и плюхнулась опять на место. Уставилась на меня круглыми глазами.

— Только, ради бога, не падай в обморок, — съязвила я. — Ещё этого не хватало...

Наконец Баська тихо и хрипло выговорила:

— Ты уверена?.. Хочешь сказать, Гавел?.. Господи Иисусе, ты уверена?!

— Второго такого зеленого «пежо» с блямбой на заднем крыле нет. Гавел на нем лет шесть гонял, в последнее время «мерседес» завёл, а «пежо» не продал, я сама в гараже его видела всего несколько месяцев назад. Так вот, Гавел тебя задавил, и я хочу наконец узнать степень его участия во всей этой сумасшедшей антрепризе.

Баська закурила трясущимися руками. Оглушённая, подавленная, она отчаянно пыталась хоть капельку прийти в себя.

— Гад, — прохрипела она. — И кретин. Нет, у меня просто слов нет! В жизни бы в голову не пришло... Я думала... Нет, я и близко не думала... Из мести, что ли? Ну и скот... Так мне и надо, о боже, понятия не имею, что теперь делать...

— Информация, прямо скажем, не ахти какая понятная... Постарайся излагать членораздельно. Ну так что, вышла крутая заваруха?

— Ага. Ещё какая!

— И, по-моему, ты в центре всей кутерьмы. Или ошибаюсь?

— Нет. Так оно и есть. Просто я во всем виновата. Все из-за меня получилось... Из-за меня и из-за этого спесивого лорда, которому пасть лень открыть, чтоб слово вымолвить, — из-за Доната! Хотя бы намекнул раньше!.. Ой, честно говоря, все едино, небось я то же самое натворила бы... А может, и нет, Донат считает, что нет, ох, как ни верти, а во всем я и он виноваты, только больше я!..

— Возьми себя в руки. Пойдёшь сидеть вместе с Донатом, на радость Янке и Павлу. Так в чем же все-таки ты виновата?

Баська перевела дыхание.

— Из-за меня у Мартина свистнули чёртовы марки, — призналась она с мрачным самоотречением. — Я привела к нему трех подозрительных типов на бридж. Не сразу всех, а по отдельности. Они оказались знакомы, а я и не знала. Зато Донат знал. Он тоже был у Мартина на бридже несколько раз, об одном типе уж точно ему было известно, что шулер, жулик и вор. И хоть бы словечко!.. Ничего! Заклинило его, молчал, как мумия египетская, признался, когда поздно было. Глупости говорил, он-де полагал, мои

знакомые. Недоумок.

— Раз уж приводишь на бридж, естественно предположить, что знаешь человека, — заметила я рассудительно. — Известно, как Донат обожает вмешиваться в чужие дела.

— Донат видел — они шатались по комнатам и рыскали по углам! — заорала Баська, не помня себя. — Был трезвый, потому что на машине! И тоже, черт побери, не вмешивался, а сказал, когда марки пропали!.. И ведь знал, что знакомы!!!

— Погоди, кто знакомы?

— Да бандиты друг с другом! Прекрасно ориентировался, что все одна шайка!

— Откуда? В принципе у него с жульём вроде немного дел.

— Давно, Донат тогда работал на подряде, велось следствие по делу о краже строительных материалов. Он выступал свидетелем, не слышала? Тогда и познакомился с ними, все про них знал... Впрочем, теперь на это наплевать: главное, тогда не сказал ни слова.

— А ты что? Думала, святых агнцев каких привела?

— Сдурела? Догадывалась, что подонки, да ведь не могла даже предположить такого! Мартину ничего не сказала — они прилично играли в бридж. И выглядели прилично. А Павел вообще их впервые видел. К тому же мне и в голову не пришло, чтоб у Мартина в доме обретались ценности, которые стоят того, чтоб спереть! Коллекционируй он китайский фарфор или редкие монеты, я бы его, конечно, предупредила! Да ладно, чего там, признаюсь, я его заверила, что это порядочные люди...

Меня бросало то в жар, то в холод, вот-вот взорвусь: взяла бы и придушила эту Баську собственными руками, идиотка, такие марки в доме... и приводить подобных субчиков!.. Черт её дери с её дружками! И Донат тоже хорош — остолоп, придурок, да и Мартин — осел, не сказать, что хранит дома, не спрятать коллекцию!.. Ну и банда кретинов собралась!

Я все это выложила, особо не стесняясь в выражениях, — Баська согласилась подавленно и покаянно. Я закурила ещё сигарету и отъехала в более тёмное место, чтобы машина не бросалась в глаза издалека. Зачем так уж сразу хлопать ушами перед майором.

— А почему, чтоб вас... не отняли у них марки? — спросила я в бешенстве. — Можно было этих подонков отлупить, шантажнуть, просто выкрасть!

— Проворонили, — вздохнула Баська. — Не удалось. Во-первых, сразу смылись, исчезли — где их найдёшь! Потом, правда, одного встретила — отпирался вовсю. До сих пор не уверена, вместе они это

дельце обстрипали или кто-то один, а если так, то кто. Дело труба.

— А почему в милицию не сообщили?

— Мартин ни за что на свете не соглашался. А потом, какой прок от милиции? Думаешь, ворюга квартиру обклеил этими марками? Да и доказательств никаких...

— Ну ладно, а при чем тут Гавел? Я все усекла, один только Гавел тут пришей кобыле хвост! Видно, что-то из ряда вон ты натворила, если уж он решил раз и навсегда с тобой покончить. Надеюсь, знаешь почему?

— Месть, — изрекла Баська. — Или похвальная осторожность. Хоть лопни — не ожидала, да ещё такого. Ты меня кошмарно удивила. Гавел... Знаешь, считала, что он ко мне даже хорошо относится...

— Возможно, он и плакал навзрыд, переезжая тебя туда-сюда, — иронизировала я. — Думай, думай, надо что-то решать. Учти, майор прекрасно информирован, где ты сегодня провела день, возможно, знает, что и я там околачивалась. Остальное выведет своей чёртовой дедукцией, и каково будет отвечать на его вопросы?

Баська вдруг оживилась и заговорила чуть энергичней:

— А кстати... Ты узнала, его сотрудник там был?

— Узнала. По-моему, нет. Скорее всего, Пежачеков кореш.

— Тогда кранты. Значит, Гавел и Пежачек одна шайка, иначе ничего не понять. Теперь уже оба в курсе моего вчерашнего разговора, и Гавел постарается укокошить не только меня, но и тебя. Вчера я с тобой разговаривала, сегодня тоже. И вообще ума не приложу, что делать.

— Могу сказать, чего ты не сделаешь. Не выйдешь из моей машины, пока не исповедуешься во всем. В противном случае я еду прямо к майору.

— Не дури! — всполошилась Баська. — Ясно, скажу, теперь ведь рассчитываю только на тебя. Такое пекло из всего этого раскочегарилось — жуть.

Поздно ночью, в тёмной машине, на тёмной улице, я наконец услышала, что за удивительная неразбериха крутилась вокруг меня уже многие месяцы.

* * *

В кошмарном скандале, вспыхнувшем после обнаружения в квартире Мартина пропажи, приняли активное участие Мартин, Баська и Донат. Павел старался смягчить ситуацию, но, уразумев безнадёжность своих усилий, пошёл заваривать чай для компании. Поначалу все взаимно

обвиняли друг друга, затем неожиданно переключились на разнузданную самокритику и все грехи каждый стал прикидывать на себя. Наконец родился мучительный компромисс — признали, что все виноваты более или менее поровну.

Однако от выяснения проблемы вины мало что изменилось. Надлежало заняться возвращением утраченного сокровища. Равновинные декларировали к равновеликим усилиям, только что никто не умел уточнить, в чем эти усилия должны заключаться. Павел, из солидарности включившийся в акцию, предлагал всем злодеям поочерёдно начистить морды. Баська считала более верным вломиться в квартиры мошенников и тщательно обыскать. Донат настаивал на скрупулёзном обследовании филателистического рынка, заранее оговариваясь, что не знает, как это делается, ибо ничего не понимает в марках. Мартин предложил понаблюдать за всеми возможными торгашами, скупщиками краденого и аферистами, а также познакомиться с завсегдатаями сего гадючника.

Последнее предложение реализовали быстрее всего — Баська сохранила с давних времён знакомство с великим множеством самых тёмных личностей. Уже через неделю она принесла ужасное известие: один знакомый одного из трех гадов выехал за границу, да к тому же на Запад. Мартин приуныл.

— Ну, привет. Если он не вывез коллекцию, считай меня Гретой Гарбо. Пожалуй, мне остаётся покончить с собой.

— Только не харакири, — попросил Павел. — Потом слишком много уборки...

— Да уймись ты! — разозлилась Баська. — Вывез, ну и пускай, ничего страшного!

— А то страшное, что маркам хана.

— Кто это сказал? Их просто надо выкупить. Ты ведь знаешь всю коллекцию. Ничего не поделаешь, придётся раздобыть точно такие же.

Мартин посмотрел на неё — не с луны ли свалилась.

— А на какие шиши, позволь спросить? Ты не догадываешься, сколько они стоят?

— Ну и сколько?

— Не знаю. Сумма чудовищная. Не говоря уже о том, найдётся ли в Польше ещё один столь полный комплект.

— Не обязательно покупать весь комплект, можно партиями.

— Партиями тоже нельзя. Там были уникальные экземпляры. С тем же успехом можно собрать всего Рембрандта в оригинале. Попробуй-ка в

Польше...

— На Западе можно бы и выкупить, — буркнул Донат.

Мартин расхохотался сатанинским смехом.

— Возвращаюсь к принципиальному вопросу — за какие шиши?

— За деньги, — холодно сказала Баська.

— На Западе, скорее всего, нужны доллары, — уточнил Павел.

— У вас есть доллары? У меня нету...

— А знаете, что смешнее всего? — ядовито спросил Донат. — У этих сволочей, заполучивших твой депозит, есть и доллары. Между прочим, эти каналы ещё и валютчики. Они-то могли бы выкупить...

— Будьте любезны, убирайтесь ко всем чертям... — посоветовал Мартин. — Оставьте меня в покое. Надо подумать, какими методами заставить их перепродать...

Два дня вся компания пребывала в глубоком унынии. Глядя на Мартина, Павел решительно заявил, что его опасно оставлять в одиночестве. Баська и Донат, согласно последнему раскладу виновные на две трети, попытались завязать контакты в филателистическом клубе. В результате разных прикидок они уяснили только одно: там их окрутят, обманут и ошельмуют как дважды два и все предложенные марки окажутся фальсификатами.

— Попал бы мне этот сукин кот в руки! — процедил Донат сквозь зубы.

— А мог бы попасть, — подскочила разъярённая Баська. — Окольными, правда, путями, но можно его заполучить. Да разве ты пойдёшь на такое!

— Что за идиотские сомнения...

— Ну так вот, есть только один выход, — выкупить марки на Западе за деньги этих ворюг. Этих или других — без разницы.

— Берёшься их уговорить? Я так и вижу, как они лезут к нам с охапками долларов! Не смеши меня.

— Идея потрясающая, а ты дурак. Воры украли, воры и заплатят. По-другому не выйдет, а если этот псих Мартин покончит самоубийством, каково нам будет? Не знаю, как ты, а я предпочитаю иметь на совести всех мошенников и аферистов ПНР, чем одного Мартина.

Выглядел Мартин хуже некуда, так что самые кошмарные опасения были вполне оправданны. Действовать, и немедленно! Баська собрала заговорщиков у себя дома, перед Мартином поставила в утешение салат из цветной капусты под майонезом и затем выложила свою идею. Начала с конца.

— На Западе любые марки можно купить, так? Отвечайте по-людски и спокойно ждите, что скажу дальше. Можно?

— Можно, — ответил Мартин меланхолически. — Наверняка можно бы откупить те же самые.

— Великолепно. Нужны лишь деньги. Доллары. Так?

— Истинно так, — признал Павел.

— Сколько?

Мартин молча тыкал вилкой в салат из цветной капусты. Донат молчал. Павел взял на себя всю тяжесть конверсации.

— Учитывая сказанное Мартином, надо по меньшей мере сто кусков. А то и больше.

— Логично. Эти сто кусков или больше воры свистнули у Мартина. Теперь слушайте: эти деньги у воров надо отобрать. И не стучите пальцем по лбу!.. У наших отечественных воров отобрать!

— А каким таким способом? — заинтересовался Мартин.

— Элементарным. Ограбить. Напасть. Съездить по башке и отнять. Способов уйма — выбирайте любые. Отнять у валютчиков столько, сколько надо на марки, контрабандно переправить деньги на Запад и все выкупить. И привезти. Да мы просто обязаны это сделать.

— Идея феноменальная, — вздохнул Мартин, немного помолчав.

— А не похоже это на преступление? — неуверенно спросил Павел.

— Не на одно, а на два преступления, — уточнил Донат. — Ограбление — во-первых, контрабанда — во-вторых...

— Пусть, — согласилась равнодушно Баська. — Ну и что? Надо обстрелять все так, чтобы нас не сцапали, а результатом будут все довольны.

— Жертвы ограбления вряд ли...

— А тебе их жалко? Внесут свою лепту в общественный фонд. С голоду не помрут.

— То, что мы собираемся вернуть, есть национальное достояние.

— Ведь не у народа же украли...

— Ну так что? Это предназначено народу, пускай народ и получит. А Мартин заранее даст обязательство, что ни под каким видом это наследство не примет, даже если и примет, сразу передаст в музей. Или ещё куда-нибудь. Таким манером аферисты выкупят народное достояние, ими же украденное. Все сходится!

— Она права, — подтвердил Донат. — Допустим, кто-то, к примеру, покупает «Мону Лизу». Валютчики, представим себе, за собственные деньги покупают «Мону Лизу» для национального музея. Почему бы и нет?

— У меня плоховато с фантазией, — нахмурился Павел. — Не знаю, пожалуй, и можно...

— Нет, — сказал Мартин. — Вот если бы мы имели деньги там, а за здешние нельзя. Легальные денежки — легальный вывоз. Иначе это криминал.

— А вывоз марок — не криминал?

— Криминал.

— Ну так мы зачеркнём одно преступление другим. Надо только подумать, которое хуже. Во втором случае вывозим доллары, которые государственная казна и так никогда в глаза не увидит, тоже мне преступление! Зато с нашей помощью увидит эти необыкновенные марки! Баш на баш, ничего не поделаешь, иначе не вывернемся.

— Она права, — повторил Донат. — Не хочешь, не лезь в это дело, в конце концов, виноваты мы — она и я. Ты можешь остаться в стороне.

— Я участвую во всем, что даст шанс вернуть марки, — ответил Мартин. — Криминал так криминал — надо будет, отсижу. Только не понимаю вашего плана действий.

— Пусть он скажет. — Баська показала на Доната. — Мы вчера обсуждали. У меня горло пересохло.

Донат, учитывая серьёзность заключаемого соглашения, проявил исключительную разговорчивость.

— Предстоят четыре этапа, — по-деловому начал он. — Во-первых, добыть капитал. Во-вторых, переслать его на Запад. В-третьих, положить деньги в банк, лучше всего в Швеции. В-четвёртых, снять их со счета и совершить покупку.

— И ещё доставить её сюда, — дополнила Баська. — Тоже нелегально — операция секретна с начала до конца.

— Три последних этапа представляются довольно реальными, — заметил Мартин. — Особенно в сравнении с первым. Объясните, ради бога, из какого сундука мы извлечём столько долларов?

— Нападение с целью экспроприации, — напомнил Павел. — А на кого нападать-то?

— На бандитов, воров и аферистов.

— Дураку понятно: только у них есть доллары наличными.

Мартин слегка оживился и перестал выглядеть так, будто уже покончил с собой.

— Напасть на бандита — дело стоящее... А через неделю-другую нас будет разыскивать вся милиция страны?

— Пойми ты, никто нас не будет искать. Никто из пострадавших не

донесёт никакой милиции.

— А что? По каждому горлышку чик-чик?

— Вот осел! — фыркнула Баська. — Про убийство и речи быть не может! Слушай, детка, что тебе говорят, и не перечь старшим!

Донат все время сохранял философическое спокойствие.

— Обмозгуй прежде всего, кто пострадает, — начал он. — Мысли логически. Богатые торгаши с чёрного рынка, возможно, частники, запутанные в тёмные делишки, — выбирать надо только таких. И валюта, и злотые у них потайные. Ни один из них не полетит с воплем в милицию, а будет сидеть тихо и дальше крутить свои махинации. Никто и не пикнет, что у него чего-то там украли.

— Пожалуй, — согласился Мартин. — Источничек весьма недурён. А как их заставить согласиться? Методом убеждения?

— Скорее, методом кражи со взломом и неожиданностью. Варианты разрабатываются в зависимости от ситуации.

— Ладно. А потом?

— Потом это высылается.

— Как?

— Почтой, — довольным тоном вставила Баська. — Помните, как говорила Иоанна? Запихивается все ладненько в народные ремесла, во всякие там вышитые думочки и рукоделия и высылается в Швецию. Отправителем может быть кто угодно, лучше лицо несуществующее.

— А что в Швеции?

— Погоди. Что в Швеции, мы ещё не знаем. Тут начинается твоя роль.

— А! — Мартин облегчённо вздохнул. — Начинается, говоришь? А я уже раздумывал — ну и хорош я буду в налётах. Судите сами: опыта никакого, да ведь нужна ещё цепь либо обрезок трубы. А в чем заключается моя роль?

— Ведь есть же у тебя там знакомые? Нужен некто, понимаешь, кто бы доставал деньги из подушек и вносил на счёт. Есть у тебя такой?

Мартин подумал.

— Есть. Но не в Швеции, а в Норвегии.

— Все равно, они там ездят туда-сюда. Кто это?

— Да один знакомый. Любит всякие оригинальные штуки. Нет, подождите, в случае чего... Отправители здесь могут быть фиктивными, порядок. А если провал и доберутся до адресата? Все выяснится, и вместо покупки марок сядет за невиновность...

Молчавший до сих пор Павел беспокойно зашевелился:

— Вот именно. Что-то тут неладно. Если нас, не дай боже, поймут в

середине операции, никто не поверит, что стараемся из-за марок. Кроме того, как ни крути, а преступление есть преступление. И себя надо как-то реабилитировать.

— Но мы же возвращаем национальное достояние! Это, по-твоему, пустяк? Все ведь уравнивается.

— Арифметика здесь не главное. Тут надо извлечь конкретную пользу. Я имею в виду — для государственной казны. Часть долларов с чёрного рынка надо передать непосредственно в пользу государства. Лично моя совесть тогда будет спокойна.

— А ты считаешь, государству одних марок мало? — возмутилась Баська.

— Марки — не наша заслуга. Не от нас. Как бы это объяснить... Короче говоря, необходимо высылать в государственную казну процент с награбленных сумм. Совершаем преступление, ибо вынуждены, во всяком случае, государство с этого что-то получает.

Подумав, все согласились с такой точкой зрения. Возмещение убытков травмированному преступлением государству представлялось по всем статьям справедливым. Кроме того, сия благородная акция снимала возможные подозрения насчёт корыстных интересов новоиспечённого коллектива. В итоге решили выделять казне двадцать процентов.

Мартин ядовито заметил:

— Я уже чувствую себя крупным филантропом. А возвращаясь к нашей теме, что со Швецией?

— Высылать до востребования?.. — неуверенно предложила Баська.

— Никуда не годится. Запомнят получателя посылок.

— Тогда, может, разные почты, в разные города?..

Донат с сомнением покачал головой:

— Заинтересуются постоянными посылками до востребования. Лучше бы на разные имена. Знакомым того твоего знакомого.

— Придумал! — прервал Мартин, осенённый внезапным вдохновением. — Высылаем чужим людям. Я малость знаю эту Швецию, представьте себе: к посторонним людям звонит тип, называется Хансом Йенсеном или ещё кем-нибудь, сообщает, что к ним придёт посылка для него — отправитель перепутал адрес, он, Ханс Йенсен, просит извинить и отправить посылку на почту до востребования Йенсу Хансену...

— Хансу Йенсену, — поправил Павел.

— Без разницы. Он, естественно, оплатит стоимость пересылки. Время от времени можно зайти за посылкой и ему самому. Там Йенсенов и Хансенов как собак, никто не сообразит, в чем дело. Теперь предположим,

здесь перехватили нафаршированное пуховое одеяльце, добрались до одного или двух человек — люди засвидетельствуют, что все отослали до востребования Хансу Йенсену, которого никогда в глаза не видели, и цепочка оборвалась. На почте, положим, запомнили получателя. Сообщат: молодой, кудлатый и бородатый. А уж ежели наденет по этому случаю оранжевое кружевное жабо — и все заметят только жабо, морды не запомнит никто.

— Очень хорошо, — похвалил Донат. — Сам черт его не сыщет.

— У тебя таки преступные наклонности! — уважительно удивилась Баська.

— Таки да, — ядовито подтвердил Мартин. — Лезет наружу доселе скрытый талант. Ума не приложу только, как обо всем сообщить моему приятелю. По телефону выложить?

— Спятил? — возмутилась Баська.

— О-хо-хо, — протянул Павел. — Тут уж лучше сразу дай объявление в газету.

— Письмом, — буркнул Донат.

— Письмом можно, — согласился Мартин. — Хотя лучше бы лично, сомневаюсь, удастся ли мне объяснить всю эту катавасию на чужом языке. Попробую.

— Письмо прочитают, — запротестовала Баська.

— Кто?

— Ну, какой-то ихний контроль. Цензура.

Мартин пожал плечами.

— У меня бездна доказательств, что цензуре плевать на заграничные письма. Корреспонденцией порядочных людей никто не интересуется, а пока что мы сходим за таковых. Телепатия отпадает. Боюсь не справиться. Другие предложения есть?

— А вдруг тебя примут за непорядочного и по ошибке прочитают?

— Постойте, — вмешался Донат. — Бережёного бог бережёт. Никаких рискованных затей, мало ли что может случиться. Письмо надо отправить с каким-нибудь моряком.

— А откуда его взять? Я лично не знаю ни одного.

— В Свиноустье моряков — что муравьёв в муравейнике, — подбодрил Павел.

— Прекрасно! — утешился Мартин. — Сейчас же еду в Свиноустье. Конец ноября, в самый раз... Сказочный отпуск на морском берегу...

— Самая пора для моряков, ты, недотёпа. Летом морякам дел и так хватает, туда специально съезжаются курочки, чтоб их развлечь, а сейчас

они баклуши бьют и любой охотно пойдёт с тобой выпить водки.

— Значит, занять свято место вместо девицы?

— Точно, выпьешь и подружишься с морячком, внушающим доверие. Отдашь письмо, а он бросит его в ящик в любом порту за границей. Твой приятель пусть тебе тоже отпишет через моряка. Насколько помню, Швеция и Норвегия имеют непосредственный выход к морю и матросов у них хоть пруд пруди. На всякий случай давайте не начинать с фатальных ошибок.

— Фатальную ошибку мы уже сделали, хватит. Посчитаем лучше, сколько валюты надо натрасти. У тебя есть какой-нибудь ценник для этих марок или ещё что?

— Есть. — Мартина передёрнуло. — И даже ношу его с собой. Посчитал все. Могу показать.

Он не спеша засунул руку в карман и достал несколько карточек. Кандидаты в преступники с интересом следили за ним, не предчувствуя, какой сюрприз их ждёт. Павел набивал свежим табаком трубку, Баська прихлёбывала остывший чай.

Мартин разложил на столе карточки.

— Всего получается... — Подсчитывал он медлительно, просматривая записки на карточке. — Всего получается... Триста двадцать девять тысяч фунтов на ценам прошлого года каталога.

Баська захлебнулась чаем. Павел просыпал на пол весь табак. Донат просто онемел.

— Триста двадцать девять тысяч чего? — спросил он недоверчиво.

— Фунтов.

— Каких фунтов?

— Английских.

— Мать честная, пресвятая богородица!..

Баська закашлялась и перевела дыхание:

— А сколько это их, как их... Инфаркт из-за тебя схвачу. Сколько долларов? Фунтов-то много здесь не награбишь!

— А кто его знает. В этом капиталистическом мире царит такая путаница, что мозги наизнанку. Кажется, в последнее время выходило около полутора долларов на фунт. Это было бы... Сейчас... Четыреста девяносто три тысячи пятьсот долларов.

— Полмиллиона, — простонал Донат.

Павел с табаком и трубкой вылез из-под стола:

— Что-то дороговато. Может, напутал? Где-нибудь лишние нули приплелись?

В хохоте Мартина звучали поистине сатанинские нотки.

— Мы идём на дно из-за так называемых австрийских «Меркуриев» в этих двух чёртовых «Маврикиев». Драгоценный дедушка-коллекционер в своей ненасытной алчности не ограничился одним экземпляром. «Меркуриев» он совокупно имел тринадцать штук, в их числе четыре негашёных, гашёных три, розовых негашёных и со штемпелем тоже по три. Два «Маврикия»... И откуда только подонок выудил этих «Маврикиев»? В общем, всего на круглую сумму — сто тридцать пять тысяч четыреста фунтов.

— Да брось ты эти фунты, от них путаница одна, считай в долларах!

— Не могу. В каталогах-то фунты.

— Значит, все остальное просто чепуховина?

— Да уж. Исключительно чепуховина. Например, Гондурас, две серии авиапочты по двенадцать тысяч, вместе двадцать четыре тысячи фунтов. Однофунтовая покойная королева Виктория, две штуки по тысяче двести пятьдесят...

— Старая дурища... — обиделась Баська.

— Стерва Наполеон десятисантимовый — три штуки по тысяче восемьсот каждая. Король Леопольд Бельгийский коричневый — двести семьдесят пять фунтов, а голубой — триста фунтов. «Молдаванские волны» — более семи тысяч...

— Экая дорогая говядина, — огорчился Павел.

— Учтите, это ещё цены прошлого года, — с человеконенавистническим ехидством продолжал Мартин. — Марки дорожают. Наверняка подлетели в цене. Да и пересчёт, возможно, другой — этого доллара больше приходится на каждый фунт. Ничего не попишешь, наш друг неплохо подзаработал...

— Ладно, — прервал Донат. — Черт с ним. Ты меня слегка ошарашил...

— Ну и что такого, дело ясней некуда. Надо взять шестьсот тысяч, — деловито прервала Баська. — Какая разница — триста или шестьсот.

— Не забудь про двадцать процентов государству, — напомнил Павел.

— Итак, пусть будет восемьсот тысяч!

Мартин взглянул на Баську очень и очень грустно. Павел отобрал у него карточки с записями и с интересом просматривал их. Донат озадаченно качал головой.

— Удастся ли столько содрать?..

Одна Баська оставалась воплощением спокойствия и деловитости.

— А почему бы и нет? Посчитай. Высылать по пять тысяч —

уместится в любой дурацкой думке, ой, погодите, надо посчитать...

— Сто восемьдесят, — сказал Мартин.

— Сто восемьдесят посылок. Нет, меньше, эта госказна тут остаётся, шестьсот тысяч, это сколько?

— Сто двадцать...

— Сто двадцать посылок. На четвёртых получается по тридцать штук. А если подушку побольше — и валюты влезет больше. Не все же будем посылать сразу!

— Меня, признаться, беспокоит потенциал валютчиков.

— Если учесть потенциал валютчиков, запросто можно планировать восемь миллионов, а не восемьсот тысяч, — вмешался Мартин.

Обеспокоенный Павел оторвался от записок.

— Сто двадцать разбойных нападений?!

— Какие сто двадцать?! Вы что, офонарели? За кого вы их принимаете?! Что, у нормального валютчика всего пять тысяч? Да пять тысяч у него всегда при себе на разные пустяки.

— В этом есть резон, — неуверенно согласился Донат. — Судя по тому, что я слышал, у всякого приличного субъекта с чёрного рынка имеется самое меньшее пятьдесят тысяч. Иначе с ним и разговаривать не станут.

— Точно, — подтвердил Мартин. — С такой мелюзгой...

— Минутку, — прервал Павел. — Стойте. А скупщиков краденого?

— Скупщиков краденого? Почему бы нет?

— У них бывают разные разности. Золото, бриллианты... Тоже берём?

— Ты что, очумел? Куда с этим добром деваться? Начнёшь приторговывать, с ходу сцапают. Никаких бриллиантов, исключено!

— Главное — чёткость и никаких накладок, — подытожил Донат. — Наличные доллары, и по башке не бить, телесных увечий не причиняем...

— И умственных тоже, — вставил Мартин.

— Контингент: бандиты, воры, аферисты всякое жульё высокого пошиба. Ничего не поделаешь, пускай платят за своих собратьев!

— Сначала надо бы наметить клиентов...

Таким-то вот образом и составила шайка, участники которой не видели другого выхода, кроме криминального, дабы исполнить свой святой долг. Вообще говоря, их чувства были несколько разнородны. Баська всю затею считала новой и любопытной игрой, пришибленный Мартин, увидев где-то впереди бледный луч надежды на возвращение коллекции и чести, намеренно ослеп и оглох на все остальное. Донат, угрызаемый совестью, настроился на беспощадную борьбу за справедливость. Павел, совершенно

сбитый с толку, принял участие в благородной авантюре просто из солидарности. Ему и в голову не пришло, что, будучи единственным невиновным, он мог бы спокойно умыть руки.

Отбор первых жертв не представлял трудностей. Каждый хотя бы краем уха слышал о каком-нибудь аферисте или подпольном бизнесмене, а Баськина память была буквально набита такими сведениями, поскольку водители и механики авторемонтных мастерских знали всю эту братию как свои пять пальцев. В первую голову выбрали двух молодцов, из которых один успешно и ловко обкрадывал государство, а другой специализировался на контрабанде. Один жил в Плацувке, второй — в Фаленице. И оба пользовались почти безупречной репутацией.

Распорядок жизни и нравы жителя Фаленицы уже через неделю Баська знала в подробностях — до Фаленицы на автобусе рукой подать. На первом же военном совете она изложила ситуацию во всех подробностях:

— У него на верхнем этаже что-то этакое стоит между окнами. Надо лезть ночью, днём по дому шастает какая-то старая ведьма. В комнате на первом этаже он улаживает свои дела, там стоит письменный стол; вечером всю выручку уносит наверх и прячет в этой мебели между окнами. Внизу все окна зарешечены, а наверху окно в ванной часто оставляют открытым, надо влезть по лестнице.

— Циркача, что ли, приглашать? — съязвил Павел.

— Да? По какой-то паршивой лестнице не влезешь? Циркачей ему подавай!

— Откуда ты знаешь насчёт мебели между окнами? — подозрительно осведомился Мартин.

— Разглядела в бинокль. Они редко занавешивают окна, ведь по соседству почти никого нет. Я все видела в бинокль: к нему постоянно приходят разные сомнительные типы.

— Вот здорово. В случае чего подумают на них...

— Собака безобидная, — продолжала Баська. — Жрёт что угодно из чужих рук. Видно, эти свиньи её впроголодь держат. Надо снотворное в кусок мяса, и собака не помеха. Меня уже узнает.

— Ладно, для собаки кусок мяса — и порядок, а люди?

— Что — люди?

— Им тоже кусок мяса с таблеткой?

— Черт его знает... Подумать надо...

— Взять какую-нибудь штуку в руки и орать: «Молчать, иначе стреляю»?.. — неуверенно предложил Павел.

— Не знаю... Может, и стоит...

— Рискованно, — рассудил Мартин. — Нарвёшься ещё на парня, у которого котелок логически варит. Если орёшь «Молчать», дураку ясно, не будешь стрелять. Стрельба — занятие шумное.

— Только набросить на башку какую-нибудь тряпку...

— Отпадает, — решительно прервал Донат. — Переполох и вопли. Людей надо усыпить.

— Чем? — брезгливо спросила Баська.

— Не знаю. Надо придумать. Всяких снотворных нынче воз и маленькая тележка. Надо подобрать подходящее, иначе дело не выгорит. Порасспросить бы врачей или химиков...

— У меня есть приятели в Медицинской академии, — сообщил Мартин.

— А тот, второй? — спросил Павел. — Ну, из этой, как её, Плацувки? Тоже по лестнице в окно?

— Откуда мне знать? — возмутилась Баська. — Вообще не знаю, как туда ехать, там хоть автобус ходит? Не стану же я разъезжать в такси!

— Проверить бы, может, там легче...

Посовещались и в ближайшее воскресенье выбрали на экскурсию в Плацувку машиной Доната. Стояла поздняя осень, а день выдался прекрасный, солнечный. Владения афериста нашли легко: дом находился в большом саду, ограду как раз заменяли сеткой, которую не везде ещё натянули — форсировать сей бастион не составляло труда. Донат поставил машину подальше, и тут же выяснилось, что с грабителями-добровольцами дело обстоит плоховато. Ощущался явный дефицит боевого задора.

— Что-то я себя чувствую не того, — пожаловался Мартин.

— Я тоже, — признался Павел. — Ну, пойду шататься по чужому саду, натурально спросят, кто да зачем?

— Скажешь, хочу, мол, наняться на сенокос, — усмехнулась Баська. — Да не трусь, осенью хозяина здесь не сыщешь.

— Примут меня за тронутого...

— А тебе-то что? Кто тебя там знает?

— Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы нас увидели, — предупредил Мартин.. — Незачем обращать на себя внимание...

— Тогда ползком?..

Донат мрачно молчал, опершись на баранку. Мартин закурил и принялся созерцать облака. Баська просто озверела:

— Лежебоки, тупари! На черта вы мне сдались! Из вас такие же преступники, как труба из козьего охвостка! Плевать мне на вас, пойду одна! Донат, ты хоть машину разверни, чтобы в случае чего не удирать

задом! На это тебя хватит, правда ведь?

Баська выскочила из машины. Павел, бормоча что-то насчёт подстраховки, вышел тоже. Баська поставила его у забора держать болтающуюся доску, а сама пролезла в сад. Донат послушно начал разворачиваться.

Объект, видать, только что отремонтировали. Под одной стеной валялись стройматериалы, то бишь песок, битый кирпич и бетономешалка. Вокруг царили тишина и спокойствие, на каменной плите у лестницы возлежал на солнышке кот. Его благодушный вид убеждал, что собак поблизости нет.

Баська обошла вокруг дома. На противоположной стороне из открытого окна кухни доносилось позвякивание посуды и негромкое пение. Заглядывать Баська не рискнула, пробралась под окном почти на четвереньках и вернулась к фасаду. Медленно поднялась по ступенькам, осторожно обошла кота и нажала ручку.

Дверь оказалась незапертой. Баська на мгновение замерла на пороге, потом вошла. Из холла внутрь вели три двери. Одна была полуоткрыта, в комнате тихонько играло радио. У Баськи душа ушла в пятки, она осторожно заглянула в комнату и сразу увидела нечто интригующее: из-за большого письменного стола, стоявшего у двери под окном, торчали ноги, без сомнения мужские, покоящиеся на спинке дивана. Баська замерла, но потом услышала ровное дыхание спящего.

На цыпочках подошла она к столу...

Донат и Мартин молча сидели в машине все в той же позиции: Донат — положи руки на руль, Мартин — на спинку переднего сиденья. Им казалось, что ждут они так уже полгода. Где это Баська так застряла? Наверняка её схватили и сейчас, не выдержав пыток, она выкладывает всю правду...

— Я на всякий случай включил бы зажигание, — буркнул Мартин.

— Успею, — проворчал Донат и взглянул боковое зеркальце. — Ну, слава богу! Идут.

Мартин оглянулся. Баська и Павел бежали стремительным галопом. У Павла было странное лицо — не то горестное, не то ошалелое. Он шел первым, Баська за ним.

— Трогай! Сматываемся!

Она по локоть запустила руку в сумку, пытаясь нащупать сигареты. Мартин нетерпеливо повернулся к Павлу.

— Ну и что?

— Вот черт, — поморщился Павел, — цапнула меня за палец.

Донат и Мартин как по команде посмотрели на Баську, которая лихорадочно затягивалась сигаретой.

— Да нет, — усмехнулся Павел. — Доска цапнула. Наверняка заноза...

— Да сдвинешься ты с места или нет?! — зашипела Баська. — Сейчас все расскажу, давай в темпе отсюда!

Она глубоко вздохнула, выждала два поворота и начала докладывать. Сообщники слушали молча, в тревоге, предчувствуя что-то ужасное.

— ...Вроде храпел, но радио играло, поэтому я не сразу расслышала, — продолжала она. — Замерла, затаилась, даже дышать перестала, чтоб проверить, крепко ли дрыхнет. Боялась, проснётся от неудобства, ну кто так спит — ноги на спинке дивана, наверняка затекли...

— Может, ему снилось, что он связан?.. — предположил Павел.

— Возможно. Я категорически против, чтобы мужчины спали днём, а потому так ему и надо! Ключ в ящике стола, на стуле висел пиджак, ну я все и забрала. Кое-что в бумажнике, остальное в ящике, на самом дне; вообще-то он стол, видно, всегда запирает. Боялась, не заскрипел бы. Или ещё, чего доброго, притащилась бы эта баба с кухни. Ужас, просто ужас, до чего страшно.

Донат так резко затормозил, что Баська едва не выбила головой переднее стекло. Выключил мотор и повернулся к ней. В «трабанте» наступила тревожная тишина.

— До меня не доходит... Повтори.

— Кража, понял? Я совершила кражу, — спокойно ответствовала Баська. — Взяла все из бумажника, из стола тоже. И точно дело здесь проще, чем в Фаленице, его даже усыплять не пришлось — спал добровольно.

— Боже милосердный!..

Баська пожала плечами.

— А чему ты удивляешься? Надо же наконец начать. Такая оказия, а этот мошенник мало что аферист, ещё и дрыхнет днём.

В машине снова воцарилось молчание. Трое сообщников смотрели на неё раскрыв рты, в каком-то оцепенении. Теоретически воровать было легко, а вот конкретная кража словно обухом по голове оглушила. Компаньонов раздирали самые разнородные эмоции, страх прежде всего. Успокоиться и прийти в себя было нелегко.

— Ты дурака валяешь или говоришь серьёзно? — спросил наконец Мартин недоверчиво.

Баська полезла в сумку и вытащила сначала толстую пачку зелёных банкнотов, а затем пачку отечественных по тысяче злотых. Зрелище более

чем эффектное!

Павел простонал:

— О Иисусе!..

— Сколько? — У Доната даже голос сел.

— А я знаю? — ответила Баська. — Могу сосчитать.

— Давай.

Подсчёт состоялся в гробовой тишине.

— Пять тысяч четыреста зелёных и сорок восемь тысяч золотых.

Хватит.

— На что?!

— Как — на что? На вклад в наш банк. Подушки для пересылки, надо купить, а Мартин на что поедет в Свиноустье? Пешком, что ли, потопают, с ночёвкой под мостом? Чего это вы обалдели? Выкупаем марки или нет? Операцию я начала, понятно? Да вы мне ноги должны целовать.

Сообщники по-прежнему не сводили с неё глаз. После такой встряски приходили в себя с трудом. Запланированное преступление свершилось, следовало с этим примириться, мало того, следовало радоваться! Первый шаг всегда самый тяжкий. Первый шаг на ведущей к цели тропе... И Баська сделала этот шаг... Мужчины смотрели на неё, она представлялась им созданием то жутким, чудовищным, то неземным.

Мартин первым пришёл в себя:

— Предлагаю убраться подальше. Он может выскочить из дому и броситься в погоню. Думаю, встречаться с ним нет смысла.

— Так что?.. — неуверенно и смущённо спросил Павел. — Разве мы не вернём ему это?..

— Ты что, совсем сбрендил? — возмутилась Баська. — А он нам вернёт «Молдаванских волов»? Прекрати молоть ерунду, скажи спасибо, что не тебе пришлось его грабить! Вы как считали — план придумали, и порядок, дальше все само собой? Дудки! Сейчас дело только начинается!

Донат включил зажигание и медленно двинулся к городу.

— Что правда, то правда, — сказал он с мрачной решимостью. — Чувствую себя последним болваном, но теперь все — хочешь не хочешь, дело сдвинулось...

По дороге смятение понемногу улеглось, мозги заработали более или менее нормально. Что ж, один аферист оплачивает проделки другого — в этом, как ни крути, есть справедливость. Совесть, правда, ещё давала себя знать, но свет надежды уже сиял утешительно. Раз уж начало положено, то и конец не за горами. Это очень вдохновило размечтавшегося Мартина.

— Вот заполучу всю коллекцию, положу на полку, надерусь в стельку,

как никогда в жизни. Это будет исторический звёздный час! И недостаёт до него всего лишь семисот девяноста четырех тысяч шестисот долларов...

— Меньше, — поправил Донат. — Злотые, сорок с чем-то тысяч, тоже в счёт идут.

— Вот именно, — возмутился Павел. — Речь шла только о долларах. Зачем брала злотые?

— Их тоже надо брать, — назидательно возразила Баська. — А вдруг придётся часть зелёных покупать на чёрном рынке или ещё что? Кроме того, у меня новая идея. В общем, берём любую валюту, какая попадёт под руку. И давайте за работу, я одна, что ли, должна отдуваться!

Согласно выработанной концепции, Мартин поехал в Свиноустье и просидел там десять дней. Энергичная вдохновительница троих оставшихся сообщников приглядела, кроме контрабандиста из Фаленицы, ещё несколько кандидатов, в число которых вошёл некто Ленарчик. Слухи о пане Ленарчике, владельце многочисленных авторемонтных мастерских, бурно циркулировали среди водителей и механиков. Баська принялась осторожно навещать валютные магазины, изучая не столько товары, сколько постоянных посетителей. Павел и Донат пустили слух среди знакомых: мол, некто желает купить по любой цене доллары, и в немалом количестве. Акция развивалась по плану.

Мартин вернулся в Варшаву в страшном похмелье, но с видом триумфатора.

— Убил двух зайцев враз, — известил он сообщников. — Капитально поработал мозгами, и полный порядок.

— Нашёл моряка? — заинтересовался Павел.

— Даже двух.

— Зачем столько?

— А вот зачем: положиться на одного — дрянь дело. Регулярные контакты с одним моряком в конце концов вызовут подозрения, моряк может вдрызг упиться и намолоть лишнего. Рискованно.

— Но ведь он так или иначе тебя знает. Оба знают...

— Ничего подобного, меня не знает ни один. Зовут меня Михал Ковальский, выгляжу обычно. Один взял письмо и бросил в почтовый ящик в каком-то порту в Норвегии, а второй привёз ответ. Первый привезёт ещё одно письмо для Михала Ковальского, главпочтамт, до востребования, приклеит марку и опустит в ящик в Свиноустье. И привет! Могу с одним из них увидаться в случае особой надобности ещё разок. Или вообще не увидаться.

— Хорошо, а в письме что?

— В письме будет список фамилий и адресов посторонних людей, на которых мы отправим начинённые долларами думки.

— Значит, твой приятель согласился?

— И даже весьма охотно.

— А все понял?

— Он парень смекалистый, мало того, кой-какие творческие замыслы подкинул.

— Какие замыслы?

— А про банковские счета. Я сообразил, проблемы начнутся с получением денег со счета, ведь неизвестно, кто и когда будет покупать марки. С такими марками отнюдь не легко даже на Западе, придётся использовать разные оказии, просить знакомых. Да и он тоже должен этим счётом распоряжаться. Вот и предложил счёт на пароль. Без фамилии. Пароль надо придумать.

— Здорово, — похвалила Баська. — Без фамилии даже лучше, никто ничего не докажет.

— Так ведь пароль надо сообщить, — забеспокоился Павел. — Придётся его извещать, когда вышлетя очередная подушка. А как? Без моряков не обойтись...

— Обойдёмся. Пароль пройдёт в письме — кличка кошки или собаки. А очередные посылки — по адресам посторонних людей, они все будут пронумерованы. Первый, второй, третий... Приятель оставит себе копию, а я пишу поэму, думаю начать историческую, работаю с трудом и торжественно оповещаю друга: удалась наконец первая строфа, вторая, седьмая... Некоторые строфы случится переделать и по два раза. Таким образом, обойдёмся без рискованного посредничества разных сомнительных субъектов и сведём к минимуму опасность.

Вся компания выразила Мартину признание и восторг.

— Прекрасно, — воодушевился Донат. — Покупаем подушки и ждём письма со списком разных адресов и людей, так?

— А тем временем основательно шпигуем подушку...

— Минутку, минутку, — безжалостно прервал Павел. — Двадцать процентов отчисляйте сразу. Чтобы после не ломали голову — что-то, мол, не сходится...

— Уж не знаю, стоит ли высылать подушку черт-те с чем, — недовольно скривилась Баська. — И пяти тысяч не наберётся.

— Никакой мелочи! Высылаем только в крупных купюрах. Мелкие пойдут в казначейство!

— И мелкие, и крупные сперва раздобыть надо. Снотворного до сих

пор не достали...

— Верно, — оживился Мартин. — А про двух зайцев забыли?

— Я думал, два зайца — два моряка, — удивился Павел.

— Неужели привёз снотворное? — обрадовалась Баська.

— Привёз. Отрабатывал выданную на курорт сумму и не тратил времени даром. Пожалуйста!

Все рассматривали шесть больших ампул в коробке, их содержимое напоминало физиологический раствор — бесцветный и прозрачный.

— Что это такое? — спросила Баська. — И откуда?

— От моряка, разумеется. Иностранные моряки — настоящий клад для ловкого человека. Привёз для меня по случаю, из сочувствия, ибо я страдаю хронической бессонницей, наши препараты не помогают. Новейшая швейцарская продукция.

— И что с этим делать?

— Нюхать. Чуть-чуть накапать на ватку и вдыхать перед сном. Кажется, в принципе помогает заснуть, а после человек спит уже собственным сном и довольно крепко.

— А крепко с самого начала?

— Кажется, да.

Павел отобрал у Баськи ампулу и недоверчиво осмотрел.

— А не мало?... И как ты рассчитываешь убедить этих прохиндеев прнюхать ватку?

— Весьма деликатно. В одну руку берём ватку, в другую — ломик, этой другой замахиваемся...

— Тут уж и ватка ни к чему. Хороший ломик подействует сам.

— Другой вариант: берём обыкновенный шприц и — пуфф! — в воздух, к примеру, в замочную скважину. Препарат, распылённый в воздухе, действует аналогично. У меня есть ещё одна коробка этой штуки. Проверил на себе, полный порядок.

— Ладно, — согласился Донат. — Делаем пуфф, распыляем в воздухе, вдыхаем и валимся замертво прямо на месте действия. Оч-чень мило... Я лично могу заснуть и без этого...

— Погоди, не мешай лектору. Мы натягиваем себе на носы какие-нибудь там масочки или просто затыкаем ноздри ватой, пропитанной чем-то совсем наоборот. Забыл чем, но у меня записано. Клиенты сладко спят, а мы себе бодрствуем всю.

— И долго это действует?

— С полчаса в полную силу, потом ослабевает. Следов никаких, запах приятный, даже сны иногда приятные. Противопоказано наркоманам и

душевнобольным.

— Гениально, — выдохнула Баська. — Начхать на противопоказания — наркоманы и психи редко всерьёз берутся за тёмные делишки такого пошиба, как наши клиенты.

— Если даже и берутся, то от случая к случаю, и барыш, как правило, пустяковый. Это люди не для нас. Ну и что теперь?

— Как — что? Приятные сны гарантируем всяким мошенникам.

И снова обычный тупик: легко сказать, труднее выполнить. Баська, сходя в разведку, положила геройский почин, Мартин откопал моряков и снотворное, настала очередь Павла и Доната.

Однажды холодной дождливой ночью пёс в Фаленице сожрал аппетитный кусочек говядины с таблеткой, после чего влез в свою будку и уснул. Но увы... только пёс оправдал надежды. Донат и Павел вместо энергии и собранности проявили просто паническую растерянность. Разъярённая Баська силком дотащила их до ограды, которую надлежало форсировать, перелезая по замкам и перекладинам на воротах. Донат молча упирался, Павел боязливо и торопливо шептал:

— Это... это ведь воровство... Давай как-нибудь по-другому! Ни черта не видно! Господи боже, сколько живу, ещё никогда... Ещё никого не обокрал...

— Надо же когда-нибудь начинать! — яростно шипела Баська. — А ну марш, недотёпы! Лестница лежит у правой стены. Вы что, задумали Мартина доконать, вешаться, что ли, ему по вашей милости! Вот поганцы! За работу! И чтоб все-таки знали: это кража со взломом...

С непрерывными стонами, охами и ахами Донат и Павел наконец перелезли. Баська, боясь ослабления своего психологического нажима, то бишь бегства компаньонов, протянула им четвертинку, припасённую на всякий случай.

— Выпить! Тару вернуть! — приказала она. — Лестницу не забудьте на место! И морды себе завяжите!

Выпитая на пустой желудок четвертинка возымела полезное действие. Пока взломщики налаживали лестницу под окном ванной, они даже оценили смешную сторону авантюры. Более того: нашли в темноте нужное место, шлёпнулись только дважды, не выбили стёкол, бесшумно прокрались через ванную и холл и нашли спальню на первом этаже. Чудесное Мартиново средство распылили пульверизатором над головами почивающих обитателей виллы. Между окнами стоял антикварный сервант. В серванте, осенённые не иначе как сверхъестественным вдохновением, налётчики нашли тайник.

— Ну и рожу скорчит этот парень завтра! — хихикал Павел.

— Давай вытрем пол, — в деловитом кураже шепнул Донат. — Чтоб никаких следов...

Вылезли через узкое окошко в ванной, не свалились с лестницы, отнесли её на место и добрались до ворот грязные донельзя.

— Смеху-то, спятить можно! — заливался Павел. — Не знаю, не потерял ли чего...

Баська с Марином ждали в машине, тряслись от страха. Баська сидела за рулём, решив не подпускать к нему Доната — как-никак водки хлебнул. Мартин сверлил глазами темень — ему все чудилось, что идёт кто-то чужой. Боже, а вдруг да придётся оглушить непрошеного гостя — от одной мысли об этом Мартин холодел.

Два чёрных силуэта появились около «тра-банта» абсолютно неожиданно. Баська вскрикнула:

— Наконец-то! Это, надеюсь, вы?

— Осторожно, — шепнул Павел, садясь в машину. — Я весь в грязи. Он тоже.

— Вы на четвереньках ползали или как? Послушайте, а с псом ничего не будет? Не слишком ему влепили?

— Минимальная доза, — прошептал Донат. — Ну как для ребёнка или для щенка.

Павел зашептал совсем еле слышно:

— Все удалось на славу.

— Да что вы шепчетесь, не пойму?

Донат и Павел взглянули друг на друга и захохотали. Наконец Донат сказал обычным голосом:

— Ерунда. В привычку уже вошло. Я как стёклышко, но на всякий случай веда ты...

— А в мебели, там, между окнами, что было? — заёрзал Мартин.

Невинный сей вопрос спровоцировал новый приступ веселья у обоих преступников. Баська перестала наконец буксовать и выехала на улицу.

— Это с одной-единственной четвертинки! — бросила она с негодованием.

— Да нет, — ответил Павел, вытирая слезы. — Только там было столько всякого добра, что можно набить целую перину. Представляете физиономию этого типа, когда он увидит в целости и сохранности золото и бриллианты, а валюты нет?.. Глаза на лоб полезут.

Следующим очередником был пан Ленарчик. Его обчистили легко и просто, после чего операции перенесли на Жолибож. Там в собственной

вилле проживал некий деляга, по проверенным данным — большой дока в валютных махинациях. Главные хлопоты доставил шустрый пуделек; пёсик был требовательный и абы чего не ел. Таблетку пришлось растереть в порошок и вмять в котлету. Взлом сам по себе оказался плёвым делом — окна на первом этаже без решёток и стекло из балконной двери вынималось запросто. Хозяин, к счастью, не имел сейфа, все свои капиталы держал в ящике комода и даже не закрывал его на ключ.

Вся компания испереживалась из-за отправки первой подушки в наволочке с народной вышивкой. Подвиг взял на себя Донат, твёрдо решив, что после этой процедуры ноги его не будет на главпочтамте. Подушка прошла без сучка без задоринки; на следующий день Баська отослала конверт для новорождённого.

Через три недели от Мартинова приятеля пришло радостное известие: получил, дескать, высокооплачиваемую работу и уже удалось накопить пятнадцать тысяч долларов. Надеется на большее.

— Ну вот, — умозаклчила Баська. — Видите, как все просто? К чему есть себя поедом, психовать либо в петлю лезть? Лучшее средство — простая хорошая работа. Запасов у нас пока что на три подушки; Павел, твоя очередь!

— И давайте ускорим дело, завещатель в больнице чувствует себя препаршиво, — добавил Мартин. — Ему грозит операция.

— Тем более. Я уже подобрала нескольких серьёзных клиентов...

Выслеживание валютных комбинаторов Баська добровольно взяла на себя, лишь изредка обращаясь за помощью к сообщникам. Узнать её не было никакой возможности: в блонд-парике, в тёмных очках и в брюках, совершенно менявших её фигуру, она часами просиживала в разных странных местах. Результаты говорили сами за себя.

— Порядок, — услышали компаньоны на очередном производственном совещании. — Есть один долгоносый наводчик — точь-в-точь легава. И одна баба с пороссячьей рожей. У неё почему-то всегда юбка хвостом отвисает — чудеса, да и только, что бы ни напаялила, всегда сзади хвост. Долгоносый варит с одним плешивым и с одним рябым, плешивый крутит гешефты с этим, с Жолибожа, а с кем рябой, не знаю.

— А баба с кем? — заинтересовался Павел.

— У бабы есть шеф, который обычно принимает клиентуру в «Швейцарском». Красавец — сил нет, у меня челюсть отвалилась, как его увидела. Чистая обезьяна, чёрные космы на глаза лезут, рожа красная, сальная, золотой зуб сияет факелом. У бабы гешефт средненький, а у него всерьёз, и как ударит по крупной — с кем-нибудь едет куда-то в южном

направлении. Наверняка где-то там у него малина, но где, пешком-то не догонишь. Ездит на вишнёвом «таунусе».

— Такси не могла взять?..

— Спятил? Ещё чего! У таксистов память фотографическая.

— Надо узнать, где машина.

— Ясно, надо. Только присматривать за ними тоже надо. Плешивый и красавец-шимпанзе постоянно заключают сделки, и будьте уверены, всякий раз имеют при себе товара по меньшей мере на одну подушку. Надо организовать нападение.

— То есть как это организовать? Где они заключают свои сделки?

— Да где угодно. Шимпанзе с золотым зубом чаще всего в машине, Рябой тоже. Повсюду — в подворотнях, в забегаловках, на лестничных клетках, в Саксонском саду... Уловить бы подходящее время и место — и хватать!

— А ихние молодчики, охрана то бишь? — резонно спросил Мартин.

— Есть, почему бы нет? Штатается там несколько мордovorотов, но втихую — клиентов боятся спугнуть. Крутятся сбоку да вокруг. Если действовать в темпе, они и не подоспеют, а крик никто не поднимет, потому что милиция тоже там ошивается.

— Уж лучше кража со взломом, — размышлял Павел. — Хоть навык есть.

— А куда ломиться, если уже дефицит объектов?

— Необходимо отыскать малину, — твердил Донат. — В малине больше товара.

— Ну и что? Малина само собой, нападение само собой...

В результате Донат начал разъезжать на машине в шпионских целях. Золотозубого Адониса с его сальной мордой он выследил уже через несколько дней и выяснил: шимпанзе частенько навещает элегантную виллу на улице Гоцинского. С Рябым все оказалось куда сложнее: Рябой ездил на «фольксвагене-1300». Мощный мотор с места развивал бешеную скорость и молниеносно исчезал с глаз «трабанта» в разных направлениях, но в основном к югу. Донат помаленьку фиксировал короткие этапы его пробега. Был шанс через несколько лет проследить маршрут проклятого «фольксвагена».

Вилла на Гоцинского оказалась почти недоступной. Перелезть через ворота с улицы исключено — фонарь светил так ярко, что любоваться грабителями, сыщись таковые, могли все, кому не лень. Виллу окружала замечательная изгородь: даже лёгкое прикосновение вызывало где-то в доме страшный вой, бряцание и прочие сигналы тревоги. Необычайно

заманчивой объект, надо полагать, усиленно охранялся. Сидя за живой изгородью с биноклем, Баська после досконального наблюдения убедилась, что святая святых находится на первом этаже. Это был скрытый за книжной полкой сейф. Хозяин дома, правда, очень заботился о маскировке окон, но все-таки однажды затянул шторы неаккуратно — через щель удалось подсмотреть его манипуляции. Он нажал какую-то кнопку, книжная полка отодвинулась, обнажилась стальная дверка с диском посередине, и он набрал на диске шестизначный номер. Пять цифр из шести Баське удалось разглядеть.

Недоступность виллы крайне раздосадовала Баську: она все настойчивее требовала насилия над этой недоступной личностью. Донат и Павел в конце концов уступили. Согласились и прибыли по вызову с двумя мешками, дабы накинуть их на головы делег-лихоимцев, в случае чего врезать по уху и обчистить. В конце концов они оказались в Саксонском саду, где на скамейке мирно сидел плешивый с каким-то субъектом...

Когда они уже в четвёртый раз энергично продефилировали мимо скамейки, упорно глядя в другую сторону, Баська просто озверела и непременно выпихнула бы их и в пятый, но тут собеседники сорвались с места и поспешно удалились. После грандиозного скандала она вырвала у компаньонов клятвенное обещание более успешно провести следующий раунд, затем выявила время и место встречи долгоносого наводчика, похожего на легавую, с клиентом.

На сей раз сцена смотрелась так: долгоносый с клиентом вошли в дом на площади Домбровского, задержались на площадке между вторым и третьим этажами и принялись пересчитывать на подоконнике пачки банкнотов. Баська неслышно прокралась на второй этаж и, увидав увлечённых сделкой барыг, настойчиво замахала руками ожидающим внизу компаньонам. Донат сунул Павлу мешок, сам взял другой и с отчаянием прошептал:

— Эх, была не была, ноги в руки, пока эти не закончили...

Павел было о чем-то заикнулся, но сходящая по лестнице Баська зашипела не хуже разъярённой змеи. Донат легонько подтолкнул его, и Павел ринулся вверх. Донат поспешал следом.

Барыги у подоконника, скосив глаза, увидели прыгающего через три ступеньки человека и согласно повернулись тылом, стараясь заслонить свои банкноты. Прыгун бешено промчался мимо них наверх, наращивая темп. За ним, стараясь не отставать, летел другой, топоча и спотыкаясь поминутно. Он, похоже, гнался за первым с кровожадными намерениями. Топот и грохот отдавались на каждом этаже, постепенно удаляясь все

выше.

Господа финансисты быстренько рассчитались и поспешили покинуть суматошный подъезд, миновав внизу блондинку, внимательно изучавшую список жильцов.

Павел и Донат остановились на последнем этаже, увы — дальше бежать было некуда. Некоторое время тяжело дышали и смотрели друг на друга, потом уселись на ступеньке. После длительной паузы Донат наконец обрёл дар речи:

— Ну и что теперь? Спускаемся или ещё подождём?..

— Если бы ты напал, я бы тоже напал, — смущённо пробормотал Павел. — Как-то что-то не вышло...

— Да ведь ты первым бежал!

— Ну и что? Ты себе представил, что я с верхнего этажа на них прыгать стану?

— Не догадался. Что делать будем?

Павел помолчал, потом обеспокоенно буркнул:

— Давай лучше спустимся, а то она сама примчится.

Баська стояла внизу только потому, что не знала, сойдут они или спустятся в лифте. Гром грянул с ходу. На обоих налётчиков обрушился град ругани, поношений и упрёков.

— Да пойми ты, надо иметь хоть какой-нибудь хулиганский опыт, — оправдывался Павел. — А так вот запросто подойти и двинуть по башке незнакомого человека?

— А кто тебе велел двигать по башке?! Мешок на голову — и деньги в руки! А вы, голубчики, решили: налёт сам по себе, а вы сами по себе? Дураки, растяпы, идиоты!!!

— Извини, но ты вроде говорила, этот работает так себе, не по крупной, — вилял Донат. — Ну чего из-за пустяков так уж...

— Господи, и ты слышишь!!! — возопила Баська. — Хорошо, будет вам дело покрупнее! Но только попробуйте выкинуть такой фортель ещё раз...

Очередная, третья, акция свершилась на Театральной площади. Ошалелые от волнения Донат и Павел послушно явились по телефонному Баськиному приказу — Баська уже здорово ориентировалась в подпольном бизнесе. Немного подождали на Кредитовой около валютного магазина, потом все вместе поехали на Театральную площадь следом за «пежо», в котором сидел плешивый. «Пежо» припарковался около Вежбовой, «трабант» проехал дальше и свернул на Нецалую.

— Быстрей! — погоняла Баська. — Они как раз считают деньги.

Скорей, а то закончат и поминай как звали!

Она вышла вместе с компаньонами, чтоб издали проследить за операцией. Павел и Донат приблизились к «пежо» с двух сторон — Донат справа, Павел слева. Павел чётким шагом подошёл к дверце, но вместо того, чтобы резко открыть и атаковать, вежливо постучал в стекло. Водитель поднял голову и, предварительно спрятав в карман пачку банкнотов, опустил стекло.

— Что вам угодно? — спросил он холодно.

Павел крайне смутился — ведь хочешь не хочешь, а надо заговорить. Сказать, к примеру: позвольте вам двинуть по черепушке и забрать ваши деньжата... но ведь это ужасно бестактно и не к месту. А посему Павел, вконец смущённый, изрёк:

— Извините, пожалуйста, где улица Вилловая?

Водитель помолчал. Его пассажир сидел с напряжённо-безразличным видом. Донат, подойдя к другой дверце, так заинтересовался подъезжающим автобусом сто одиннадцать, словно ничего подобного в жизни не видывал. Павел в почтительном полупоклоне торчал у опущенного стекла.

— Улица Вилловая совсем в другой стороне, — сказал водитель «пежо» и вышел. — Не здесь, а на Мокотове. Вам лучше всего добраться на такси.

Взял офонаревшего Павла под руку, подвёл к стоянке такси и посадил в единственную свободную машину:

— Этому пану нужно на Мокотов, улица Вилловая, — после чего вернулся к своему «пежо».

Потрясённый Павел, не пикнув, поехал с Театральной площади. У Баськи потемнело в глазах, она даже не шевельнулась, когда такси с её муженьком промчалось мимо. Донат энергично двинул на автобусную остановку и сел в сотый номер. «Пежо» свернул на Белянскую. На месте действия остался «трабант», но Баська не могла в него попасть, ибо Донат увёз ключи в голубую даль.

Окончательно одуревший Павел проехал в такси мимо своей работы и вышел без всякой на то надобности только на Вилловой. Донат прокатил в сотом автобусе полный круг, что обошлось ему в пятьдесят злотых штрафа — про билет он, разумеется, забыл. Баське тоже пришлось ехать автобусом. Короче, все собрались у неё лишь к вечеру.

— Все. Хватит! — иступлённо орал Павел. — Пусть леший с твоим мешком шляется, я ни на кого бросаться не стану!

— Ну ещё бы! — презрительно цедила Баська. — Ты теперь у нас

специалист, пора и на покой! Молчи уж! На пустяковом налёте и то срезался...

— Подумать только, у хулиганья и всякой шпаны это все само собой выходит! — дивился Мартин.

— Надо продолжать знакомое дело, — рассудил Донат. — Все-таки кража со взломом занятие поспокойнее: присмотрю за Рябым, у него наверняка где-то машина. А с этими налётами пора кончать.

Мартин беспокойно заёрзал, даже рот раскрыл, но говорить раздумал. Баська посмотрела на него выжидательно, потом сказала:

— Итак, хана, пойдём на попятный? Учтите, кражи со взломом — такая волынка, дай бог лет через десять набрать нужную сумму. Думаете, все такие дураки, чтобы двери настежь оставлять? Да пораскиньте вы мозгами: коллекционер — трижды плюю через левое плечо — вдруг да помрёт, и все, поймите, все выплывает. Проще говоря, с нами полный ажур, один Мартин пусть себе выкручивается. А я, что я — ну дура баба и свинья легкомысленная...

— В Залесье живёт один частник, — залепетал Павел. — Ворует или нет — не знаю, но богат...

— Богатство само по себе ни о чем не говорит, — заметил умный Донат. — Может, он вполне порядочный человек.

— Вломиться к нему — тьфу... — слегка оживился Павел. — Он, пожалуй, слишком богат для честного труженика. Как пить дать ворует!

— Подъехать можно, почему нет, — сказала Баська без особого энтузиазма. — Поглядим, что и как. Если жулик — отлично. Только это все равно не спасёт положения!

Мартин снова заёрзал:

— Несколько моих приятелей довольно лихие ребята, сильные и поразвлекаться не прочь. Может, их как-нибудь уговорить?..

— Вот-вот, — подхватил Павел. — Лихой характер — великое дело!..

Донат возмутился:

— Чушь. Во-первых, нельзя подвергать такому риску посторонних, а во-вторых, пойдут сплетни. Твои приятели как-никак с тобой знакомы.

— Тогда надо поискать незнакомых хулиганов...

— Да заткнитесь же! — вскинулась Баська. — Я подозревала, да что там, знала, что так все и будет, и одна идея у меня про запас давно есть. Найдём дельных парней, только надо хорошенько продумать. Устроить так, чтобы нас вообще никто не знал и не смог зацепить. Раскошелиться, само собой, придётся. Я хочу сказать...

Но вопреки нетерпеливой настойчивости своих друзей она больше

ничего не сказала. Оперативная деятельность на какое-то время притормозилась. Законный владелец утраченного сокровища чувствовал себя в больнице все хуже, и настроение компаньонов соответственно ухудшалось. На Мартина прямо-таки жутко было смотреть. Без его ведома обокрали небезызвестного Лёлика — он, правда, не был мошенником, но милиции почему-то страшился. Донат без отдыха катал за Рябым, у Павла засело в мозгу Залесье, и он тоскующим взором поглядывал на виллу богатого частного. Его останавливало только одно соображение: а вдруг он порядочный — поднимет шум и помчится в милицию.

Наконец Баська пустила в ход свой запасной вариант. Идея заключалась в следующем: умелых исполнителей должен некто нанять. Этот некто, во-первых, должен быть далёким от валютчиков, но деловым человеком, которому всяческие препоны и законы не мешают спокойно спать. Во-вторых, предполагаемый кандидат должен твёрдой рукой держать подчинённых и хранить верность своим компаньонам. И разумеется, он должен любить неординарные, рискованные предприятия и держать язык за зубами, даже если выйдет из дела.

Такого уникального индивида, Гавела, Баська знала уже много лет. Она легко возобновила прерванные некогда контакты.

— Умора, да и только! — развеселясь, хохотнул Гавел. — Кретинка. Такой ерунды осилить не могут. Тоже мне, деяги. Хи-хи!

— Для кого ерунда, а для кого и нет, — парировала Баська. — Ты бы тоже по верёвочной лестнице не полез — дружка бы подослал.

— А на кой шут мне лазать по верёвочной лестнице?!

— А я знаю? Не хочешь, не ламай. Умничать всякий умеет. А мне рыдать охота — во какой кус у нас мимо рта уплывает.

Гавел задумался. Баська взирала на него с надеждой — идея его явно заинтересовала.

— Мне с такого дела кое-что причитается, — отчеканил он без обиняков. — Я ещё не рехнулся, чтобы ради какого-то раззявы за спасибо суесться. Вас четверо, говоришь? Лады. Пятая доля мне. Идёт?

Баська согласно кивнула. Насчёт казначейских двадцати процентов даже не заикнулась, не без оснований опасаясь, что Гавела просто хватит удар. Потом подробно изложила ситуацию, детали, мелочи, справедливо решив, что без точной информации Гавел рисковать не станет. Он любил риск, но риск обоснованный.

— Они обо мне знают? — спросил он деловито.

Баська пожала плечами:

— Могли слышать про тебя от Иоанны, но понятия не имеют, что мы с

тобой знакомы. Думают, мне тоже про тебя Иоанна натрепала.

— Кстати! Одно условие. Иоанна ничего не должна знать о моем участии. Понимаешь, в случае чего кто-нибудь кому-нибудь подложит свинью: либо мы ей, либо наоборот. Она там со своими ментами попала в дурацкое положение, и с ней — полный молчок. Уяснила?

— Да всем все понятно. Ничего она не знает, хотя баба толковая и был бы прок. Ничего не знает и не будет знать.

— Само собой. А своим чего про меня наговорила?

— Ноль. Сама, мол, справлюсь, и не их собачье дело, как... Проглотят как миленькие — им ничего другого не остаётся.

— Лады, — с удовольствием повторил Гавел. — Давай рассказывай, что к чему и твои планы. Конкретно: как выйти на этих валютных фраеров.

Баська облегчённо вздохнула, закурила и поудобнее устроилась на шикарном финском диване. Ещё раз вздохнула при мысли, что за проклятое Мартиново наследство могла бы заполучить и себе кучу таких диванов.

— Все элементарно. Вальдемар — железобетон, влюблён в меня с пелёнок, и в башку ему ничего подозрительного не придёт — чуток наивен для этого. Велю ему найти фраера с долларами. Вальдемар находит. Скажу, хочу купить две тысячи. Дам ему в лапу триста тысяч злотых...

— И у тебя есть триста тысяч? — слегка удивился Гавел.

— А что? Не с пустыми же руками решаемся на такое, грунт обеспечен... Вальдемар договаривается с валютчиком и покупает зелёненькие...

— А как с ценой? Торгуются?

— Наплевать. Вальдемар может уступить и купить дороже. Совершают сделку, обмениваются деньгами, прячут, и тут вмешиваешься ты. Деньги отбираются у обоих. Вальдемар ни о чем не догадывается, гарантирую, трясётся от ужаса. У него такой вид — ему любой с ходу поверит. Никому и в голову не придёт, чтоб этакий недотёпа задумал хитроумную каверзу, поглядишь на него при случае, сам убедишься. Вальдемар со слезами летит ко мне, а я спокойно говорю: ничего страшного, найди другого клиента, но эти две тысячи купи. Даже лучше три. Вальдемар находит следующего...

— А твой Вальдемар не призадумается наконец, откуда у тебя столько денег?

— Вальдемар золото, а не человек — он вообще не любит задумываться. Потом, я покупаю не для себя, а, допустим, для миллионера — владельца пригородного хозяйства. Вальдемар и под пыткой поклянётся, что действует в интересах абсолютно чужого человека, а я только

посредница... Погоди, чушь я несу! Из Вальдемара никакой пыткой не выжмешь моего имени!

— Допустим. Но валютчики не полные кретины, начнут подозревать...

— Только на второй раз. А третьего раза не будет, то есть будет, но уже в других городах. Есть ведь Гданьск, Щецин, Краков, Закопане... Обработает другие города, снова вернётся в Варшаву. Он часто ездит в командировки. Естественно, уведомит меня, где и когда договорился с очередным валютным прохвостом. А найди мне такого субчика с долларами, который помчится с криками в милицию.

— Кстати, у этих огородников тоже долларов хватает, — сообщил задумчиво Гавел. — Дать хорошую цену, продадут.

— Ну видишь...

Гавел засмотрелся в окно. Очнувшись от размышлений, решительно объявил:

— Ладно, согласен! Ну и потеха, хи-хи! Я даже покажу кое-кого твоему Вальдемару. Есть парочка прохиндеев. Наступили мне на любимую мозоль, хи-хи-и-и! Нападение разыграем в лучшем виде. Хи-хи-и-и! Только сначала покажи мне его...

Таинственно заполученная Баськой новая солидная начинка для подушек вызвала, с одной стороны, великое облегчение, а с другой — беспокойство. Донат и Павел с сомнением помалкивали. Мартин и оживился, и помрачнел, зловеще объявив:

— Не нравится мне все это. Паника началась. Того и гляди пресса за нас примется.

— Не трясись, никто ничего не пронюхал, — утешала Баська. — Эти громилы меня не знают, а про тебя слыхом не слыхивали. И понятия не имеют, что за этим стоит. Получают гонорар, остальное им до фени.

— Всю чёрную работу за нас отваливают, — заметил Павел. — Расчёты, правда, несколько усложнились: двадцать процентов высылаем от суммы брутто, сюда же их гонорар... Скоро, глядишь, и бухгалтера придётся нанять.

— Ничего не попишешь, предприятие разрастается, себестоимость тоже...

— То-то и оно, — вмешался Донат. — Надо больше нам самим поработать. Рябого я на себя возьму, только на две недели в ГДР сгоняю.

— Самое подходящее время на зарубежные экскурсии...

— Я же в командировку. Вот бы его до поездки накрыть. В случае чего разделаетесь с ним сами.

— Попробуем, — согласилась Баська, скрывшая от союзников участие

Гавела в прибылях и мечтавшая о самостоятельной добыче. — Прихватишь его в последний момент — найди способ сообщить. Позвони или открыткой. К тому же из Берлина подушку вышлешь...

— Исключено! — запротестовал Мартин. — Черт знает, что там за контроль, большой риск.

— Не все же время из Варшавы посылать, того и гляди сядут на хвост!

— Есть и другие города, поезда ходят, самолёты летают. Давненько не бывал в Кракове, охотно прокачусь...

— Я еду машиной, могу по дороге из Познани отправить, — предложил услуги Донат, одолеваемый большой совестью: и с нападением напортачил, и Рябого не выследил... Истерзанный мыслью о своей бездарности — ведь из-за него друзья попали в зависимость к неизвестным бандитам, того и гляди нагрянет расплата, — Донат все свои силы бросил на Рябого и в последний вечер перед отъездом открыл его бесспорные шашни с богатым частником из Залесья. Вскоре Донату сообщили о том, что Павел подвернул ногу и что все отправляются на мост. В спешке Доната осенила блистательная идея оставить бесценную информацию в записке, подсунув её под «дворник» в моей машине, в которой компания наверняка отправится домой...

Баська упорствовала с виллой на Гоцинского. Трёхмесячные наблюдения принесли блистательный результат. Просиживая поблизости целыми днями, однажды она увидела неповторимую сцену: пан Кароль вместе с домработницей, нагруженные всевозможными постельными принадлежностями, перепуганные, в спешке бежали из дому. Баська позвонила из ближайшего автомата, и через пятнадцать минут трое заговорщиков были на месте.

— Вынесли все постели и уехали, — известила их Баська. — Калитка открыта, в доме никого, единственная оказия. Не понимаю, что стряслось — пожар, что ли? Случаем дом не заминирован?

— И что же стряслось? — заинтересовался Мартин. — От катаклизма решили спасти исключительно постели и больше ничего?

— В чистку пера и пуха повезли, — предположил Павел.

Баська завелась с пол-оборота:

— Да скорей же, растяпы, горе-разбойники! Сбежали на дикой скорости, так же и вернутся, вспомнят про открытую калитку! Да не летите все вместе — тут вам не первомайская демонстрация!

— Ты останься, — велел Мартин Павлу. — Может, техническое образование пригодится.

Баська встала на стрёме у калитки.

— У тебя свисток, увидишь их издалека, свистни. Сматываемся через сад. Застанет в своём доме — всех передушит.

Толкнули калитку, вошли в сад. Мартин отправился в обход виллы, Донат подошёл к двери. Позвонил, начал осматривать замок. Мартин, обойдя дом, явился с другой стороны.

— Оставь, — сказал он на всякий случай вполголоса. — Дверь на веранду открыта. Тут какое-то крупное чэпэ, боюсь, не рванёт ли все это к чертям собачьим.

Без осложнений, осторожно вошли в дом через веранду, отыскивали кабинет пана Кароля и осмотрели полку. Мартин быстро обнаружил механизм.

— Я в последнее время специально занимался тайниками, — признался он. — В голове вертелось, вдруг пригодится...

Набрали на диске подсмотренный Баськой номер, с третьей попытки попали на нужную последнюю цифру, и сейф открылся.

— Боже праведный! — задохнулся Донат при виде сокровищ.

— Денежки-то тяжёлые, — заметил Мартин недовольно. — Зря Павла не взяли.

— Давай немного хозяину отложим, а тс обанкротится — и лишимся клиента...

Дверь на веранде оставили открытой — все как было, сняли с поста Баську, захлопнули калитку и, сгибаясь под тяжестью нового улова, добрались до «трабанта», вокруг которого нервно бегал Павел.

— Никогда бы не поверил, до чего просто! — дивился Донат, запихивая в машину большую, до отказа набитую туристскую сумку. — А я-то жалел Баську — проведёт без толку всю оставшуюся жизнь здесь на Гощинского.

— То-то и оно, — торжествовала Баська. — Караулила, караулила — и вот вам. Таков уж закон жизни — человеку в чем-нибудь да повезёт!..

Все шло прекрасно, не потребуй Гавел у Баськи сразу после первых успехов пароль на счёт в Швеции. Без пароля он отказывался от всякого участия в деле, хотя причитающийся ему гонорар получал систематически и без опозданий.

— Мне деньги нужны безотлагательно, — пояснил он. — Что моё, то моё, и никаких гвоздей. У меня, знаешь ли, деньги без движения не залёживаются. Капитал, он оборот любит. Вашего не трону, не волнуйся, разве что одолжу займы, а тогда уж верну с процентами.

Баська испугалась: возьми Гавел часть суммы со счета, и её компаньоны откроют, что деньгами кто-то пользуется для личного

обогащения. Приягель Мартина ежемесячно слал до востребования ликующие известия о своих растущих заработках. Превращение общественно полезной деятельности в обыкновенное стяжательство и преступление непременно приведёт к непредсказуемым последствиям. Такого Баська допустить не могла.

— Погоди немного, — забеспокоилась она. — Скажу тебе пароль, только не бери пока денег. Они узнают, допекут меня насчёт твоего участия, на кой черт всякие осложнения? У меня не жизнь, а каторга начнётся, подожди пока, хоть ради меня.

Гавел уступил неохотно, обещал переждать, но пароль записал. Баська нервничала, все её аргументы для Гавела тьфу, и подвернись ему выгодная сделка, тут же распотрошит счёт... Баська не желала ему худа, но взмолилась про себя, чтобы в его операциях наступил полный застой.

На всякий случай Баська в глубокой тайне решила понаблюдать за налётами. Не все ей удалось обзреть, ибо Вальдемар с условленного места часто уезжал в машине партнёра. Нанятые Гавелом прохвосты, ясное дело, отправлялись за ним, используя разные виды транспорта. Баське оставалось такси, а прибегать к такси она считала великой неосторожностью — ведь таксисты имеют глаза и натренированную профессиональную память...

Однако, проследив за налётами, она узнала нападающих. Хотя они обросли и походили больше на обезьян, чем на людей, Баська без труда распознала своих давних знакомцев. Пока неизвестно, пригодится ли это знакомство, и она похохатывала, что нанятые Гавелом налётчики про неё ведать не ведают.

Через некоторое время возникли осложнения.

— У тебя, кроме этого Вальдемара, на примете нет никого? — осведомился Гавел при очередной встрече. — Надо бы неразбериху на полную катушку пустить. Валютчики нервничают. Хи-хи-и-и!

Баська забеспокоилась:

— А что? Вальдемара заприметили?

— Пока нет, но того и гляди приметят. Сущее пекло разверзлось, хи-хи! Ихние мордovorоты-охранники уже дважды схлопотали по роже от работодателей, о господи, ну и кино! Хи-хи-и-и!.. До моих парней не доберутся, но чем черт не шутит — надо бы всех этих гешефтмахеров запутать. Есть у тебя кто?

— Троих по одному разу хватит?

— Хватит. Эти трое верняк?

— Абсолютно.

— Каждого по очереди покажешь...

— Зачем? Скажу, с кем будут заключать сделку, и хватит. А чернорыночных заправил твои люди знают?

Гавел подумал, захихикал и кивнул.

— Пожалуй, ты и права. Даже лучше, если нарвутся на чужака. Договорились: три сделки без Вальдемара и всякий раз клиенты разные. Только пускай орут поаккуратнее. Хи-хи-и-и!..

После этой конференции Баська вручила Павлу полмиллиона злотых.

— Держи. Повертишься в Иерусалимских аллеях, около валютного магазина, увидишь плюгавенького косоглазого... Впрочем, покажу пальцем, иначе все равно перепутаешь. Подождёшь, пока не заговорит, предложишь купить у него четыре тысячи долларов.

Павел недоверчиво смотрел на толстую пачку злотых.

— И что?

— И ничего. Вы договоритесь. Ты поедешь за злотыми, а он за долларами. И боже упаси брякнуть, что деньги у тебя с собой. Сообщишь мне, когда и где встреча.

— А потом?

— Ничего. Встретишься с ним, он тебя куда-нибудь отвезёт...

— Двинет мне по роже и отнимет деньги.

— Дурак. По морде, конечно, получишь слегка. Нападут бандиты и заберут все. У него тоже. Особенно не сопротивляйся.

— Это ещё почему? — возмутился Павел. — Мне же ещё и бандитам потакать?!

— Ты же сам не хочешь разбоем заниматься, значит, будешь пострадавшим. Никуда не денешься, придётся принять участие во всей этой катавасии.

— Ну ладно, только почему я?!

— Не нуди, Мартин и Донат в очереди за тобой...

Павел отправился на дело неохотно. Разбойники напали в одной из безлюдных улочек на Чернякове. Увечья не получил, даже по морде не заработал, ибо сохранил полное спокойствие и поднял руки вверх, хотя никто этого не предлагал. А после к тому же донимал всякими подозрениями ошалевшего с перепугу валютчика: что тот сам организовал нападение, обманом завлёк своего доверчивого клиента, подло использовал в гнусных целях, а посему он, клиент, порывает с ним всякие отношения. Возможно, и в милицию обратится.

— Было даже смешно, и ничего со мной, как видите, не случилось, — рассказывал позднее Павел.

Подбодрённые его рассказом, Донат и Мартин не протестовали и согласились подвергнуться насилию. И того и другого обобрали по очереди в разных пунктах города; кроме того, Донат использовал командировку в Щецин, дабы его ограбили и там.

— Слушай-ка, эти двое везде и грабят? — заинтересовался он, вернувшись из поездки. — Рожи обросли бородами, узнать трудно. А вообще-то кто такие?

— Работники физического труда, — объявила очень довольная Баська. — Специально нанятые, чтобы за вас проверить грязную работу. Не знаю, кто такие, они про нас тоже не догадываются, и нам нечего совать нос куда не надо. Лучше знать поменьше.

Весёлая идея Гавела окончательно сбита с толку стражей чёрного рынка. Операция развивалась. Мартин послал приятелю письмо со списком марок, подлежащих покупке, и начал заполнять анкету на выезд, одновременно через зарубежных знакомых разыскивая обладателей «Маврикиев». Заговорщики радовались близкому концу своих преступных деяний.

Тут-то и разразилась катастрофа...

Десять дней Баське удавалось скрывать от сообщников связь аферы со смертью Вальдемара Дуткевича. Сначала Павел, а за ним Мартин и Донат догадались о правде. Случившееся оглушило, словно дубиной, все сникли.

Дня через два, с трудом оправившись, обрели способность рассуждать. Невинная, казалось бы, афера вдруг резко изменилась, приняла угрожающий характер, заставила взглянуть на всю затею другими глазами... Кто-то в ответе, но кто и в какой степени, никто не знал...

— Я выхожу из игры, — сухо заявил Мартин. — Не знаю погибшего, но это на моей совести. Да и вообще отсижу за проклятые марки, и дело с концом.

— Ясно, такого рода дела добром не кончаются, — хмуро буркнул Павел. — Давно пора было кончить...

— Раньше никак не выходило, — по-деловому заметил Донат. — У нас на счёту пятьсот семьдесят девять тысяч шестьсот двадцать долларов. Ещё бы немного, и порядок. А так не все марки удастся выкупить...

— Ничего выкупать не собираюсь, заграничный паспорт оформлять отказываюсь.

— Послушай, утихомирься. Кто спорит — мы виноваты, нельзя было вовлекать постороннего человека, а насчёт убийства кто мог подумать. Побить ещё куда ни шло, но убить... На мой взгляд, что-то тут чертовски неладно. Меня тоже совесть грызёт.

— Смерть Вальдемара целиком на моей совести, кругом виновата я одна, — решительно заявила Баська. — Я втянула его!.. А не пристрой я его к этому делу, кто-нибудь из вас оказался бы на его месте. Тоже ничего хорошего.

— Убили валютчики, сомневаться не приходится, — совсем помрачнел Павел. — Сволочи... Я рад, что этих негодяев хоть на валюте нагрели. И богом клянусь, готов нападать и обирать их как липку.

— Быстро же твоя готовность созрела, главное — ко времени, — съязвила Баська.

— Ясно, валютчики действовали, и не своими руками, у них на то спецмолодчики имеются! Всякие наёмные гориллы. А хуже всего, что мы же должны желать им доброго здоровья — если милиция засечёт, через них выйдут на нас...

— А мне без разницы, — совсем сник Мартин. — Я, пожалуй, все деньги отошлю...

— И что? Вальдемара воскресишь?

— Не знаю. Марок нету и не будет, а сидеть придётся. Государственное имущество на сумму свыше полумиллиона — пожизненное заключение обеспечено. И вообще ничего больше не понимаю.

— Может, обойдётся, милиция их найдёт, а нас нет? — уныло пробормотал Павел.

— Совсем свихнулись! — рассердилась Баська. — Что только у вас в башке делается? Вы Вальдемара не знали, ведь не вы же его кокнули! Убили беднягу бандиты, нанятые мерзавцами, о которых мы и представления не имеем. Мы ведь даже не в курсе, кто мерзавцев обирал!

— Зато знаем, кого обирал. И для нас обирал...

— Как ни крути, а убили из-за нас. Мы его уговорили, из-за нас все.

— Не вы, а я...

— А Дуткевич ни про нас не знал, ни про афёру. Убийцу найти — значит раскопать наше предприятие. А так все будет шито-крыто.

— Боже праведный, ну и кашу мы заварили...

— Давайте потолкуем логично, — вступил Донат. — Прежде всего, надо отдать себе полный отчёт в нашем положении. Во-первых, кто убил Дуткевича?

— А черт его знает...

— Какие-то двое. Не поручусь, что не наша парочка, — съехидничал Мартин. — Ведь сказал же он по телефону: «Те самые двое». Что бы это значило?

Все молча уставились на него, Баська похолодела.

— И что же это значит? — растерянно переспросил Донат.

— Не знаю. Естественное соображение: узнал неких двоих, с кем уже имел дело. Далеко идущие выводы ни к чему, но и сами напрашиваются — постоянно нападавшая пара...

— Совсем сдурел! — завопила Баська. — Эти парни с прихвостнями валютчиков ничего общего не имеют!

Из всей компании один Донат умудрился сохранить трезвость ума.

— Да, не похоже. Скорее всего, Вальдемар обратил на них внимание при сделках: либо они выполняли функции телохранителей, либо за ним следили и преследовали... Предположим, обстояло именно так. Предположим, охранников схватят, они признаются — наняты валютчиками. Валютчики свалят на Вальдемара — дескать, наводчик, повязан с бандитами. Вальдемар умер, круг замкнулся, и мы ни при чем.

— А если его убили не гориллы, а наш, так сказать, персонал...

— Тогда возникает полная бессмыслица. Я отказываюсь понимать. Разве что Баська распорядилась его убрать, в чем сомневаюсь.

Баська пожала плечами, подумав, постучала ещё и пальцем по лбу. Павел взглянул на неё, потом на Доната.

— Сдаётся, все так и произошло, как он говорит, — показал он трубкой на Доната. — Если наши махинации не откроют, до нас не доберутся. Но все равно Вальдемар на моей совести. Мартин, поступай как хочешь, только выкупи марки, хоть какой-то толк будет из этой заварухи.

— А как? Отсюда?

— Через своего приятеля. За деньги последний болван купит. На счёту пятьсот семьдесят с чем-то тысяч, не хватает всего ничего, какой-то пустяковины...

— У моего шурина в Лондоне знакомые филателисты, — сообщил Донат. — Возьму адреса, а твой приятель попытается с их помощью...

Началось обсуждение покупки марок на расстоянии. Баська молчала. Она одна знала — сумма на счёту значительно меньше, ведь следует учесть и долю Гавела. А Гавел своего ни за какие коврижки не упустит...

Гавел не только не упустил своего, но и повысил требования.

— Кто-то наследил, — разразился он, как только Баська вошла. — Больно уж быстро вычислили Вальдемара. И ко мне больше не шляйся, легавые и так повсюду околачиваются, а из-за ваших глупостей я не собираюсь нести убытки. Значит, так: или мне половина прибыли, или займы все деньги на полгода, потом получаете свою половину с процентами. Скажем, шесть процентов. Что предпочитаешь?

— С ума сошёл? — Баська была вне себя. — За какие это заслуги — половину?

— А за такие, что мои расчёты того требуют, и баста. Вы отправили двести восемьдесят тысяч, для моих целей необходимо сто пятьдесят. И за несколько недель я сто пятьдесят заполучил бы, не подложи какой-то стервец свинью. Опять же чем черт не шутит — вдруг Вальдемар сам проговорился...

— Да не мог он проговориться, ничего не знал. Был жертвой грабителей, и только.

— Ну, тебе видней. Может, ты сама где-нибудь трепанула. Или кто из твоих дружков. Подпортили мне дело, и, хочешь не хочешь, я убытки себе возмещу. Выбирай: или половина, или все займы, мне без разницы.

— Ничего ты не получишь, понятно? — осатанела Баська.

Гавел смерил её странноватым взглядом.

— Понять-то понятно, только ведь нехорошо получится... — несвойственно вежливым тоном протянул Гавел. — И отчего бы это вдруг ничего?

Тон Баську образумил: не то время выбрала для войны с Гавелом. Тяжело вздохнув, она откровенно призналась, в чем беда. С покупкой марок тянуть нельзя — и так все осложнилось, а денег не хватает, вот она и понадеялась на Гавела, мол, поймёт и откажется от своей доли. Иначе все их подвиги насмарку.

Гавел спокойно выслушал, не высмеял, не придушил, даже заинтересовался и ответил уже в своей обычной манере:

— Ваши идиотские заботы мне до лампочки! Идиотов надо топить смолоду. Но ты баба хорошая, и потому предлагаю скомбинировать. Меня не проведёте — кое-что без меня сколотили, и я не совался. Давай всю сумму на полгода. Через полгода, максимум через три квартала будете иметь нужные деньжата на вашу священную макулатуру, да ещё и останется. Прибыль с вашего без моего участия полученного капитала — фифти-фифти.

— До тебя не доходит, что ли, ведь по-польски объясняю! Через полгода наша афера выплывет на свет божий — и все полетит к чёртовой бушке.

— Подумаешь, эка важность, выкупите с опозданием. У меня свои интересы, я от них не отступлюсь. Ну хватит, решай.

Баська начала лихорадочно соображать в поисках выхода... Гавелу, как и Мартину, за границу не выехать. В ближайшее время уж точно. Значит, главное — выиграть время, а позже поставить Гавела перед свершившимся

фактом, и все тут. Не передушит же он их, а уж с голоду наверняка не помрёт...

— Надо посоветоваться с моими, может, согласятся на твой вариант. Сообщу через день-два.

— Обжудить меня собралась, — тут же сообразил Гавел. — Хи-хи-и-и! Не пройдёт, у меня свои ходы, ты уж не старайся. Ну и дурака же вы сваяли с этим Вальдемаром!..

* * *

Заботы сыпались как из рога изобилия. Старого пана в больнице опять готовили к операции, от которой однажды уже отказались: выдержит ли пациент, сомнительно. Мартинов приятель сообщил, что покамест отыскал «Маврикиев» в количестве шести штук, владелец согласен продать оптом — разрознить серию считает просто варварством. Или все шесть, или ничего, а в комплекте, само собой, марки стоят значительно дороже. Мартин рвал на себе волосы. Баська грызлась с Гавелом, насчёт которого все ещё не решалась признаться компаньонам. Павел и Донат пребывали в полном унынии — никак не могли отойти после смерти Дуткевича и до глубины души возмущались тем, что сукины сыны валютчики снова безнаказанно занимаются махинациями. Милиция раскопала, как шла контрабанда валюты, и добралась до адресатов в Швеции и Норвегии. Смекалистый приятель Мартина довольно изворотливо ответил на письмо из Польши, зная-де ничего не знает, но тут же просигналил им насчёт сделанных милицией открытий. Если что и утешало друзей, так это его сообразительность.

В такой ситуации болтовня Фелюся с Иоанной переполнила Баськину чашу забот — она вдруг осознала, что Гавел, зная пароль, в любую минуту может снять со счёта все накопления. Трясущейся рукой она набрала номер Мартина.

Мартин явился на зов, полный наихудших предчувствий, а потому потрясение не свалило его с ног.

— Я выболтала наш пароль одному типу, — выпалила Баська без объяснений — на дипломатию не было времени. — Очень надеюсь, капитал он пока не успел свистнуть, но может все забрать хоть завтра утром. Что делать? Объяснения потом.

— Снять и перевести на другой счёт, — не раздумывал Мартин, соглашаясь на объяснения потом.

— А есть другой счёт?

— Нету. Есть у Иоанны. И ещё у кого-нибудь есть, но только она сейчас же даст номер...

— И что дальше? Звонить приятелю?

— Отпадает. Ночным поездом выезжаю в Щецин, перехвачу любого моряка со шведского судна. Вообще любого иностранца, переправляющегося в Юстад. Всучу безобидную записку, он позвонит. Может, успеет...

— Беги, опоздаешь на поезд...

Учитывая темпы работы почты, эффект операции остался неизвестен. Баська исповедалась Мартину насчёт Гавела, и оба напряжённо ожидали вестей от приятеля. Павел и Донат пребывали в блаженном неведении.

Баська, неспособная к бездеятельности, маялась неясными подозрениями — трагические слова Дуткевича и ехидные инсинуации Мартина не давали ей покоя. «Те самые двое»... Какие двое? Разведывая на ощупь и осторожно обследуя разные версии, Баська попала в ресторан «Славянский». Пригласили её давние знакомцы — автомеханик и торговец автомобильными запчастями. Встретились после долгого перерыва, начались воспоминания, выплыли общие знакомые, тут-то и зашёл разговор о Франеке и Весеке. Ещё щенками, несколько лет назад, Франек и Весек подавали большие надежды вырасти бандитами и головорезами, но — о диво! — ничего подобного не произошло. Хоть и бывали в их карьере с год, может, и два сомнительные шалости, однако образумились, устроились на работу. Оба стали прекрасными автомеханиками, в своё время помогали Баське справиться с её грузовиками. А недавно вдруг исчезли с горизонта, будто камень в воду или сквозь землю провалились, никто не знает, где они. И впрямь интересно, куда вдруг подевались...

Баська осторожно поинтересовалась, где трудились в последнее время. Оказалось, в автомастерских: один в частной, где-то на Садыбе, другой в государственной, в центре. Не отказывались и от халтуры — золотые руки, зарабатывали неплохо, только вот прошлое за ними тянулось...

— Да ведь они не сидели, — ещё осторожнее закинула удочку Баська. — Я все удивлялась, как это им удалось...

— Ловкие парни, факт, — согласился один из собеседников. — А знаешь, почему не сели? Работали на Пежачека.

— Что такое Пежачек?

Знакомцы конфиденциально наклонились к ней.

— Пежачек — шеф чернорыночных телохранителей. Из его людей

никто не сидит, умеет, холера, вытащить. Все шито-крыто, никаких улик. Парни на него работали уже давненько, поножовщина случалась не раз, но все сходило с рук. Пежачек до сих пор, как понадобится, подряжает на работу таких людей, что давно от тёмных дел откололись и в милиции не числятся. Держит их в кулаке, из прошлого много чего знает...

— Перестань молотить языком, гляди нарвёшься, — предостерёг второй знакомец. — Больно, нужен Басе этот Пежачек!

— Ну почему же, — запротестовала Баська. — Интересный тип. Шеф охраны, говорите? А что это такое?

— Как что такое — шеф и есть шеф. Он всему голова: блюдёт порядок, учиняет при надобности мордобой, не лично, конечно, всю братву держит в руках. Без него ни тпру ни ну. Может, Франека и Весека куда отослал...

Этих сообщений хватило. В мгновение ока Баська уразумела, каким чудом выследили Вальдемара Дуткевича, и сделалось ей как-то не по себе.

На следующий день утром помчалась к Гавелу. Гавел куда-то собирался и сел в машину.

— Тебе сказано было не шлаться ко мне, — раздражённо приветствовал он Баську. — Садись, не мозоль людям глаза!

Баська игнорировала упрёк.

— А где Франек и Весек? — с ходу брякнула она, усаживаясь в «мерседес».

Гавел, собиравшийся включить мотор, повернулся к ней.

— Какой ещё Франек, какой Весек?

— Наши помощники. Нанятый тобой персонал. Где они?

— А ты откуда дозналась про них?

— Не твоё дело! Ладно, скажу, не станем же препираться попусту. Я их давно знаю. И узнала, когда выступали налётчиками. Где они?

Гавел повернул ключ и медленно тронулся.

— Кому про них натрепала?

— Сдурел? Чтоб я ещё на такие темы рассусоливала? Да никому!

— И впредь держи язык за зубами... Не видывал ни Франеков, ни Весеков.

— Не видывай себе. Скажи только, где они. Кстати, я еду в Виланов.

— Куда?

— В Виланов. Подбрось меня, тебе один черт. По дороге поговорим. Ты их не видел, я тоже. Где они?

— А мне откуда знать, — окрысился, помолчав, Гавел. — На кой они тебе сдались?

— Если милиция их разыщет, догадываешься, чем может кончиться?

— Зачем они милиции? Милиции делать больше нечего, только этих дурней искать? Или шельмы валютные донесли?

Баська оторопела. Гавел проявлял непонятную тупость.

— Тебе, недоумку, все ещё невдомёк, что они убрали Вальдемара? Чей-то приказ выполняли! Вальдемар их узнал! Ты отослал бандитов подальше или утопил в глиняном карьере?

Гавел едва не проехал на красный свет, с визгом затормозил в последнюю минуту.

— Совсем ума лишилась?!

— А ты что, не знал? Не допёр? Плетёшь мне тут ерунду, Вальдемар, мол, подкачал, больно скоро его обнаружили! Уж не знаю, кто тут подкачал!..

Гавел отмалчивался довольно долго.

— Да говори же! — злилась Баська. — Надо что-то делать! Где они?!

Гавел продолжал молчать.

— Сам хотел бы знать, — буркнул он наконец. — Я все диву давался, куда парни смылись. А ты откуда такая осведомлённая?

— Прикинула так и сяк. И нанимателя обнаружила.

— Ну и кто?

— Я про такие дела молчок. От тебя бы услышать хоть что. Ты их знаешь, а я несколько лет не видела. Если милиция найдёт...

— Перестань со своей милицией! — разозлился Гавел. — Зачем тебе знать, где они, башку им свернёшь или как? Мне сдаётся, в этом деле они рук не пачкали, и тебе мой добрый совет — закрыть тему! Была там?! Видела их?! Ну так вот, заткнись, сиди тихо и помалкивай!

— Я-то могу и помолчать, почему бы нет. А тебе советую поразмыслить.

— Поразмыслю, не твоего ума дело. И сделаю как надо. Вылезай, твой Виланов, мне прямо, спешу...

* * *

Я молча обдумывала эту жутковатую исповедь. Усталая Баська закурила очередную сигарету, прислонилась головой к стеклу и понуро уставилась на асфальтовый каток, который одиноко торчал на обочине мостовой. История выглядела безнадежной.

— Ничего не поделаешь, без майора теперь не обойтись, — объявила я после долгого молчания. — Тётка Павла даст показания, и он разберётся,

что дело в тебе, а не в этой ненормальной бабке. Взбрело же такое Гавелу, зачем только, ума не приложу! Просто чокнулся или как?

— Месть, — пробормотала Баська, не отрывая взгляда от катка. — Видно, приятель Мартина успел снять деньги. И Гавел уколошил единственного человека, догадавшегося, что он приложил руку к убийству Дуткевича. Вероятно, велел убрать Вальдемара, который что-то узнал, увидел, вычислил... Кокнуть Вальдемара, кокнуть меня, и концы в воду — больше-то никто ничего не знает.

— Остаются ещё те двое.

— Да ты что! Если они убили Вольдемара, у них рот, понятно, на замке.

Я задумалась. Все это имело резон при условии, что Баська никому не проговорила об участии Гавела в деле. Допустим, Баська устранена. В таком случае никто о Гавеле, кроме его двух парней, ничего не знает. De facto, однако, о Гавеле слышал Мартин, теперь знаю и я, возможно, Баська протрепалась, и Павел и Донат тоже в курсе. И что? Гавел намеревался устранить всех или с невероятным легкомыслием решил просто не учитывать? А может, его беспокоило не столько участие в ограблении валютчиков, сколько связь его молодцов с преступлением? Баська открыла эту связь только вчера...

Я изложила ей свою версию.

— Наверняка так оно и есть, — подтвердила Баська. — Я, дура, сама ему все выложила. Как пить дать переговорил с Пежачеком, понял, что я знаю либо догадываюсь, и, естественно, решил со мной покончить. Логично.

— Чушь, никакой логики. Ты элементарно могла кому-нибудь проболтаться.

— Нет и нет. Он отлично все рассчитал: я держала язык за зубами, пока не поговорила с ним. А сразу после уехала в Виланов, а там, скажи на милость, с кем разговаривать? С тёткой или с детьми? Телефон, сама понимаешь, исключён, кто ж по телефону такое скажет. Он был уверен, до вечера — полный ажур.

Я покачала головой — сомнительно, ох, сомнительно.

— Погоди. Положим, он ясновидящий и гениально предвидел, кому ты скажешь. Положим, ты уже на том свете. Что знает Павел?

— Абсолютно ничего. О Гавеле слышал от тебя.

— Мартин?

— Только одно: Гавел кого-то нанимал и был весьма заинтересован в деньгах. Зачем ему убивать Вальдемара, пока операция не закончена, а для

Гавела это лишь половина задуманного дела? А раз Вальдемара не убивал, то и меня тоже не убивал. Повода нет. Вот что может предполагать Мартин.

— Теперь я. Постой, у меня в голове полный кавардак. Вчера я поняла, что слышала про Пежачека нечто страшное, и догадалась, кто убил Дуткевича. Я, конечно, сообщила бы об этом. И майор вычислил бы Пежачека...

— Вот именно, — вздохнула Баська. — А что дальше, не знаю...

— Дальше? Пойми, я видела машину Гавела. Легко сообразить, что кто-нибудь заметил мою машину. Я там торчала как дура с полчаса, а то и больше. Если охотился за тобой, вполне мог видеть и меня.

— Откуда ему могло взбрести в голову, будто ты помнишь эту его рухлядь, «пежо» в смысле? Опять же было темно. И вообще не так просто было тебя приметить...

— Подожди! — припомнила я вдруг. — Он мог решить, что меня вообще нет в машине! Вышла и куда-то двинула! Тем более так грохнула дверцей...

Мы попытались проанализировать моё пребывание на улице Ротмистровской минута за минутой. Конечно, Гавел подумал, что я куда-то пошла. Он не ожидал, что я схвачу фонарь и начну его освещать. Развернулась я багажником к дороге. В темноте не узнала бы никакой машины...

— Ты что, настолько наивна и считаешь — на этом «пежо» все ещё красуется блямба? — съехидничала Баська. — Может, у него новое крыло и старые прокладки. За одну ночь с машиной можно о-го-го чего натворить.

— Похоже, в покушении на убийство его удастся обвинить только после второго нападения. А согласится майор или нет на второе нападение, чтоб его заманить? Честно говоря, вообще не представляю, что делать с майором.

Баська наконец перестала сосредоточенно разглядывать асфальтовый каток, отвернулась, резко выпрямилась и начала обретать свою обычную энергичность.

— Все, я решилась, — вздохнула она. — Мартину уже не помочь, как ни крути, другого выхода нет. Все мои домыслы да замыслы — к чертям собачьим. Придётся срочно вернуть все деньги!

Я понимала, что Баська права, но сердце заныло — ужас как противно просто так примириться с утратой роскошной коллекции чудо-марок. Увы, логика — одно, душа — другое. Я молчала.

— Или весь наш номер вылезет наружу, или Гавел всех нас поубивает, — продолжала Баська. — Боюсь, второй вариант вероятнее. В

конце концов, как ни копай, нас можно обвинить только в контрабанде, все остальное бездоказательно. Скорей у меня на голове кактус вырастет, чем хоть один валютчик поднимет шум насчёт убытков. Этому паршивцу Лёлику уже вернули деньги, придётся отослать все остальное, и... ну, найдутся ведь смягчающие обстоятельства. Что касается марок, в тайне все едино не сохранить, Мартин теперь ни за что не поедет их выкупать. Все пошло-полетело к чертям. Столько работы псу под хвост!..

Баськины сетования были более чем понятны. Я, правда, съязвила начет паршивой организации авантюры с валютой. Ведь кто-нибудь мог поехать раньше и выкупать марки отдельными партиями. Надо было выйти на контакт с солидным филателистом или даже с фирмой. Я сама бы это сделала...

— Кто же спорит! С тобой, конечно, дело пошло бы куда лучше, — признала Баська. — Только понимаешь... эти твои пылкие чувства к милиции... К тому же ты все время занималась каким-то дном. Чего теперь охать да ахать, надо спасать положение, делай что хочешь, только организуй эту отсылку. Может, тебе лучше сбежать, скрыться, уехать куда-нибудь, например в СССР...

— Спятила? На кой черт мне ехать в СССР?

— Чтобы майор тебя не нашёл. Сама понимаешь: сперва деньги надо вернуть, а потом уже кое-что и порассказать. А то получится, возвращаем денежки, потому как в тупике оказались.

— Правильно рассуждаешь, только затягивать нельзя — сыграете на руку убийце.

— Ну и что? И так знаем, кто это. А если майор за тебя возьмётся всерьёз, придётся, хошь не хошь, отвечать на всякие дурацкие вопросы. Мне врать — хлебом не корми, а ты должна говорить правду.

Мне вдруг кое-что пришло в голову. Я с самого начала вызывала самые большие подозрения. Ну и на здоровье, пусть и дальше подозревают. Взять на себя чужую вину из одного благородства — такое законом не карается. Зато майору можно кое-что сообщить, а когда найдут истинного виновника и выяснятся все перипетии, связанные с потерей марок, какой от этого будет вред! Все равно никто никуда не сбежит.

Баська выслушала мои соображения очень одобрительно.

— Посадить он тебя не посадит, побоится, что потом получишь условно, — воодушевилась она.

— Даже если и посадит, то в сумасшедший дом в Творки, чему я особенно не удивлюсь.

— Кстати, — вспомнила Баська. — Я все удивлялась, отчего они так

просто управлялись с охраной этих каналов валютчиков? Сейчас пришло на ум — Гавел действовал заодно с Пежачеком с самого начала.

Если заодно, подумала я, то концы с концами не сходятся, но эту мысль тут же вытеснило внезапное воспоминание.

— В Саксонском саду плешивый сидел вовсе не с клиентом. Он сидел с Пежачеком. И слава тебе господи, что Павел с Донатом на них не накинулись.

— Шутишь!..

— Понимаешь, я хорошо его рассмотрела — он прошёл с плешивым совсем близко. Звонила вам после узнать, что означают эти странные демарши Павла и Доната — тут ведь голову было недолго сломать, — но никого не застала. Кстати говоря, я в курсе насчёт виллы на Гоцинского. Могу выдать секрет.

Я рассказала перипетии пана Кароля с Касей, и у Баськи поднялось настроение.

— Узнать ещё бы, каким чудом докопались до нашей контрабанды, и мне бы совсем полегчало, — вздохнула Баська. — Кабы не это окаянное чудо, мы были бы в полной безопасности, никто бы ничего не пронюхал и деньги не пришлось бы возвращать. Попробуй попытать как-нибудь майора!

Тут уж я схватила за голову. Только сейчас до меня дошло, какую роль я сыграла в катастрофе. Рольмопсы!.. Проклятые рольмопсы — этакий пустяк, а вызвал подозрение, помог майору найти ключ ко всему делу!.. Я простонала:

— Пресвятая Богородица, это я... Нет, Зося!.. Нет, проклятый пан Соколовский... Да нет, какой там пан Соколовский, все из-за Алиции! Алиция со своей чёртовой селёдкой!..

Баська насмерть перепугалась.

— Господи боже, спятила, эта кутерьма из тебя последние мозги вышибла! Опомнись, какая селёдка?! Может, тебе воды дать?!

— Иди ты к лешему с водой, чтоб ей пусто было с этим юбилеем! Это селёдка! Рольмопсы для Алиции — весь рассол вылился из банки на ваши доллары!

Времени ушло немало, пока Баська поняла, в чем дело. Теперь уже она чуть не спятила с этими рольмопсами, и настал мой черёд приводить её в чувство. Очнувшись, она отреагировала бурно:

— Алиция хоть понимает, что они там сожрали? Самую дорогую селёдку во вселенной! Как-никак — полмиллиона долларов! Она знает, что сожрала полмиллиона долларов?!..

— Да уж будь уверена, узнает. Сама ей расскажу при первом же удобном случае. Успокойся, и умоляю, объясни мне ещё одну вещь. Как все произошло? Почему Дуткевич позвонил именно мне?

Баська вздохнула, рольмопсам досталась ещё пара проклятий, потом она закурила.

— Звонил он мне. Соседка возьми и скажи, что мы на бридже. На самом деле были в Виланове, но она перепутала — спросонья сболтнул первое, что пришло в голову. Мы, мол, на бридже у моей подруги. Видимо, Вальдемар сразу подумал про тебя и позвонил. Представляешь: они ломились к Вальдемару, а он, вместо того чтобы встать за дверью с увесистым молотком, пытался дозвониться ко мне. Вероятно, увидел их в дверной глазок. Такой человек...

Я печально кивнула. Баськины предположения совпадали с моими. Верный до конца Баське, Вальдемар в минуту смертельной опасности не звал на помощь милицию, а попытался прежде всего предостеречь своё божество. Увы, получилось не очень-то удачно — вместо божества он нарвался на меня, а я на роль божества не потянула.

— Пора кончать разговоры, — решила я, включая мотор. — Куда ехать? Домой не стоит, факт.

— Постой! — прервала Баська. — Ты случайно не знаешь, что такое Адрианампоинимерина?

— Что?!

— Адрианампоинимерина. Я от тебя слышала. Лекарство, что ли, какое?

— О боже! Баська, пощади, не добивай до конца! Был такой король на Мадагаскаре. Его так звали. Не помню, где вычитала, и когда правил — тоже не помню. Во всяком случае, вроде бы историческая личность. А что?

— Да ничего. Просто из любопытства спрашиваю. Это был наш пароль в шведском банке...

Медленно двигаясь по улице Гагарина, я размышляла о безопасном месте. Почём знать, вполне возможно, майор нас уже разыскивает. Баську следовало посадить на площади Унии, не подъезжая близко к её дому, потом найти телефон, откуда я могла бы позвонить Алиции. Мой отпадал, Баськин тоже, Мартин и Янка не в счёт, с Зосей на всякий случай тоже пока что лучше не встречаться. Знакомых с телефонами до черта, но все отпадали — никто ничего не знал, а долго объяснять, понятно, не хотелось. Оставалась Лялька. Конечно же, Лялька! Каким-то боком участвовала в афёре и единственная, кому сенсационная новость доставит удовольствие даже ночью!

И я поехала к Ляльке.

Она довольно спокойно отреагировала на моё появление в час ночи. Я вкратце ввела её в курс дела. Она выдворила меня с телефоном в другую комнату и снова отправилась спать, приказав захлопнуть потом за собой дверь. Я ждала связи с Копенгагеном в обществе Самсона, который по-хозяйски развалился на письменном столе.

Алиция ужасно обрадовалась моему звонку.

— Молодчина, что позвонила. Слушай, кактусы при посадке поливают или они принимаются в сухой земле?

Алиция меня уже давно ничем не могла удивить.

— Я тебя что, пробудила из ботанического сна? — вежливо полюбопытствовала я.

— Какое там, ещё и не ложилась. Пересаживаю цветы. С кактусами у меня никакого опыта, надо искать в справочнике.

Не вникая в причины, почему это цветы пересаживаются в половине второго ночи, я просветила её насчёт кактусов, после чего перешла к делу:

— У тебя где-то есть мой чек, подписанный in blanco?

— Есть, а что?

— Слушай внимательно, эмоции оставь при себе, комментарии тоже. Возьми этот чек и завтра спозаранку иди в банк. Узнай, не поступили ли деньги на мой счёт...

— Наверное, поступили, сегодня пришло извещение. Я, правда, не прочла, где-то тут лежит.

— Очень хорошо. Заполни чек на всю, слышишь, всю поступившую сумму. Не знаю, сколько точно будет крон, в долларах около пятисот семидесяти девяти тысяч...

Алиция недоверчиво переспросила:

— Сколько?

— Около пятисот семидесяти девяти тысяч долларов. В кронах это будет примерно три с половиной миллиона. Сними все.

— Что-нибудь случилось? — явно встревожилась Алиция.

— Нет, говорю тебе — сними все...

— Боже правый, что с тобой?! Ведь раньше ты как будто почти не пила!

— Я же тебя просила: не комментируй! Пойди и посмотри извещение...

— Не могу. Оно лежит на столе, а стол заставлен цветами.

— Ладно, завтра посмотришь. Заполни чек и сними все.

— Скажи, дорогая, а как лучше всего распорядиться тремя с

половиной миллионами в наличных? — очень мягко спросила Алиция. — Поставить на скачках или турнюр себе набить?

— Нет, все выслать в Польшу. Польский национальный банк, государственное казначейство. Повторяю: ПНБ, государственное казначейство. Упаси тебя боже, только не на мой адрес. Поняла? Отправитель некий Станислав Вишневский, повторяю, Станислав Вишневский, адрес отправителя любой. Лучше фиктивный.

Алиция быстро сообразила, что за всем этим кроется страшная государственная тайна. Ведь в пересылке любой суммы в польское казначейство она при всем желании не могла усмотреть никакого криминала и потому спокойно согласилась удовлетворить мою безобидную прихоть. Кроме того, известно — сумасшедших нельзя раздражать.

— Лучше всего завтра пораньше, как только откроется банк. Потом позвони мне и сообщи, как прошло. Да, позаботься, чтобы в переводе не оказалось случайно моего имени или номера счета, вообще ничего моего. Исключительно Станислав Вишневский, и только!

Алиция, как всегда, не подвела. Позвонила в одиннадцать утра и сообщила, что участие в такой финансовой операции доставило ей огромное удовлетворение. Все было сделано как надо.

— Адрес отправителя Амалиенбург, — посмеиваясь, сообщила она.

Этот Вишневский недурно устроился, чуть не сорвалось у меня с языка. С улицы Олькусской переехал прямо в королевскую резиденцию в Копенгагене. Ай да Алиция — нашла адресок что надо.

— Послушай, между нами, кто этот...

— Без имён, — прервала я. — Понятия не имею, кто такой. То есть, точнее говоря, он вообще не существует, но это не имеет значения.

— Ну ладно. Но послушай, там больше четырех миллионов...

Вероятно, курс кроны по отношению к доллару изменился. Но надо было замять тему:

— Какая разница, я ненамного ошиблась... Ты выручила нескольких людей, да что говорить, прямо-таки спасла. Подробности после, и такие — глаза на лоб полезут...

Я сидела дома и безрезультатно ловила майора по телефону: как ни крути, надо проявлять инициативу. Почему он меня не разыскивает?! Вероятно, подозрений на меня уйма, а как известно — самого подозрительного забирают под конец. Вместо майора позвонила Лялька.

— Знаешь, я чего-то не разобрала, что ты вчера наговорила, — заявила она недоуменно. — Расскажи ещё разок, ужасно интересно. Кто кого убил, как и зачем. Я тебе тоже кое-что скажу. Только выкладывай вразумительно

и по порядку.

— По порядку? Ну слушай: сначала двое убили одного. Тут, недалеко от меня. Эти двое уже раньше несколько раз нападали на него, и он их узнал. Этих двоих нанял третий...

— Четвёртый, — уточнила Лялька. — Убийцы и жертва — уже трое, а этот четвёртый. Считаю на пальцах, чтобы не запутаться.

— Ладно, четвёртый. Ну а потом этот четвёртый, наниматель, велел его убить.

— Зачем?

— Сама думаю — зачем. Неизвестно. Может, покойный что-то узнал, может, другие какие причины, пока понять не могу. Во всяком случае, некто догадался...

— Пятый получается...

— Пятый, вернее, пятая. Так вот, она догадалась, что он велел его убить. Дальше: он про её догадку проведал. Решил её тоже убить, хотел задавить машиной, устроив засаду в нужном месте. Однако вышел промах — он задавил совсем постороннего человека.

— Шестого!..

— Да. А она — пятая то есть — не погибла. Теперь надо просто-напросто арестовать убийцу. Вот и все.

— А почему его ещё не арестовали?

— Потому что я одна знаю, кто это. А милиция ещё со мной не беседовала.

— По логике вещей он должен срочно и тебя убить. Ты была бы седьмой.

— Естественно, и я удивляюсь, что он ещё не попытался этого сделать. Пятая тоже знает его имя, но мы договорились, показания буду давать я. Вообще чувствую себя дурой набитой — ведь я до сих пор не понимаю, какого дьявола ему понадобилось убивать того первого.

— А зачем этот четвёртый — убийца то есть — велел на него нападать?

— Понимаешь, все это было направлено против дельцов чёрного рынка. Когда первый с аферистами заключал сделки — на него нападали и отнимали деньги. Он был вроде приманки, мышеловки — черт его знает, как точнее сказать. Во всяком случае, все налёты крутились вокруг него.

— А кто забирал деньги?

— Шеф, конечно. Наниматель.

— Тот, четвёртый?

— Да, четвёртый, убийца.

— Ерунда, и все тут, — решительно Лялька. — Не сбрендил же он — убивать курицу, которая несёт золотые яйца. Ведь не окончательный он идиот. Не верю. У тебя концы с концами не сходятся.

— Против фактов не попрёшь.

— Продумай все ещё раз. Должен быть кто-то седьмой. А что до налётов, сразу тебе скажу: их не было.

Я удивилась:

— Что? Как это — не было?

— Слушай внимательно. — Лялька вдруг начала хохотать. — Погоди, ой, не могу, чистое кино!.. Понимаешь, не было налётов, грабежей, абсолютно ничего не было! О господи, лопну со смеху!..

— Перестань сию минуту, — заорала я. — С ума с тобой сойти! Что ты имеешь в виду, говори!

— Значит, мне звонила Мальвина. Ну знаешь, свекровь Самсона. Жена пана Кароля. Очень убедительно просила меня запомнить следующее: их никто не грабил. Муж просто-напросто потерял сто злотых, решил — украли, а она потом в разговоре со мной просто пошутила. А все эти его знакомые по пьянке навоображали себе бог весть чего, ну там ошибались при пересчёте денег, забыли о каких-то издержках и вообще тоже шутили, а на самом деле полный порядок. Никаких потерь. Никто никого не грабил. Никогда в жизни о грабежах даже и не слыхивали.

Я не верила собственным ушам — дурака она валяет, что ли?

— Чепуха! Бредни! — воспротивилась я в полном изумлении.

— Какие там бредни! Голые факты. Я тебе ручаюсь — никто ни за какие пряники не признается ни в одном пропавшем злотом. Все отлично, и ни одного потерпевшего. На том и стоять. А теперь подумай, о чем думали те двое, убившие первого.

— Ну знаешь... При таком раскладе мне остаётся только руками развести... — сказала я подавленно. — Может, им тоже что-нибудь показалось...

— Разве что. А может, и преступления не было?

— Да нет, преступление — факт. Труп видели все собственными глазами...

— А второе преступление? Ну с тем, под номером шестым? По-моему, шестой номер просто случайно попал под машину...

— Брось, я своими глазами видела! Постой-ка... Боже!

В моей памяти вдруг ожили все статьи и законы, какие я когда-либо знала. Что я наделала и в каком свете теперь представляюсь! Ведь я сообщила майору о грабежах и налётах! И если обворованные отопрутся и

никаких вещественных доказательств нет? Значит, все это — плоды моей фантазии, благо воображение у меня буйное. И делать мне было нечего, как беспокоить милицию и вводить её в заблуждение! Ведь я, только я одна утверждала насчёт краж и налётов! Получается, водила за нос милицию, отвлекала сотрудников майора на пустую работу. Вот за это действительно могут посадить. И прилично посадить...

— Лялька, я ума не приложу, что делать. Тоже отопрись от всего. Чтоб им сдохнуть, всем этим аферистам и подонкам. Ты мне раньше не могла сказать?

— Д я ничего не знала. Конечно, хорошо всегда все знать заранее. Догадайся я, скажем, насчёт твоего вчерашнего визита, договорилась бы встретиться у моих знакомых и не пришлось бы пешком домой топать — у меня машина в ремонте, обивку меняю. А была недалеко от тебя, на Платовцовой.

— Недалеко от квартиры убийцы, — сказала я машинально, припомнив, что на Платовцовой живёт Гавел.

— Какого убийцы?.. А! Я никакого убийцы не видела, видела только придурка.

— Какого ещё придурка? — спросила я рассеянно — голова была занята одним: как выбраться из чёртова клубка, в который я себя впутала.

— Горластого какого-то дурачка. Мы сидели на веранде, а разговаривать было никак нельзя из-за хохота этого психа. Не знаю, что он там смотрел по телевизору, но визжал — чертям тошно. Такой пронзительный хохоток — хи-хи-и-и! Его было видно в открытое окно в соседнем доме, сидел один перед телевизором при свете, попивал коньячок и визжал. Ясно, психопат!

Я вздохнула. Весь телефонный разговор — сплошные потрясения — одно за другим.

— Стой! Толстый такой?

— Кто? Чокнутый? Толстый. Почти лысый. С такой весёлой красной рожей.

Гавел!.. Больше некому! Не мог же на Платовцовой жить его двойник!..

— Погоди! А не заметила на столике против окна большую красную вазу китайской лакировки?

— Китайской или нет — не знаю, а красная ваза сразу бросалась в глаза. А в чем дело? Ты его знаешь?

— Та-а-к! В котором часу? Ну, когда именно ты видела этого хихикающего придурка?

— Надо полагать, речь идёт либо об очередной жертве, либо налицо ещё один преступник, — ответила довольная Лялька. — Дай вспомню. С семи... Нет, с половины восьмого. В четверть одиннадцатого мы стали поговаривать, надо, мол, расходиться, и все смотрели на часы. До половины одиннадцатого он и сидел, может, и дольше, только в это время я умотала. Он, похоже, прохихикал все подряд: новости, спортивные известия, погоду... И что нашёл смешного?

— А у него феноменальное чувство юмора. Боже праведный! Теперь уж совсем ничего не понимаю, все перепуталось. Знаешь, ты права, надо все заново продумать...

— Давай, — отозвалась Лялька. — И заруби себе на носу — никаких ограблений не было!..

Я перестала искать майора. Разговор с Лялькой меня полностью оглушил и дезориентировал. Конечно, Гавел мог кому-нибудь поручить разделаться с Баськой, но вряд ли бы он при этом прохихикал весь вечер! Знать, что твою приятельницу убивают, и хохотать от этой мысли? В довершение всего Лялька, пожалуй, права: убивать Дуткевича ему по меньшей мере незачем — или он не имеет отношения к убийству, или полный кретин...

Звонок майора прервал мои мучительные раздумья: Гавел и валютчики, валютчики и Гавел. Я пыталась комбинировать любые варианты и добилась только одного — в мозгах закрутилась дикая карусель. Я покорно согласилась явиться через полчаса — самого глупейшего предлога не смогла сыскать, чтобы оттянуть встречу. Только по пути мне пришло в голову: мог же случиться приступ чего угодно, хотя бы печени.

Майор посмотрел на меня столь красноречиво, что фразы посыпались сами собой.

— Это не пан Ракевич, — затараторила я. — Пан Ракевич весь вечер просидел за телевизором и весь вечер хихикал. По-моему, надо найти Франека и Весека. Наверняка во всем замешан этот Пежачек. Сговор между ними исключён, если бы действовали сообща, не цеплялись бы к моим баллонам...

Майор приподнялся, отодвинул стул, жестом пригласил сесть, потом сел сам и качнулся назад.

— Объясните, пожалуйста, о чем, собственно, вы говорите? — спросил он мягко, хотя взгляд его оставался довольно отчуждённым.

Я немного пришла в себя:

— Хотела выложить все разом, но вот беда — сама ничего не

понимаю.

— И стараетесь всюду, чтобы я заодно с вами ничего не понял. Как прикажете понимать пана Ракевича перед телевизором?

— Да вся штука вот в чем: не мог он находиться вчера в Виланове, раз сидел у телевизора.

— А поначалу вы решили, что он там был?

— Ну конечно! Я узнала его «пежо»!

Майор перестал качаться на стуле.

— А-а-а-а!.. Значит, без вас не обошлось! Я так и предполагал, хотя свидетели не рассмотрели цвет и марку вашего автомобиля. Вы присутствовали при этом происшествии?

Я поперхнулась. Хорошенькое происшествие!.. Или Лялька как в воду глядела?.. Не было ограблений, не было и второго преступления...

— Вы называете это происшествием? — осторожно спросила я.

— А как по-вашему?

Я выжидательно молчала. Майор снова принялся качаться.

— Многочисленные свидетели утверждают следующее: жившая неподалёку весьма неуравновешенная пожилая особа упала на дороге, прямо под колёса проезжающей машины, — сообщил он, глядя уже не на меня, а куда-то в голубую даль. — Возможно, споткнулась. Скончалась сразу же. Водитель скрылся. Неподалёку от места происшествия стояла другая машина, на какой-то момент ослепившая сбегающих людей. Машина уехала до прибытия милиции. Я охотно выслушаю ваши соображения на сей счёт.

Я продолжала молчать. Майор, конечно, знал, что Баська была в Виланове, я сама ему об этом сказала. Разумеется, навестил её тётку и проверил, откуда взялась ненормальная старуха на дороге, и, разумеется, ему рассказали про шляпу и шаль. И уж наверняка у него есть собственные соображения на сей счёт!

Майор вернулся из голубой дали, посмотрел на меня и холодно проговорил:

— Я вам помогу. Вы никак не могли быть виновницей происшествия. Это исключено. При желании вас можно назвать соучастницей, поскольку ваши фары основательно ухудшили видимость на дороге.

От нервного напряжения мой блистательный интеллект наконец заработал.

— Перестаньте делать из меня идиотку, — рассердилась я. — Чушь какая-то! Если бы вы не соотнесли этот случай с тем делом, которым занимаетесь, вообще не узнали бы об этом! Вы что — интересуетесь всеми

дорожными происшествиями в городе и предместьях? Раз уж вы об этом случае знаете, то и все остальное вам известно!

— Например?

— Например, следующие факты: во-первых, я поехала за Баськой, пardon, за пани Маковецкой и простояла там сорок пять минут багажником к дороге; во-вторых, вы знаете — ненормальная старуха украла у неё шляпу. Вы должны знать, что я высветила «пежо»! Или все ваши свидетели ослепли, или они все с приветом! Да, я уехала, не дожидаясь милиции, понятно, перетрухнула из-за Гавела! И теперь чувствую — не без оснований.

— А сейчас, пожалуйста, повторите все спокойно, по порядку. Допустим, я ничего не знаю. Допустим, кой-какие соображения у меня есть. Слушаю вас.

Я все рассказала последовательно, точно придерживаясь фактов, особенно в описании старого «пежо». В заключение категорически заявила: «Гавел весь вечер не выходил из квартиры».

— Вы считаете, водитель специально выжидал пани Маковецкую? — спросил майор. — То есть это не случайность, а преднамеренное убийство?

— Точно не могу сказать, — ответила я, твёрдо решив избегать подводных камней. — Слава богу, было темно. Старуха была невменяемая, это факт. А вообще пусть думают присяжные, а не я.

— А вы решили, что это Маковецкая, не так ли? Из-за шляпы?

— И ещё из-за шали. Баська невысокая и худенькая, и старуха точно такая. Опять же шла со стороны тёткиного дома, любой подумал бы то же самое.

— И поэтому вы решили, что пан Ракевич пытался убить пани Маковецкую? А зачем?

— Сама удивляюсь. То есть... Я хотела сказать, ничего подобного, я никакого вывода не сделала! И вообще не обращайтесь внимания на мои выводы!

— Напротив, ваши выводы удивительно интересны...

— Нет у меня никаких выводов! Одни химеры! У меня, боюсь, что-то с головой не в порядке! И нельзя всерьёз принимать мою болтовню!

Майор качнулся назад и прислонился к стене между окнами.

— Вы правы. Так. А что вы знаете о грабеже в доме некоего Ленарчика и в доме некоего Дромадера?

Я пришла в полное отчаяние.

— Ничего не знаю. Слышала разные сплетни, нелепые рассказы и в результате состряпала какую-то маховую дедукцию. Может, и не было

никакого ограбления. Лучше посадите меня прямо сейчас, за ложные показания полагается до пяти лет.

— Вот именно, полагается. А как насчёт махинаций с награбленными деньгами?

— Я вообще не уверена, были ли украдены какие-то деньги...

— Кто набивал долларами подушки, медвежат и матрасы? Кто адресовал посылки от Вишневого? Кто нанял Франека и Весека? Кто нанял Дуткевича наводчиком?

Похоже, майор вполне в курсе дел. Я отчаянно пыталась увильнуть, скомбинировать что-нибудь. Главное — дожидаться денег от Алиции. Чтоб уж эта чёртова государственная казна все получила, тогда можно и поговорить!

— А если все это я одна организовала, как тогда? — спросила я осторожно.

— Ничего особенного, — небрежно ответил майор. — Ордер на арест давно оформлен, осталось вписать имена. Я пока воздерживаюсь, ибо...

Он снова качнулся вперёд, положил руки на стол, наклонился ко мне и совсем другим тоном сказал:

— Кое-что вам объясню. В моей карьере лишь однажды, и то ещё в начале службы, такой казус вышел, что я посадил человека, а суд его оправдал. Моё твёрдое решение: больше подобного не повторится. Вот такой у меня странный принцип, понимаете, хобби в своём роде... Только потому уважаемая компания ваших друзей ещё на свободе, не стану задерживать и вас, даже поклянись вы, что собственноручно убили Дуткевича. Даже больше. Благодаря вашей аванюре надеюсь изловить наконец одного субчика — в сущности, профессионального убийцу, которого до сих пор не мог изловить на месте преступления. Пожалуй, на этот раз он не вывернется. Потому весьма буду обязан, если вы прекратите говорить чушь и расскажете все как есть. Кто затеял весь этот бедлам? Что происходило, подробно и последовательно!

Я смутилась — так хотелось помочь майору, но как же тогда спасти мою драгоценную четвёрку? Мысль о Гавеле вогнала меня в полную панику.

— А убийца не пан Ракевич?.. — заикнулась я дрожащим голосом.

Майор не ответил. Я задумалась.

— Полагаю, Франек и Весек уже у вас, — прикинула я вслух. — Они лучше знают. Пускай выкладывают, кто их нанял и для чего. Я клянусь все рассказать, но умоляю вас, не сегодня! Через неделю!

— Почему через неделю? — спросил раздражённо майор.

— Через неделю будут доказательства... Как бы это сказать... Реабилитация виновников...

— Какая ещё к черту реабилитация, убитые, что ли, воскреснут?!

— Да нет. Не в этом дело. Про убийства вы сами знаете — я не в курсе и ни при чем. Тут разные сопутствующие обстоятельства...

Майор, закрыв глаза, с трудом взял себя в руки.

— Подробнее. Какие сопутствующие обстоятельства?

— Ну, эти подушки, контрабанда... Она не во вред государству, а наоборот... Деятельность в пользу государства... О боже, у меня нет больше сил, а потому отказываюсь от показаний, и все тут, сажайте меня на неделю! Санитарные условия, говорят, сносные, переживу.

Майор снова закрыл глаза:

— Выкладывайте все, что вам известно насчёт Франека и Весека.

На эту тему сдерживающих мотивов не было, я выложила все полученные от Баськи сведения, равно как и детали касательно Пежачека. И даже вспомнила кое-что дополнительно.

— Не уверена, есть ли какая связь, но к пану Ракевичу приезжал механик из Садыбы. Из частной мастерской. Делал профилактический ремонт, у пана Ракевича в гараже есть ремонтная яма, работал в сверхурочные часы. Этого механика, по имени Франек, я никогда не видела, однажды, правда, слышала, как они орали друг на друга. Не знаю, тот Франек или нет.

Майор слегка оживился и посмотрел на меня с меньшим отвращением.

— Когда это было?

— Года два назад.

— А контрабанда, вы утверждаете, шла на благо государства?

— Именно так.

— Прекрасно. Потрясающе! Удивительно, что вы не желаете рассказать о столь благородной деятельности. А мы тут сдуру воображаем, вдруг да нарушается законность...

— А мне удивительно, почему вы спрашиваете насчёт Франека и Весека меня. — На сей раз я не скрывала своего неудовольствия. — Спросите у пани Маковецкой. Она знала их лично.

— В своё время пани Маковецкая ответит. Вернёмся к нашей теме... Как выглядел человек, подслушивавший в «Славянском» разговор о Пежачеке?

Полный сумбур в голове не помешал мне восхититься майором. Точно запомнил мою болтовню, на которую, казалось, не обратил внимания!..

— Среднего роста, тщедушный, редкие светлые волосёнки,

разделённые прямым пробором. И красный шейный платок. Рассмотрела его во всей красе, когда он вышагивал через зал в мою сторону. Приплюснутый нос и голубенькие глазки. Больше, пожалуй, ничего.

— Вы узнали бы его?

— Думаю, да. Особенно в красном шарфе...

— Что общего имеют ваши баллоны с шайкой? И что за шайка?

И, позабыв про свой отказ давать показания, я выложила ему все.

— Давно догадывалась, кто прокалывал баллоны. Подозревала в последнее время шайку пана Ракевича с Пежачеком. Отпадает. Пан Ракевич меня знает: из-за любого пустяка могу устроить черт-те какой переполох. Будь он заодно с Пежачеком, посоветовал бы обходить меня подальше.

— А в чем мог быть заодно?

— Да в чем угодно. В найме Франека и Весека. В этих воображаемых ограблениях. Откуда мне знать в чем.

— Пан Ракевич тоже участвовал в деятельности на благо государства?

— О боже... Не знаю. Не уверена, можно ли назвать... То есть... Ага, так ведь я же отказалась от показаний!

На этом закончили. Майор, от которого всего можно было ожидать, меня не придушил, даже в предварительное заключение не отправил, не получил апоплексический удар, напротив, неожиданно пришёл в прекрасное расположение духа. И не настаивал, чтобы я изменила своё решение.

Я сразу позвонила Баське уже без всякой конспирации и потребовала объяснений, почему майор спрашивает меня про то, что ей известно лучше.

— Ну, от меня он ничего не добился. Я отказалась отвечать.

— Рехнулась?! Почему?

— А все никак не разберусь, в чем признаваться, а в чем нет. И вовсе неохота сваливать вину на этих двух парней.

— На Франека и Весека?

— Ну да. Я их хорошо знала, быть того не может, чтоб за просто так, с кондачка, пошли и убили Вальдемара. Парни не того пошиба. Вот сижу и думаю, сижу и думаю. По морде двинуть, устроить суматоху, симулировать нападение, обобрать валютчика или гангстера — это всегда пожалуйста! Да и то с гарантией, что ограбленный мошенник не побежит в милицию. А Вальдемар порядочный человек, и вдруг убийство! Тут что-то не так — не пошли бы они на это даже по пьянке!

— А вдруг приняли Вальдемара за афериста? — заметила я. — Ведь постоянно видели его в обществе разного жулья...

— Нет, единственный возможный вариант — отправились намылить

ему шею. Но не убивать!

Я вдруг вспомнила откровения майора. Открыла рот, но вовремя поймала себя за язык. Мне многое сходило с рук, но выболтай я конфиденциальный разговор, не простил бы.

— Знаешь, очень советую, брось валять дурака. Иди и скажи обо всем майору.

— Я и так выложила про них все, что знала когда-то. Они уже перестали дурить, работали как люди, никакого хулиганства за ними не числилось — дожили до совершеннолетия и не имели ни малейшей охоты сидеть. Ей-богу, все чистая правда — порядочные парни. А на все другие темы отказалась давать показания.

Я покачала головой, хоть Баська не видела меня.

— Сейчас уже мало рассказать о прошлом, иди и выложи все свои соображения, если не хочешь их угробить. Я тебе очень советую.

— Ты что-то знаешь?

— Догадываюсь. И очень советую тебе это сделать. Иди к майору.

— Скоро шесть. Думаешь, он все ещё у себя?

— Возможно. Позвони и спроси.

Баська колебалась и решилась неохотно.

— Ладно. Отправляюсь прямо ко льву в пасть. Под твою ответственность. А на все другие темы по-прежнему откажусь отвечать...

Майор вовсе не отчитывался передо мной в своих действиях, поэтому я не имела понятия, что происходит. Мартин, Павел и Донат, почему-то допрошенные весьма снисходительно, единодушно отказались отвечать на некоторые вопросы. Через два дня после разговора с майором ко мне неожиданно-негаданно влетел Гавел. О моих эмоциях при виде Гавела лучше не говорить.

— Слушай, кто наклепал в милицию про мою машину? — начал он уже в прихожей. — Не ты случаем? Или твоя Баська? Будто я где-то в лугах и полях таился, чтоб задавить старую каргу. Как прикажешь понимать?

На его вопрос не так-то легко было ответить. У меня мелькнула мысль: может, вовсе и не он тот майоров убийца, раз до сих пор на свободе?! Раздиравшие меня сомнения несколько поулеглись.

— Предположим, не ты, но задавил её твой «пежо». Собственными глазами видела.

— И в башку тебе не пришло ничего лучшего, чем бежать к легавым? Не могла мне сказать?

— Ещё чего? Чтобы ты и меня заодно переехал?!

Гавел с разбегу плюхнулся в кресло и уставился на меня с

неописуемым выражением растерянности, шока, веселья и злобы.

— А у тебя все дома? — спросил он наконец озабоченно.

Я пожала плечами. Гавел продолжал на меня пялиться.

— Слушай, давай по-человечески. Ты точно видела мой «пежо»?

— Видела.

— Где? И как?

Настроенная решительно, я рассказала ему все. Честно призналась — у него полное алиби на тот вечер, и я об этом знаю. Гавел слушал, нахмурившись.

— Сукин сын, — сказал с яростью и добавил обширную цветистую фразу, всесторонне характеризующую этого сукина сына. — А я, кретин, не отобрал у него ключ от гаража! Мне и в голову не пришло — эту свинью подложить!

— Кто?

— Франек. Механик, Несколько лет у меня работал, ни одной гайки не спёр. Я ему доверял, тюфяк, дубина. «Пежо» давно уже не на ходу, я даже не знал, что он починил машину, понимаешь наконец? Отремонтировал — и ни слова. Стырил тачку, чтобы переехать какую-то старушеницу!

— Думаешь, Франек переехал?

— Какой там Франек, он просто передал кому-то машину! Даже и не передавал, просто оставил кому-то ключ. Ну, попадись мне эта гадина в руки... Откуда ты взяла, что я был в машине?!

— Откуда... машину узнала, да и не постороннего же ты давил, а Баську!

— Что?!

— Ну да, Баську. На неё охотился.

Гавел растерянно моргал. На его физиономии явственно читалось: убить Баську — последнее, что могло взбрести ему на ум. В голове у меня кое-что начало проясняться.

— На кой ляд мне давить Баську?! — смертельно удивился Гавел.

Насчёт убийства Дуткевича у меня возникла своя версия, и Гавела я исключила. Если не он убил Дуткевича, зачем тогда устранять Баську как свидетеля? Отпадает. Оставался лишь один мотив — месть.

— Ты просто мстил, — вздохнула я. — Открыл шахер-махер со счётом и озверел. В состоянии невменяемости и задавил её.

— Какой такой шахер-махер со счётом?!

— Не придуривайся, я знаю. У тебя из-под носа забрали все деньги со шведского счета. Адрианампоинимерина. Ты, естественно, разозлился и решил ей отомстить.

Гавел продолжал пялиться на меня. Но в выражении физиономии начала поблёскивать весёлость.

— Вот шельма, она таки тебе выложила... Так, говоришь, деньги увели? В самое время сообразили — я-то свои денежки давно снял! Думали надуть меня? Хи-хи-и-и!..

Я слегка обалдела. Ведь Алиция сообщила: денег на счёту больше, чем выслали четверо компаньонов...

— Ничего не понимаю. Они сняли все, что выслали, расчёты верны. Может, ты чего напутал?

— Я напутал? За кого ты меня принимаешь? Слушай-ка, предупреждаю, мы с тобой шепчемся с глазу на глаз, в случае чего ото всего отпрусь. Свидетелей нет, хи-хи! Так, говоришь, хотел раскатать Баську по асфальту, потому как увели мою долю? Хи-и-и, хи-и-и!

— Не по асфальту, а по песчаной дороге...

— Ой, помру с тобой, хи-хи-хи-и-и! Дура! Да ни в жизнь бы на такую глупость не сорвался! Не очень-то понимаю, откуда у них там капитал размножился, а уж моего не получили, будь спокойна! Хи-хи-и-и!

Теперь я обалдела окончательно. Усилием воли постаралась отключиться от финансовой темы: все равно сейчас ничего не выяснить. Чудеса, да и только. О Франеке, может, что узнаю.

Гавел дискуссию о Франеке не поддержал и решительно объявил:

— Ни о каких ограблениях знать не знаю, ведать не ведаю. Хи-хи! Франек у меня работал с авто, и только. Ничего больше. Приснились тебе какие-то налёты, видела хоть одного ограбленного?! Что ты?! Совсем баба спятила, хи-и-и, хи-и-и!

— Но Дуткевича-то убили?! — потеряла я всякое терпение. — Убили! Почему убили?!

— Кто его знает. Может, кому лицом не нравился?

— А твой «пежо»? Кто его взял? Ты сидел дома пень пнём, ничего не видел, не слышал?! Оглох, что ли?!

— Знаешь, сам голову ломаю. Слышать не слышал — у меня орал телевизор, а в машине хороший глушитель. Мотор работал бесшумно, вот и не слышал. Выезд из гаража с другой стороны. Видел какую-то каналью, когда выходил на кухню, только пораньше, около пяти, вроде того. Болтался около гаража пьяный в стельку, я было хотел завести «мерседес» в гараж, да лень взяла.

— А где стоял «мерседес»?

— На улице, под окнами. Неохота мне открывать да закрывать эту дверь, черт её дери.

— А пьяный как выглядел?

— Ты чего меня тут допрашиваешь, легавые и так уже интересовались, десять раз повторять?

— Я же тебе повторила в десятый раз насчёт наезда на Баську!

— Ладно, черт с тобой. Пьянь пьянью. Я и вспомнил-то, потому как допрашивали. Блондинчик, морда с куриную гузку, голодающий, хи-хи! Зато эlegant — портки обтрёпанные и красный платочек на шейке...

И все сложилось в логическую цепь. Майор, надо полагать, теперь знал все. Трудновато ему, никуда не денешься, с меня хватит того, о чем догадалась, а ему собирать неопровержимые улики.

* * *

Спустя три дня Польский национальный банк передал в государственную казну более четырех миллионов датских крон, переведённых из Копенгагена Станиславом Вишневым, обитающим в апартаментах королевы Маргариты — видимо, в качестве квартиранта. В пересчёте на доллары — семьсот шестнадцать тысяч.

Майор вызвал меня незамедлительно, принял сухо.

— Если вы ничего не знаете об этом, с позволения сказать, подарке, тогда я китайский император. Послезавтра истекает срок недельной проволоочки, не начнёте ли говорить сегодня?

Моё облегчение тут же сменилось полным недоумением.

— Сколько, простите, вы сказали? Семьсот шестнадцать тысяч?

— Точнее, семьсот шестнадцать тысяч двести восемьдесят шесть долларов и двадцать четыре цента.

— Какова прибыль! Народное государство заработало на этом деле почти сто сорок тысяч долларов! Можно сказать, чистоганом. Согласитесь, отнюдь неплохо?

— Народное государство заработало... О чем вы говорите? И вообще объясните наконец, что все это значит?

Я начала вдохновенную речь:

— Это все — неопровержимые доказательства деятельности в пользу государства. Доллары были отправлены контрабандой на Запад с целью приумножить национальное достояние — вы же знаете, у этих капиталистов деньги всегда пускаются в оборот и дают прибыль. Вот теперь и вернулись с прибылью к нам. Контрабандой выслано пятьсот семьдесят девять тысяч, а вернулось семьсот шестнадцать, то есть прибыль

в сто чем-то там... Вы сами посчитайте...

Майор онемел. Хотел что-то сказать, но голос не повиновался ему. Сама абсолютно сбита с толку (каким это чудом счёт вырос на сто лишним тысяч?), я тем не менее, не смущаясь, агитировала дальше.

— Вы можете их посадить, — контрабанда, конечно, преступление, никто не спорит, но где здесь вы усмотрите нанесённый обществу вред? Совершаясь лишь такие преступления, то-то оперилась бы Народная Польша! Обратите, пожалуйста, внимание, контрабанда велась исключительно для приумножения материального благосостояния отчизны, пострадавших не имеется, а виновники не сознались только из скромности. Если вам очень необходимо, они сознаются. Экономическая выгода предприятия не вызывает сомнений, и на вашем месте я бы ничего капиталистам обратно не отсылала, валюта нам нужна...

К майору наконец вернулся голос.

— Помолчите, ради бога! С вами с ума можно сойти! И вы ещё меня убеждаете, что они...

Я послушно замолкла. Майор явно пришёл в себя.

— Итак, вас нужно понимать следующим разом: контрабанда валюты в количестве свыше полумиллиона долларов произведена для увеличения капитала путём финансовых операций и пересылки всего капитала с прибылью обратно?

— Ну конечно же! Что-то в таком роде.

— И мне следует всему этому верить?

— Можете не верить, ваше право. Но доказательства чёрным по белому: семьсот шестнадцать миллионов... прошу прощения, тысяч. Кроме того, вы осведомлены, что частями в государственную казну пересылались более мелкие суммы, дабы не возникло недоразумений и сразу было понятно: речь идёт о благе отечества.

— Вишневский... — глухо произнёс майор.

— Именно, Вишневский. Обращаю ваше внимание также на одну мелочь. Перевели в Национальный банк всю сумму. Могли переслать меньше, ведь ни вы и никто иной не знаете, сколько пошло контрабандой. И доказательств никаких.

— А каковы же доказательства, что выслано все?..

— Если сомневаетесь, можете проверить. Вам охотно сообщат номер счета... пардон, не номер, а пароль. Пошлите кого-нибудь в Швецию узнать, не осталось ли чего...

Майор глубоко вздохнул, помолчал, оттолкнулся от стола и начал качаться на стуле. Видимо, потрясение миновало, он окончательно пришёл

в себя.

— Порядок. Признаюсь — вторая половина преступления действительно несколько необычна. Хотелось бы, правда, знать, откуда извлекались доллары для контрабанды. Быть может, соблаговолите объяснить?

— Не могу.

— Почему?

— Не знаю. Мне казалось, знаю, а выяснилось, нет. Они сами все объяснят.

— Они — это кто?

— Пани Маковецкая, к примеру.

— А не пан Тарчинский?

— И пан Тарчинский тоже. Мне все равно кто.

— И пан Ракевич?

— Нет, пан Ракевич не занимался контрабандой...

— Ага, пан Ракевич не занимался... А что делал пан Ракевич?

— Не знаю. Возможно, помогал ценными советами? Пан Ракевич — человек деловой...

— А вы и в самом деле задались целью всячески затруднять следствие? Нормально поговорить уже не в состоянии?

Я поколебалась, подумала и решила говорить правду.

— Не в состоянии. То есть охотно поговорю с вами, а показания давать отказываюсь. Я невиновна прямо-таки до омерзения, мне не вменить даже пустяка, могу вообще не отвечать. Свидетелем ни разу не была, собственными глазами ничего не видела и до конца всей афёры знала меньше, чем вы. Придумывала всякие глупости, одно время подозревала, что пан Ракевич убийца. И каюсь — не раз своими домыслами ввела вас в заблуждение. Скрывать было нечего, доказательств никаких не имела. Короче говоря, от показаний отказываюсь. Но с глазу на глаз могу вас заверить: источник контрабандного дохода ни за что в мире не сознаётся в том, что пострадал, следовательно, контрабандисты тоже не признаются. И что дальше? Предположим, я скажу, что валюта украдена у пана Дромадера, проживающего на улице Роцинского. Пан Дромадер категорически откажется, грабители тоже, меня там не было, дошли слухи, слухи, как всегда, вилами по воде пишутся. И что вам даст моё пылкое воображение?

— Ничего, — признал майор. — Насчёт контрабанды... Меня вообще эта дурацкая контрабанда абсолютно не касается — не по моему ведомству. Меня интересуют все, причастные к преступлению. Непосредственно и

косвенно, все равно. Вам разъяснить или сами понимаете?

— Хорошо бы... — заколебалась я, — у меня предложение...

Майор перестал качаться и посмотрел вопросительно.

— Во всех детективных романах под развязку ведущий следствие герой собирает всех подозреваемых, порой и преступника приглашает, и рассказывает всю историю. Преступник бледнеет, падает замертво или выпрыгивает в окно и тому подобное. Я предлагаю сделать наоборот.

— То есть? Падать замертво или выпрыгивать в окно придётся мне?

— Нет, я изложу, как, на мой взгляд, все произошло. А вы меня поправите. Тут и разные люди выявятся...

Майор посмотрел на меня с большим интересом.

— Согласен. Попробуем.

— Только одна мелочь... — Я снова заколебалась. — Убийцу вы поймали?

— Это, значит, кого?

— Ну, Пежачека...

Майор помолчал.

— Вы догадались?

— Догадалась...

Он о чем-то поразмышлял. Глаза у него заблестели, майор поднял телефонную трубку.

— Сделаем уж совсем все наоборот. Вместо подозреваемых соберём всю группу, которая вела расследование. Сейчас справлюсь, все ли заинтересованные на месте, они охотно послушают...

Капитана Ружеви́ча и поручика Петшака я знала хорошо, с поручиком Вильчевским познакомилась в связи с рольмопсами, поручика Гумовского мне галантно представили.

— Боюсь, моё выступление не представит большого интереса, — сожалела я. — Вы знаете все лучше меня...

— Не все, — отозвался поручик Вильчевский.

— Мы очень любим, — съехидничал Ружеви́ч, — слушать всякие истории по несколько раз.

— Не станем терять времени, — распорядился майор.

Я смешалась и вместо запланированного пролога неуверенно забормотала:

— По-моему, все пошло с Франека и Весека. Пежачек когда-то использовал их, ещё несовершеннолетних парнишек. Позже они остепенились и отказались сотрудничать — ремесло бандитов не очень-то привлекало их. Пежачек оставил их в покое, нанимал изредка и то для

целей скромных — в солидных операциях, видимо, не соглашались участвовать. Наверняка шантажировал их хулиганским прошлым, о котором они хотели бы забыть. В милиции на заметке не состояли. Стоит ли говорить дальше?

— Стоит. Едем дальше.

— Нравом весёлые парни любили поразвлечься и малость скучали в своей законопослушной жизни. Поэтому охотно согласились на безопасное предложение...

— Уточните, пожалуйста, что за предложение, — вежливо попросил поручик Гумовский.

— Как бы сказать... Вы, разумеется, понимаете, все это — лишь мои домыслы?

— Конечно, понимаем! Исключительно ваши домыслы...

— Так вот, они приняли предложение поразвлечься за счёт разных мошенников. А почему бы нет? Попугать немного того или другого валютчика, вора, ещё какую-нибудь особь такого же рода, забрать у них бабки. Тихо-спокойно, жульё в милицию не побежит, большого убытку не понесёт, чистая прибыль и развлечение. Издавна зная всех наймитов и их методы — ведь работали же у Пежачека, — отлично справлялись со своей ролью. Быстренько сориентировались, что существует наводчик, потому как в жертвах почти всегда ходит один индивид. Предполагаю — из чистого любопытства захотели узнать, кто таков... Ну, вот так и поживали, приятно и весело, вплоть до того момента, когда Пежачек получил по морде около газетного киоска...

— Нет, не до того момента, — живо вмешался поручик Гумовский. — Это когда валютчики пригрозили Пежачеку расправой.

— Перестань! — прервал его майор. — Не мешай свидетелю, выскажешься позже.

— И в самом деле, около киоска я оказалась свидетелем, — согласилась я. — Так вы говорите, расправой... Да, Пежачека тогда, наверное, чуть удар не хватил. Ну так вот, в конце концов он распознал Франека с Весеком и испытал великое облегчение. Мог их прищучить и вернуть доверие работодателей. А Дуткевича он, видно, смертельно возненавидел за то, что так долго не мог напасть на его след: Дуткевич с его наивной физиономией никак не вязался с жульнической средой. Не знаю подробностей, во всяком случае, Дуткевич стал для Пежачека врагом номер один. А этих двух парней он припугнул, благо материала поднакопил, мог и милицией пригрозить, и разгневанными валютчиками. Парни, верно, перепугались, согласились избить Дуткевича. Убийство

исключено, а намылить шею — всегда можно. А вот почему искали у Дуткевича деньги, по собственной инициативе или Пежачек велел...

— Велел... — пробурчал поручик Петшак.

— Велел? Полный идиот. Ведь убивать пошёл, должен был наказать Франеку с Весеком тут же убираться!

— Перестаньте вмешиваться! — приказал майор коллегам. — Пежачек жадюга...

— А, понимаю! Денег хотел, только чужими руками, сам задержаться боялся... Они, видно, явились с отмычкой, не иначе. Дуткевич через глазок в двери узнал их, перепугался, в панике кинулся звонить Баське Маковецкой. Её не застал, соседка сказала, что та пошла ко мне.

— Ну, наконец-то... — вздохнул с облегчением майор.

— А те вломились, оглушили его, долго искали деньги. Пежачек ждал где-то выше — скорей всего, на чердаке; как только Франек с Весеком ушли, спустился и прикончил ненавистного Дуткевича, рассчитав, что подозрение падёт на парней. Едва ли успел уйти, я приехала тотчас же, он, конечно, слышал, как поднималась по лестнице — была в туфлях на высоких каблуках. Удивляюсь одному, почему меня тоже не прикончил...

Майор вежливо заметил:

— Весьма сожалею.

— Ясно, имея дело со мной, каждый бы сожалел... Франека и Весека он перепугал насмерть известием насчёт убийства Дуткевича — оба исчезли. Возможно, сам же и помог им смыться. Во всяком случае, дознался, где они. У Франека выпросил ключи от гаража пана Ракевича. Что ведётся следствие, сообразить нетрудно, сведения получал, следил, чтоб о нем нигде ни гугу. И тут-то Баську дёрнуло учинить доверительную беседу в «Славянском». Пежачек подлипала, тот, в красном шарфе, подслушал и сломя голову помчался звонить шефу, возможно, не представляя себе, насколько это известие для него важно. Шеф всполошился: Баська знакома с Дуткевичем и с Гавелом, Франек у Гавела работал, Баська все сопоставит... словом, нависла серьёзная угроза. Пежачек не медлил, выследил Баську, прилип к ней как банный лист на весь следующий день. Тип в красном платке, симулируя пьяного, увёл машину у Гавела, оставил её где-то в окрестностях Виланова, в курсе ли был красавчик в красном, зачем нужна машина, мне неизвестно...

— Мы полагаем, не был в курсе. — Майор становился все доброжелательнее.

— Пежачек сбил Баську, уверенный в полной безопасности: машина приведёт к Гавелу, а его в темноте никто не узнает. Рассчитал точно — на

месте происшествия, кроме меня, никого не было... На мотивы ему наплевать — пусть милиция ломает голову насчёт причин, по которым пан Ракевич устранил из сей юдоли пани Маковецкую. Удивляюсь, как вы не попались на удочку.

— Порой случается поразмышлять и нам...

— Допускаю, что Франек и Весек доставили вам немало хлопот. На них трудно выйти — никогда не сидели, в милиции не числились. Не так ли?

— Все правильно, — похвалил майор. — вообще ваши предположения довольно точны и заслуживают большого внимания. Пожалуйста, предполагайте дальше.

Это замечание несколько умерило мой пыл.

— Больше предполагать нечего. Ума не приложу, как вы докажете виновность Пежачека. Он и в самом деле сидел на чердаке у Дуткевича?

— Да, сидел.

— И, конечно, ни одна живая душа его не видела. Боюсь, мои смутные ощущения насчёт зловещей атмосферы на лестнице ещё не доказательство. Пан майор, что вы собираетесь делать?

Видно, на моем лице выразилась столь глубокая озабоченность, что майор сжалился.

— Представьте, Пежачек не сдал брюки в чистку, — конфиденциально сообщил он.

Поручик Гумовский хихикнул. Капитан Ружевич гневно фыркнул. А у меня забрезжила надежда.

— И что же? На брюках остались улики?

— Следствие почти закончено, преступники арестованы, протоколы вскорости отправим в прокуратуру. Официально ставлю вас об этом известность, ну а если говорить в частном порядке, то не думаю, чтобы вы напрямик отсюда бежали к Пежачековой конкубине. Подбросим вам пищу для новых предположений. У нас, сами понимаете, есть лаборатория...

— Все ясно! На брюках что-то оказалось? Чердачная пыль?

— Не только, едва различимые частицы краски с двери и кошачья шерсть.

— И на Дуткевиче шерсть оставил?.. А следы? Я их не затоптала?

— К счастью, нет. За походку на месте преступления моя вам горячая признательность. Вы пролетели туда и обратно, как балерина на конкурсе. Специально старались?

— Не помню. Просто пол горел у меня под ногами. Ладно, это доказательство того, что он там побывал, а как насчёт убийства? Только

дедукция?

— Какая там дедукция. Прямая улика. Дело в том, что Пежачек Дуткевича задушил, такие следы не сотрёшь, лаборатория выдала однозначное заключение. Второго мнения быть не может.

Я вздохнула с огромным облегчением: Пежачек со своей свирепой рожей с самой первой встречи вызывал у меня глубочайшее отвращение.

Майор восстановил кое-какие недостающие звенья. Франека и Весека задержали гораздо позже и совершенно случайно. Когда проверяли подозрительных лиц, внезапно сменивших место работы или жительства, получили сведения, что из авторемонтной мастерской на днях уволился порядочный парень, прекрасный работник. Весек на заметке не был, но ушёл неожиданно. Обнаружили его быстро, а добраться до его дружка Франека и вовсе не составило труда. Спервоначально оба отрицали все и вся, потом, однако, резко сменили тактику и разоткровенничались — полные рвения, в один голос во всем обвиняли Пежачека. Развернули свои показания на сто восемьдесят градусов, узнав об аресте Пежачека. Псевдоалкоголика в красном платке тоже задержали быстро, он повёл себя аналогично, с той лишь разницей, что разговорчивым сделался, когда услышал о гибели человека под колёсами украденной им у Гавела машины.

— Иначе говоря, Пежачек сам себя перехитрил, — суммировала я. — Туда ему и дорога. Интересно, зачем ему понадобился Дуткевич, неужели из ненависти?

— Ничего подобного, — оживился майор. — На Дуткевича ему было наплевать. Всю операцию он задумал совсем из других соображений: хотел раз и навсегда подчинить себе этих парней, Франека с Весеком. Ни в чем не были замешаны — настоящий клад для Пежачека. А связанные убийством, они попадали к нему в полную зависимость.

— Зачем?!

— Чтобы и дальше использовать их для расправ с неугодными людьми. До сих пор ничем не мог запугать, а добровольно на бандитизм те не соглашались. Пежачек пошёл ва-банк: парни позарез ему понадобились, да и амбиция выиграла. Таков обычный метод преступников всех мастей, набирающих себе послушных клеветов.

— Кошмар. Откуда вам известно? Он признался?

— Нет, не признался, но это не важно, подтвердил этот, как его... С красным шарфом. Прихлебатель Пежачека. Пежачек от него не скрывал своих замыслов, похвалился, дескать, охомутает парней — не отвертятся.

— Надеюсь, найдутся для них смягчающие обстоятельства... Несколько лет честного труда...

— Мне бы хотелось, чтобы вы ещё попредполагали, — попросил поручик Вильчевский. — Например, о контрабанде. Может, разовьёте немного эту тему?..

— А ваши предположения насчёт Рокоша? — съехидничал капитан Ружеви́ч. — Что это за странная кража и почему, черт возьми, он все получил обратно?

— Предполагаю, что, осуществляя операцию по обогащению нашего отечества, компания включила его в число жертвователей ошибочно, — сообщила я с достоинством. — Он протестовал, ему все вернули. В успехе акции нет никакой его заслуги, несознательный элемент.

Капитана передёрнуло. Майор похохатывал. Поручик Гумовский обалдело воззрился на меня.

— То есть, значит, все... Как, простите?.. Жертвователи?.. Следует понимать, вся банда деятелей с чёрного рынка — элементы сознательные, имеющие заслуги?

— Ну, если добровольно содействовали обогащению...

— Ага, как видите, добровольно! — с живостью подхватил майор. — Итак, вы утверждаете, что они добровольно передали энные суммы для контрабанды, а признаться в своих добровольных деяниях не хотят, надо полагать, из скромности?

— Позвольте, я ничего не утверждаю, а всего лишь предполагаю. Но почему бы нет? Эффект, вы сами убедились, весьма впечатляющий!

Поручик Вильчевский охнул и схватился за голову:

— Сколько всего ушло контрабанды, хоть это скажите!

— Пятьсот семьдесят девять тысяч долларов...

— Только и всего! — разочарованно заключил капитан Ружеви́ч, опомнясь наконец от шока. — Дело об убийстве у нас застёгнуто на последнюю пуговицу, ведь убийство совершили обыкновенные, приличные, можно сказать, нормальные преступники. А все остальное — какое-то безумие и ещё раз безумие, и тут ничего не поймёшь, хоть головой об стенку бейся. Да уж, когда за преступление берутся порядочные люди, то выдумывают такие комбинации — сам черт ногу сломит. Для меня это уже слишком.

— Ну уж нет, — не согласился майор. — Хуже всего, когда порядочные люди вступают в контакт с преступной средой. Вот вам наглядный пример... Представьте себе, кое-что мы здесь в милиции тоже предполагаем...

— Мы предполагаем, — начал, жалобно вздохнув, поручик Вильчевский. — Извините, предполагали... Некто контрабандой

пересылает на запад крупные суммы в прозаических, обыкновенных, так сказать, деловых целях — иначе говоря, для себя лично. Суммы эти где-то необходимо было взять. И некто взялся за разбои и грабежи...

— Да никаких грабежей, ведь объясняют же тебе — всего лишь добровольные пожертвования, — прервал его поручик Гумовский. — У нас есть версия, дорогая пани, что этот некто мягко убеждал наших чернорыночных аферистов принять участие в благородной акции на благо родины.

— И ещё одна версия: этот некто — на самом деле четверо ваших друзей, — включился майор. — Мы предполагаем также, что убеждения не очень подействовали, и тогда ваши друзья подключили себе заместителей. То есть Франека и Весека. Пани Маковецкая убедила своего поклонника Дуткевича потрудиться в роли наводчика, Дуткевич вступал в торговые сделки, а Франек и Весек нападали... то бишь, я хотел сказать, склоняли контрагентов к безвозмездным дарам. Растроганные мошенники не раздумывая передавали им все своё достояние. Предполагаем далее, что гонорар этим двум юношам выплачивал пан Ракевич, который в качестве благодетеля вызывает полнейшее наше почтение. Предполагаем ещё, что некоторое время четверо друзей трудились на сей ниве самостоятельно и, лишь напоровшись на неприятности, а именно на сопротивление тупых и скаредных обладателей валюты, прибегли к помощи субъектов, бывших с законом несколько запанибрата. В конце концов, как видим, акция приняла нежелательный оборот. Признаюсь откровенно, до сих пор не смекнём, кто, черт бы его побрал, был шефом этой проклятой интеллигентской шайки!

— Не представляю... — смешалась я. — Кроме того, напрашивается вывод, что все испортил негодяй Пежачек. И зачем только его потянуло вмешаться в такую славную и в общем-то безобидную афёру...

Поручик Вильчевский скрипнул зубами. Капитан Ружевич с тихим стоном снова схватился за голову. Поручик Гумовский демонически захохотал.

— Подытожим: Пежачеку ваша славная афёра пошла во вред, — изрёк майор с каменным лицом. — Разумеется, все это лишь дедукции и предположения. А вот посылки от Вишневского — факт, таможенные декларации тоже. Не могли бы вы сообщить, кто, сил моих больше на вас не хватает, заполнял эти декларации и писал адреса?

Я удивилась.

— Понятия не имею. А разве вы не доискались? Но ведь лаборатория с лёгкостью определяет по почерку...

— Лаборатория определила. Только ни у одного из ваших друзей нет

такого почерка, более того, и у членов их семей тоже другой. Мы надеялись, вы знаете...

С искренним огорчением пришлось признать, что и мне никто не приходит в голову. Довольно долго мы разговаривали, предполагая и допуская; в конце концов все единодушно пришли к одному мнению: милиция только ведёт следствие, а дальше пусть уж решают прокуратура и суд. Из управления милиции я вышла весьма обеспокоенная, но и с надеждой на лучшее...

Согласно Лялькиным пророчествам, о кражах и грабежах не заявил никто. Даже плешивый Виктор изменил показания: никакого ограбления не было — он просто пошутил и охотно заплатит штраф, или как это называется, за введение милиции в заблуждение. Смирившиеся четверо контрабандистов единодушно все отказались давать показания. В двусмысленном положении оказался Гавел, целиком зависевший от правдолюбия Франека и Весека, однако те Гавела проигнорировали, с большим удовлетворением все сваливая на Пежачека.

— При таком раскладе пожизненного заключения не дадут, — утешала я Баську и Павла, выходя от них. — В случае чего передачи вам обеспечу...

Мартин вышел вместе со мной.

— А по мне, так уж лучше сидеть. Завещатель после операции чувствует себя неплохо и скоро выпишется домой. Ума не приложу, что делать.

— Давай подумаем. Утраченного не вернуть, единственный способ заполучить марки вы прошляпили. Черт бы все побрал.

— И меня тоже. Хуже всего, владельца марок удар может хватить...

Я села в машину, Мартин со мной.

— Да, послушай, совсем забыла, — спросила я, включая мотор. — Каким это манером датские кроны у вас размножились? Даже если Гавел наврал и вовсе не забрал свою часть, а только форсу напустил, все равно что-то многовато. Ну и чудеса!

Мартин ядовито хихикнул.

— Не чудеса, а кровавая ирония судьбы. Приди это нам в голову чуть пораньше, отказались бы от афёры. Наш общий приятель попросту с самого начала пускал капиталец в оборот.

— Какой общий приятель?

— Некто Юхан Гасмиа. Да ты его небось помнишь?!

Ошеломлённая, я едва не врезалась в фонарный столб. Юхан Гасмиа!.. Норвежец, выигравший невероятные деньги на копенгагенских рысаках благодаря моим сумасшедшим идеям! Единственный знакомый, кого я

забыла включить в список для майора!

— Опять же ирония судьбы, — ехидно заключил Мартин, когда я наконец перестала охать и ахать. — Умный мужик этот майор! Не случись тебе так глупо проворонить Юхана, он давно бы уже заполучил все нити. Я на твоём месте, пожалуй, не стал бы ему про Юхана сообщать — придушит тебя глазом не моргнув, и поделом.

— Это понятно, только я все-таки не понимаю, как они размножились? Юхан Гасмиа пустил в оборот? Тогда вы все должны были потерять!

— До краха просто ещё не дошло. Помнишь, наш приятель всегда начинал блистательно, а кончал печально. Биржу он знает неплохо, только стоит ему успешно сыграть, как он зарывается и начинает рисковать. Таким манером потерял все выигранное тогда на скачках в Дании. Наши деньги пустил в оборот сразу и, как всегда спервоначалу, получил внушительные прибыли, которые делил честно: фифти-фифти. Однако постепенно прибыли все сокращались; и кажется, Юхан как раз вошёл в стадию убытков, когда мы затребовали деньги. Сейчас, верно, просадит все, что заработал для себя. Приди мне вовремя в голову этот вариант, мы обошлись бы без помощников. Отослали бы ему первоначальный капитал, и он выиграл бы на бирже недостающую сумму. А ведь, стервец, не признавался, что занялся бизнесом, на днях только прислал мне расчёт, и то неполный.

— Ну и как? Гавел своё забрал?

— А леший его знает. Ничего не могу сообразить: со счета постоянно что-то снимали и какие-то суммы постоянно поступали. Последняя операция — поступление, поэтому насчёт Гавела ничего не могу сказать.

— Видать, правды никогда не узнаем. Слушай, а ты куда собрался?

Мартин осмотрелся, мы были уже на Пулавской.

— Если нетрудно, подбрось до больницы на Стемпинской. Надо все ж таки сориентироваться насчёт самочувствия моего дамоклов меча. Давно не навещал.

Поехали в больницу, меня тоже интересовало, как обстоят дела. Вошли вместе. В холле больницы продавали сигареты. Я направилась к киоску. Мартин вежливо поклонился дежурному и пошёл к лестнице.

— Послушайте, вы куда? Вашего родственника уже нет!

Я стремительно обернулась. Мартин замер на лестнице спиной к дежурному, с поднятой ногой.

— Из седьмой палаты? Его уже нет, — повторил дежурный доброжелательно.

Ещё мгновение Мартин изображал живую картину. Потом, ужасно

бледный, медленно повернулся.

— Умер? — спросил глухим голосом.

— Да что вы, домой поехал. Я ему и такси вызывал. Чувствует себя неплохо. Старый человек, больной, а силушка есть ещё, дай бог всякому!

Мартин молча спускался с лестницы, как лунатик. Я забыла про сигареты.

— А когда этого пана выписали из больницы? Давно? — спросила я быстро.

— Да какое там давно — сегодня! Часа четыре, как уехал...

Я вышла, Мартин за мной, споткнулся о порог, сел в машину и застыл. Наконец закурил.

— И ничего страшного, — попыталась я приободрить Мартина.

Мартин не отвечал. Курил, уставившись в перспективу Стемпинской улицы. Я решила переждать. Вышла, вернулась в больницу и купила сигареты. Когда села в машину, Мартин спросил мёртвым голосом:

— Ну? И что теперь?

Я попыталась его утешить.

— Из двух зол уж лучше, что жив остался. Хоть завещание не вскрыют и вся авантюра не выплывет на свет божий. Возможно, удастся ему растолковать...

— Если бы тебе растолковали, что плакали все твои марки?

— Ну, я-то по крайней мере пристукнула бы тебя. Правда, у меня нет «Маврикиев». Хотя, пожалуй, апоплексический удар схлопотала бы.

— Он тоже схлопочет. И завещание вскрыют, не говоря уже о гуманном отношении и прочее. Не знаю, куда податься. Бежать в Южную Америку?

— Не успеешь, нету паспорта. Послушай, давай подумаем. А вдруг умрёт на месте от разрыва сердца, надо что-то предпринять... Если бы не проклятое завещание...

— Ха-ха! — Мартин скрипнул зубами. — Если бы не завещание!..

— Значит, надо убрать завещание. Разреши, подумаю вслух, лучше соображается. Вломиться к нотариусу... Чепуха. Сложно, да и времени требует. Лучше всего, чтобы сам. Надо уговорить его аннулировать завещание, новое пока не писать — любое завещание повлечёт за собой разоблачение несчастной аферы. Аннулировать можно за пять минут: позвонит нотариусу, попросит привезти документ и уничтожит. Может, надо ехать самому, не представляю этой процедуры. Но к старичку должен же нотариус быть снисходительным. А попозже можно и о самой коллекции поговорить.

— Позволь узнать, каким образом уговорить его на это?

— Уговаривать не тебе! Тебя нужно всячески обругать. Предлагаю себя в жертву: пойду к старичку, очерню тебя, опорочу, оговорю, объясню, что ты скотина — какой уж из тебя наследник...

— И это даже справедливо...

— Не прерывай! Постараюсь убедить, что наследника надо выбрать осмотрительно. Прежде всего уничтожить завещание, а после спокойно обдумать.

— А после окажется, что ты совершенно права...

— Да помолчи же, наконец! Дальше тоже ехать на дипломатии, иначе он отправится в милицию. Если переживёт свою потерю, разумеется... Тут уж не придётся ждать снисхождения к подонку, то есть к тебе. Можно, конечно, все дело изобразить без тебя в главной роли, пожертвовать Баськой и Донатом. Беру это на себя. Баське все едино, а Донат и так выглядит лучше всех, почему-то майор его не учитывает. Видимо, сильно сомневается, принимал ли участие в аванюре, обвинить его можно разве что насчёт записки о Рябом...

Бледный Мартин размышлял над моим планом.

— Нет. Сваливать на других — свинство. Я должен все сделать сам...

— Вот дурак! Ведь выплывает, что вся катавасия затеяна не ради пользы государству, а из-за частных марок.

— В эту пользу государству и так никто не верит.

— Но никто не докажет и противного. Если все выложишь, прикончишь и Баську с Павлом, и Доната! Не имеешь права! Обрати внимание, мы стоим около больницы, телефон тут рядом, внизу, начнёшь выкидывать коленца, сразу вызову всех троих.

Мартин машинально взглянул на больничную дверь и снова тоскливым взглядом воззрился в пленэр улицы.

— Черт бы все побрал.

— В конце концов, они в пропаже виноваты, — злилась я.

— Ладно, — согласился Мартин через пять минут раздумий. — Я последняя скотина. Поехали, чем скорей, тем лучше.

Старый пан жил на втором этаже в старом доме. Я поднялась по мраморной лестнице и позвонила в дверь с двумя глазками. Мартин остался в машине. Долго никто не отзывался, я забеспокоилась. Представила, что вот-вот опять обнаружу труп, мне сделалось плохо, и я чуть не сбежала. К счастью, за дверью раздалось шарканье.

Старый пан не задал глупого вопроса «кто там?», он открыл дверь, не снимая цепочки, и долго разглядывал меня. И в самом деле старенький,

маленький, сухонький, как соломинка. Спросил, по какому делу.

Я объяснила: знакомая Мартина, кое-что хотела бы обсудить, но в квартире, а не на лестничной площадке. Старый пан колебался. Я назвала себя и протянула паспорт.

— А-а-а! — обрадовался старичок. — Так это вы? Я много о вас слышал, пан Тарчинский рассказывал! Прошу вас, пожалуйста, только разрешите — паспорт все-таки проверю...

Я чувствовала себя не в своей тарелке и, вручив старому пану паспорт, обругала про себя Мартина последними словами. Вот дурень! Распространялся про меня, а я его всячески поносить собираюсь! Другой темы для разговоров не нашёл!..

Старый пан между тем проделал нечто весьма странное. Вернул мне паспорт, после чего выставил за дверь трубу с загнутым концом — нечто вроде перископа — и быстро повернул её в обе стороны: проверяя, нет ли кого на лестнице. Я оторопела. Не обращая на меня внимания, старичок удостоверился, что на площадке разбойников нет, спрятал перископ, снял цепочку и открыл дверь. Тщательно запер её за мной и тотчас же навесил цепочку. Я с сожалением отметила: в теперешней ситуации все его меры предосторожности нужны как рыбке зонтик.

— Прошу, прошу. Милостивая пани, позвольте дальше. Простите за скромный приём, но я только сегодня из больницы после тяжёлой болезни и передвигаюсь с некоторым трудом. Прошу вас, присядьте...

Приглашая меня войти, он извлёк из кармана бонжурки ключ, отпер дверь в комнату, впустил меня и жестом пригласил занять кресло возле большого довоенного письменного стола. Ещё в прихожей я заметила открытую дверь в другую комнату и удивилась, почему он пригласил меня не туда, а в столь оберегаемое помещение. Я вознамерилась уже сесть в кресло, но взглянула на стол и утратила способность двигаться, так и не присев в кресло.

На чёрной поверхности стола в специальных прозрачных конвертах лежали две маленькие марки. Одна красная, другая голубая. На каждой — хорошо знакомая голова королевы Виктории...

— Боже праведный, что это?! — Ошеломлённая, я не верила собственным глазам.

Старый пан подкатил к письменному столу столик на колёсиках, на котором что-то лежало. Я не обратила внимания, загипнотизированная двумя маленькими квадратиками. Старый пан, посапывая, устраивался в кресле за столом.

— Это марки, досточтимая пани, — ответил он добродушно. — Марки

с острова Маврикий.

Дипломатия, Мартин, афёра — все тут же вылетело у меня из головы. Я готова была упасть перед старичком на колени, умоляя разрешить мне рассмотреть марки поближе. Оторваться от них у меня не хватало сил. Ноги подогнулись, я наконец плюхнулась в кресло и тут же вскочила снова.

— Настоящие? Настоящие «Маврикии»?.. И оба — однопенсовик и двухпенсовик?.. Чистые?..

— Все правильно, дорогая пани, чистые. Знаменитые «Маврикии» с ошибочной надпечаткой post office. Я вижу, вам не чужд интерес к маркам? Представьте себе, оба «Маврикия» со времени выхода в свет являются собственностью моей семьи. Прошу вас, хотите посмотреть?..

Кроме слов «Боже милостивый», я ничего не могла произнести. Зато уж «Боже милостивый» повторяла без конца. Владелец этих сокровищ, этой святыни обрадовался такой реакции непомерно, вручил мне лупу, выразил чрезвычайное удовлетворение по поводу встречи с родственной душой. И мы вместе с набожным благоговением созерцали плоды самочинной выходки губернаторши XIX века с острова Маврикий.

— Дорогая пани, вы застали меня за осмотром коллекции, я, будучи в больнице, очень соскучился по моим маркам, — сообщил конфиденциально старый пан, которому легче было оторваться от созерцания чуда, чем мне. — Очень приятно рассмотреть коллекцию в обществе столь тонкой ценительницы филателистики. Если, конечно, вы ничего не имеете против того, дабы посвятить этому занятию немного времени.

Немного!.. Не колеблясь, я посвятила бы неделю! Старый ангел в человеческом облике выдвинул ящик и начал вынимать плотные конверты. Я забыла закурить, пошла красными пятнами, начала задыхаться — под впечатлением то и дело забывала вдохнуть воздух. Передо мной лежали небывало прекрасные марки в идеальном состоянии, без подклеек и с печатями экспертов! Мир испарился из моей памяти.

— Как вам удалось не испортить марки наклейками? — спросила я ошеломлённо, рассматривая пустяк — «Колумбов» стоимостью в семьсот фунтов. — Это же такая редкость!

— Мой светлой памяти покойный дед, к счастью, не свершил подобного святотатства, — с чувством отвечивал старый ангел. — Кажется, у него попросту не было кляссера. А мой светлой памяти покойный отец мало интересовался коллекцией и продолжал хранить её в конвертах. Я же занялся марками уже во времена, когда от наклейки марок в альбом отказались.

— Слава богу! А эти «Маврикии»? Они ведь, кажется, не учтены в каталоге?

— Совершенно справедливо изволили заметить, пока ещё нет. Это единственные марки без печати экспертизы. Но их происхождение вне сомнений, и в надлежащее время марки вызовут сенсацию.

— Представляю себе!.. И вы не боитесь хранить дома коллекцию, да ещё на виду, и впускаете чужих людей!

— Каких чужих людей?

— Как — каких? Меня же вы впустили?!

— Милостивая пани, вы особа не посторонняя! Вы сами видели, я весьма осторожен и человека чужого не впущу. К тому же мне столь недолго осталось жить... хотелось бы натешиться моими марками, а показать их особе, коей я доверяю, исключительно приятно! Одно из немногих удовольствий, ещё оставшихся мне, и, верно, уже последнее, — созерцать эти великолепные марки вместе с человеком, умеющим их оценить!

— Мне вы доставляете поистине огромное удовольствие! Так приятно ваше доверие, не понимаю только, откуда вам известно...

— Я очень стар и знаю людей. Прошу лишь об одном: не рассказывайте о моих сокровищах.

— Ну конечно же, боже праведный! Ведь любой мошенник может обокрасть вас!

— Все может стать. Уже не раз пытались... Пока что я в безопасности, все уверены, что коллекция сохраняется в другом месте. В моё отсутствие кто-то проник в мой дом и все обыскал. Ничего не нашёл.

— А где же были марки? — спросила я с интересом, уставившись в многочисленные варианты первой польской марки, и вдруг до меня дошло, о чем спрашиваю и на что смотрю. Я поперхнулась, онемела, мне сделалось нестерпимо жарко.

Старый пан лукаво посмотрел на меня.

— С собой в больницу не брал. Любителей марок, дорогая пани, много, очень много. За мной постоянно следили. В больнице скрупулёзно обыскали все мои вещи. На следующий же день. Но я это предвидел — хе-хе! — старый воробей, меня на мякине не проведёшь: известно, на что люди способны из-за денег...

Я глазела на него, все ещё не владея ни одним из пяти органов чувств. Старый пан прямо-таки лучился гордостью.

— Так вот, я сделал вид, что передаю коллекцию в другие руки, — продолжал он конфиденциально. — Разработал два варианта. Мне

сообщили, что делалась попытка подкупить секретаршу нотариуса, хитростью, кажется, добрались даже до семейных драгоценностей, хранящихся у него. Это был первый вариант. А вторая ложная тропа вела к нашему молодому приятелю. Рассказываю об этом, потому что оба варианта не актуальны. А на самом деле я тщательно запаковал все в большую пачку и отослал на своё имя по адресу больницы. Заказной бандеролью.

Ко мне наконец вернулся голос, и я хрипло простонала:

— Господи Иисусе!.. И вы не побоялись, что потеряется?! Пропадёт где-нибудь в больнице?!

— Я надеялся на то, что на почте в это время не случится пожар, — ответил лукаво старый пан. — В больнице, получив посылку, я попросил главного врача положить в сейф пакет со старыми фотографиями и дневником моего друга... Больничный сейф — самое безопасное место...

У меня не было ни слов, ни голоса, ни мыслей, ни чувств. Двое убитых, схваченный преступник, чудовищная контрабандная авантюра, паника на чёрном рынке — все из-за выкраденного у Мартина депозита, который преспокойно лежал в больничном сейфе под наблюдением владельца!..

* * *

Когда я вышла от старого пана, был уже поздний вечер. Мартин сидел в машине совершенно зелёный. Не проронил ни слова, не взглянул на меня. Да, необходимо его подготовить и рассказать все осторожно и деликатно...

— На твоём месте я не отказывалась бы от наследства, — начала я осторожно и деликатно. — Феноменальные марки!

Мартин неподвижно смотрел прямо перед собой.

— Слышишь? Все в порядке. У старого пана к тебе ни малейших претензий за доверенную коллекцию. Он к тебе хорошо относится.

Мартин, не шевелясь, открыл рот и издал короткий хриплый звук. Я испугалась.

— Боже мой, успокойся же наконец, все в порядке! Не понимаю, что спёрли у тебя, но коллекция вся у него. Полностью. Я и задержалась потому, что посмотрела все марки. Клянусь, оставленный у тебя пакет — просто очередной камуфляж. Не расстраивайся, я ему не сказала, что этот пакет исчез, но марок там не было.

Зеленоватая бледность на лице у Мартина для разнообразия сменилась

яркой краской. Медленно, с усилием он повернулся ко мне.

— Ничего не понимаю, — выдавил хрипло. — Ты, кажется, что-то говоришь?..

С ангельским терпением я повторила всю историю трижды. Достала из багажника бутылку минеральной воды и повторила в четвёртый раз. Под влиянием воды и моих уверений Мартин наконец начал походить на живого человека. В пятый раз он уточнял подробности, задавая вопросы, — голос к нему вернулся. В шестой раз рассказывать то же самое я отказалась.

— Совсем дошёл? Ты ведь уже наизусть знаешь каждую деталь! Я сама обалдела от бесконечного повторения. Хватит, довольно!

— Это же прекраснейшая повесть на свете, — торжественно возвестил Мартин. — Хоть и завертелась из-за этих марок сумасшедшая карусель! Господи, как я упыюсь... Наконец-то меня перестанут мучить угрызения совести!

— В общем, да... Всех перестанут мучить...

— Да нет, я другое имею в виду. Меня ещё страшно мучило, что я впутал в нашу афёру невинного старичка. Хорош невинный старичок!..

Я смотрела на него вопросительно — что-то тут не клеилось. Мартин пояснил.

— Ну, ты понимаешь — почерк свой человек не изменит, хоть бы встал на голову. Все эти послышки надо же было адресовать. Особенно от Вишневского. И представь себе, все адреса писал истинный виновник переполоха — наш невинный старичок, коварно обманутый мной. Большинство адресов написал гуртом. Естественно, никому не пришло в голову искать отправителя в больнице...

* * *

И в результате оказалось — я все-таки сказала майору чистую правду. Проклятое наследство вовсе не пропало, и потому не было иных причин всей этой безумной кутерьмы, кроме блага государства...